

Федеральное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра
Российской академии наук

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
ДАГЕСТАНСКОГО КОМПОНЕНТА**

(к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН)

Махачкала 2014

ББК Т 63, 3/5 (2Р-2Д)
УДК 94(470) «1980-2014»
Э-91

*Издается при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 14-01-00440)*

Утверждено к печати Ученым советом ФГБУН ИИАЭ ДНЦ РАН

Рецензенты: доктор ист. наук **Тетуев А.И.**,
доктор полит. наук **Сампиев И.М.**
Ответственный редактор – к.и.н. **М.-Р. А. Ибрагимов**
Редактор и составитель – к.и.н. **А.С. Халилова**

Э-91 Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН). Коллективная монография. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – 236 с.

ISBN 978-5-4447-007-5

Настоящая коллективная монография стала результатом работы участников научного семинара, проведенного в г. Махачкале 23 октября 2014 года в рамках юбилейных празднований, посвященных 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН. В ней представлены исследования по одной из актуальнейших проблем современности – изменению этнокультурного ландшафта территорий нашей страны и мира, а также роли и значения выходцев из Республики Дагестан в этом процессе. Авторами монографии не только прослеживаются изменения, произошедшие в этом направлении в постсоветский период, выявляются причины и особенности, приводящие к кризисным ситуациям, но и в ряде случаев, предлагаются научно-практические рекомендации и пути выхода из сложившихся условий.

Монография рассчитана на ученых – историков, этнографов, социологов, политологов, а также аспирантов и студентов, руководителей общественно-политических и национально-культурных движений, работников государственной и муниципальной службы и всех, кто интересуется проблемами развития Дагестана на современном этапе.

ISBN 978-5-4447-007-5

© ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014
© Коллектив авторов, 2014

instituteofhistory.ru

Лишь переселившись,
мы узнаем цену покинутого места...
С. Ниязов

Предисловие

Современная ситуация в отечественной истории и этнографии зачастую определяется как время поиска и смены исследовательских парадигм. Одной из перспективных в этом плане является ландшафтная парадигма. В развитии отечественной истории, социологии и политологии она сыграла особую роль. Как только в России ландшафтная концепция оформилась институционально, наука породила гигантский поток научной рефлексии.

Концептуализация понятия «ландшафт» в разные периоды развития науки в разных научных школах была далеко не однозначной и не ограничивалась физико-географической интерпретацией. В настоящее время в России параллельно развиваются два направления ландшафтных исследований: физико-географическое и возрожденное в конце XX века культурно-географическое. Сближение этих направлений весьма перспективно для развития комплексных региональных исследований. Оно возможно в рамках эволюционного ландшафтоведения, ключевым исследовательским объектом которого может стать этнокультурный ландшафт, понимаемый как результат эволюции ландшафтной оболочки и формирования ноосферы.

Особый интерес в этом плане представляет изучение культурных ландшафтов Северного Кавказа, сформировавшихся в исключительно разнообразных и динамичных условиях природной и социокультурной среды, специального исследования которых в рамках обобщающих либо региональных трудов еще не проводилось. В этой связи особую актуальность приобретают проблемы выявления факторов формирования и закономерностей эволюции

ландшафтов региона в процессе культурогенеза, а также их районирование.

Особенное значение в рамках изучения причин и способов формирования этнокультурных ландшафтов, существенно изменившихся в связи с ускорением восприятия временного континуума, приобрели миграционные процессы. Другой причиной, побуждающей нарастание интереса к миграциям, стала их масштабность и определенная роль в различных аспектах жизни общества. В связи с этим, прошлое столетие, нередко именуют «веком миграции» [1. С.7.]. Ведь именно политические и научно-технические реалии прошлого века сделали осуществление миграций возможными в масштабе всей планеты Земля.

Расширение границ такого всеобъемлющего процесса, затрагивающего фактически все страны и государства мира, стало основой для возникновения насущной необходимости в его научном освещении и разработке научно-практических рекомендаций. В связи с чем, почти все мировое сообщество проводит теоретические и практические исследования позволяющие понимать и контролировать движение мигрантов. Не исключением стала и Россия, в которой к концу XX- началу XXI веков миграции приобрели наиболее глобальный характер. В какой-то мере, они стали определяющими причинами и факторами социальных изменений в стране. В этом контексте Северный Кавказ, и особенно Дагестан играет весьма значительную роль, т.к. он на протяжении всего исследуемого периода является регионом, отдающим людей стране и миру. Дагестанское миграционное донорство, сформированное под влиянием социально-экономических процессов и военных кампаний последних десятилетий, исчисляется десятками и даже сотнями тысяч человек. Например, только во внутренних трудовых миграциях, согласно статистическим данным 2006 г., участвовало свыше 14% экономически активного населения сельского Дагестана. [2 с.19].

Помимо академического интереса авторов к заявленной проблематике актуальной теме делает и то, что миграционная тематика активно обсуждается не только на правительственном уровне, в кабинетах экспертов, но и в обществе. Это также дает право воспринимать данную тему как чрезвычайно актуальную. В связи с чем, авторы монографии, исследовав и критически оценив ранее изданную литературу, сведения из сети Интернет, привлекая источниковый материал, данные собственных полевых исследований, а также результаты проведенных социологических и экспертных опросов, постарались выявить основные причины возникновения мигрантной активности у дагестанцев, проследить пути и особенности формирования дагестанских анклавов за пределами республики, дать научно-теоретические выкладки и практические рекомендации по урегулированию кризисных ситуаций, складывающихся как в самом Дагестане, так и в принимающих регионах. Подготовленный материал был распределен по главам, в соответствии с направлениями дагестанской миграции, с учетом географического фактора. Это позволит читателю создать более структурированную картину исследуемого явления. Наличие в работе большого числа прямых цитат, по мнению авторов монографии не только позволит «оттенить человеческий фактор происходящего»[1.с.19.] , но и проследить выявленные тенденции на уровне социально-бытового, повседневного восприятия выходцев из Дагестана в принимающих регионах.

1. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX- начале XXI вв.: их социальные и культурные последствия и перспективы. СПб, 2011.

2. Алиев Ш.М., Гимбатов Ш.М., Эфендиев И.И., Эльдаров Э.М. Отходничество жителей сельских районов Дагестана // Труды географического общества Дагестана. Вып. XXXV. Махачкала, 2007.

3.

Глава I.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ В ПОСТСОВЕТСКОМ ДАГЕСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

1.1.МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДАГЕСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

М.-Р.А. Ибрагимов

*Публикация подготовлена в рамках научного проекта
№ 14-01-00440, поддержанного РГНФ.*

Основной научной задачей настоящей статьи является анализ современных тенденций миграционных процессов в Дагестане, выступающих в качестве формирующего элемента этнокультурного ландшафта республики, впоследствии влияющего на изменения состава новых этнокультурных ландшафтов на постсоветском пространстве всего Северо-восточного Кавказа.

Интерес к миграционным процессам во всем мире обусловлен их масштабностью и значением для различных аспектов жизни общества. Именно они нередко приводят к существенным изменениям демографической ситуации, которая в свою очередь вызывает социально-экономические преобразования. А последние оказывают заметное влияние «не только на уровень жизни и ее продолжительность, но и на то, сколько людей и куда устремляется искать лучшую долю» [1]. Итак, замыкается круг, и миграция продолжается на новом витке, воздействуя на демографию, экономику и социальную жизнь населения региона, в результате чего создаются новые контуры этнокультурных ландшафтов.

Миграция, контролируемая и особенно неконтролируемая, стала достаточно острой проблемой для России в

целом и ее отдельных регионов. В этом контексте Северо-восточный Кавказ играет весьма значительную роль, т.к. его республики на протяжении последних десятилетий являются в отношении миграции для страны регионами-донорами, под влиянием мощных социально-экономических процессов и военных кампаний последних десятилетий миграция оттуда исчисляется десятками и даже сотнями тысяч человек.

Изучение влияния миграционных процессов на формирование современного этнокультурного ландшафта проведено по материалам Республика Дагестан, где миграционная активность стала характерным явлением, как для сельского, так и для городского населения при сохранении относительно высоких темпов воспроизводства населения, отсутствии рабочих мест, низком уровне жизни и др. факторах.

Основным источником для написания статьи послужили Материалы всероссийских переписей населения РФ за 1989, 2002 и 2010 гг., позволяющие установить масштабы и направления изменения численности и этнического состава населения Дагестан, как внутри, так и за пределами региона, совокупным результатом которых являются изменения в этнокультурном ландшафте республики. А также данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РД (в том числе текущего учета миграций), включая: статистические справочники «Миграция населения Республики Дагестан», «Демографический ежегодник» за 1990-2013 гг. и сборники «Социально-экономическое положение Республики Дагестан». Помимо этого информационно-аналитические и статистические материалы Управления Федеральной миграционной службы России по Республике Дагестан, демографические ежегодники РФ за 2002-2013 гг., указы Президента и Постановления Правительства РФ по вопросам, регулирования миграционных процессов в Российской Федерации.

Особое место занимают полевые этнологические материалы, собранные в 2014 г. различных районах РД.

Истоки современных тенденций миграционных процессов в Республике Дагестан уходят корнями в средневековье. Одной из ранних форм миграции населения Дагестана следует считать перемещение части горского населения вместе со скотом в осенне-зимний период на зимние пастбища, расположенные на территории как Дагестана (Кумыкской равнины и Приморской низменности), так и в сопредельных регионах – Азербайджана (в Муганскую степь) и Грузии (в Кахетию). Часть населения Дагестана, обитающего в высокогорной зоне у отрогов Главного Кавказского и Бокового хребтов (точнее дидойцев, бежтинцев, цахуров, части аварцев из обществ Томс, Кос, Тох, Анцух, Анцросо, Глебелъ, Джурмут, Таш, Ухнада, Бохнада, Кхенада, Тлейсерух, части лезгин из селений Гдым, Фий, Ухул, Смугул, Куруш и др. и части рутульцев из сел Хнов, Борч) практиковала вплоть до конца XX в. переселение на зимние пастбища в Закавказье целыми семьями вместе со своим скотом, где они жили буквально в землянках.

При этом большая часть переселившегося населения не была непосредственно занята уходом за ним на зимниках (за исключением стрижки или окота). Эти мигранты уходили из родных мест в Закавказье одновременно с чабанами, на заработки в качестве ремесленников или землекопов, батраков, домашней прислуги и пр. в ближайших к зимникам селениях. Были и такие случаи, когда большая часть скота вовсе не отгонялась в Закавказье, а содержалась зимой в Дагестане на южных склонах гор или на Кумыкской равнине, а мужское население все же уходило на заработки в Закавказье или на равнину, принимая статус сезонных мигрантов-отходников [2, л. 32].

Новый вид и новые направления миграций сложились в Дагестане не позднее XVI в., когда в документах фиксируется четкое географическое разделение труда между жите-

лями нагорного с одной и предгорно-равнинного Дагестана с другой стороны. Каждая из этих природно-географических зон специализировалась на выработке животноводческой и зерновой продукции соответственно. Однако в горах, особенно в высокогорье, в условиях малоземелья и малопродуктивности скотоводства, это разделение основных занятий не обеспечивало большую часть горцев достаточным количеством средств жизнеобеспечения и вынуждало их искать новые дополнительные источники для выживания. Таким источником стало отходничество (миграция) части (преимущественно мужского) населения вынужденного выезжать на определенное время за пределы населенного пункта в поисках сферы приложения труда, сельскохозяйственной или ремесленной деятельности для приобретения средств к существованию. При этом основной причиной внутренней миграции части дагестанцев была аграрная перенаселенность гор. Институт отходничества, получив форму своеобразного промысла, связанного с отсутствием работы, продолжает бытовать и в современных условиях, являясь «одной из важнейших экономических и социальных практик, характеризующих регион» [3, с.398]. Основной причиной миграции населения РД была и остается неблагоприятная экономическая обстановка; выражающаяся в массовой безработице, что подтверждается данными наших полевых этнологических исследований [2, л.35].

К началу XX в. этнокультурный ландшафт Дагестана характеризовался относительной компактностью и стабильностью расселения народов в традиционных этнических ареалах сельской местности (90% всего населения), сочетавшейся с ежегодными сезонными внутренними миграциями. Этнический состав населения Дагестана включал представителей нахско-дагестанской группы северокавказской языковой семьи (аварцев, андийцев, каратинцев, тиндалов, ахвахцев, чамалалов, багулалов, ботлихцев, годобе-

ринов, дидойцев (цезов), капучинцев (бежтинцев), хваршинов, гинухцев, гунзибцев, арчинцев, даргинцев, кайтагцев, кубачинцев, казикумухцев (лакцев), кюринцев (лезгинов), табасаранов, рутульцев, агулов, цахуров, чеченцев), живших в горных и высокогорных зонах края, тюркских народов – кумыков, ногайцев, терекемейцев и закавказских тюрков (азербайджанцев), носителей одного из иранских языков – горских евреев и татов, восточнославянских народов – терских казаков (русских) и нахских этносов – аккинцев. Они были расселены в предгорных и равнинных землях Дагестана (см. рисунок № 1).

Огромную роль в формировании современного этнокультурного ландшафта Дагестана под влиянием миграционных процессов имело проведение широкомасштабной переселенческой политики. Это были существенные преобразования в этнокультурном ландшафте Дагестана, которые сформировались в результате переселение значительной части горцев на равнину.

В итоге они привели к тому, что народы, проживающие в равнинной части республики (кумыки, ногайцы, русские и ниже-терские казаки Кизлярщины, дербентские азербайджанцы), лишились значительной части земель на своей исконной территории обитания, потеряли компактность проживания.

В отличие от народов, живущих в горных и высокогорных районах РД, они теперь не имеют мононациональных районов. В условиях, когда большинство ныне существующих, в том числе сельских, населенных пунктов стало многонациональным, возникли реальные перспективы деэтнизации этих народов или вынужденного оттока наиболее активной их части за пределы республики [4, с.48].

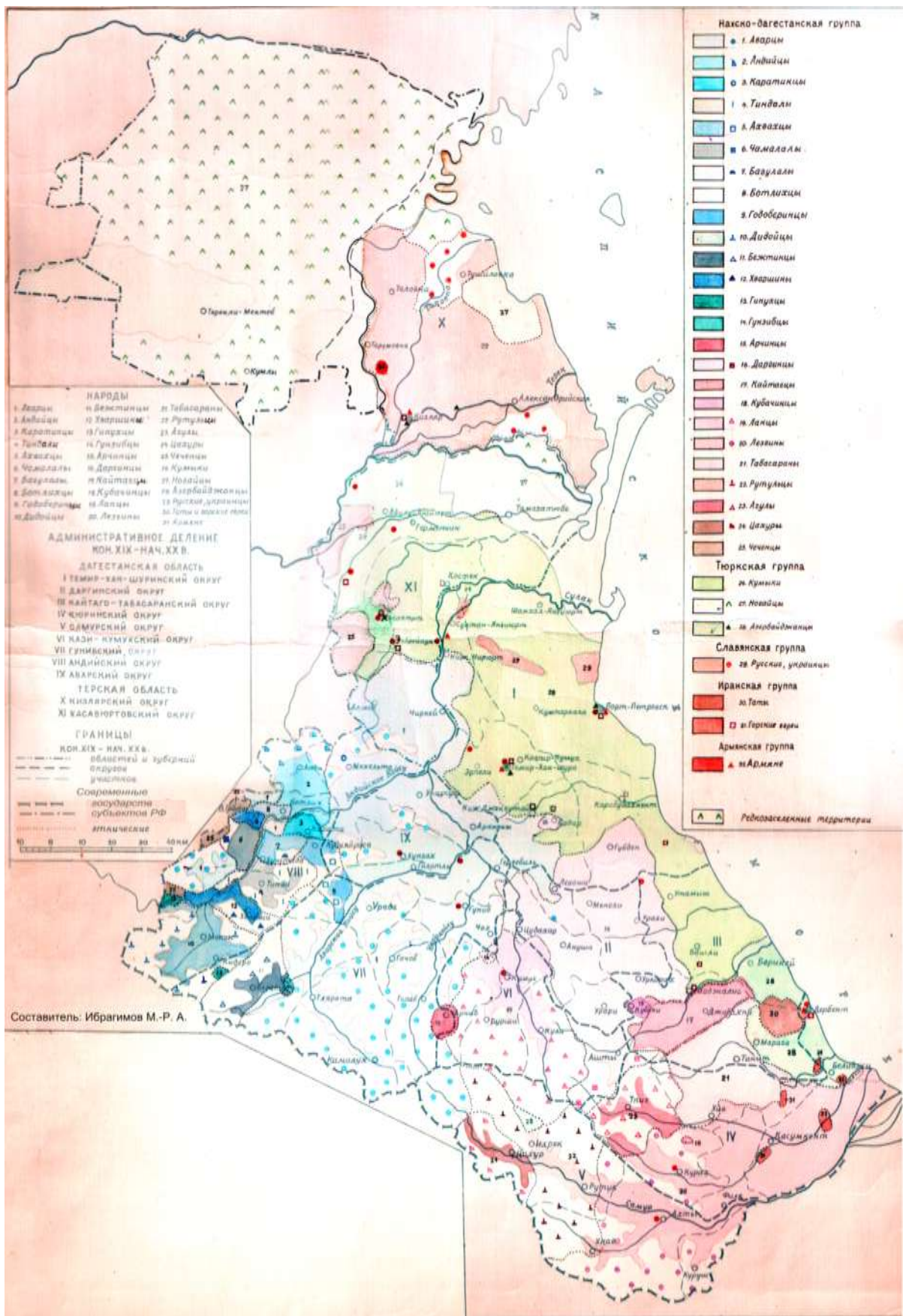

Рисунок 1. Карта расселения народов Дагестана к концу XIX – началу XX вв.

Переселение горцев вначале носило стихийный (если до 1918 г. на равнинных землях было создано 23 переселенческих поселка, то уже к 1922 г. – еще 57), а затем организованный характер, продолжаясь на протяжении всего XX столетия. Новая волна этого процесса связана с восстановлением Чечено-Ингушской АССР и возвращением горцев Дагестана (выселенных в 1944 г. в Чечню) обратно в ДАССР, в основном на Кумыкскую равнину, а не в места их исконного проживания. В дальнейшем переселение усилилось в связи с переориентацией в 1960-е гг. сельского хозяйства республики на развитие виноградарства, требующего дополнительных трудовых ресурсов. В результате к концу 1970-х гг. было перемещено около 300 тыс. горцев, для которых на равнине было организовано 106 новых населенных пунктов, создано свыше 100 колхозов и совхозов [5, с.276].

Параллельно с организованным переселением в этот же период партийным и советским руководством ДАССР поощрялось заселение жителями горных районов земель отгонного животноводства на равнине, выделенных еще в 1927–1934 гг. для содержания скота в зимний период, общей площадью около 1,5 млн. га сельхозугодий, в том числе 137 тыс. га пашни, которые были закреплены за 280 общественными хозяйствами 21 горного района [5, с. 316]. На этих территориях жители горных районов, самовольно стали возводиться жилые капитальные строения, изымая земли из сельскохозяйственного оборота, создавать социальную инфраструктуру, в том числе Территориальное управление образования (ТУО), объединявшее прикутанские школы населенных пунктов, расположенных на землях отгонного животноводства.

Процесс стационарного заселения охватил Бабаюртовский, Кизлярский, Ногайский, Тарумовский, Хасавюртовский, Кизилюртовский, Кумторкалинский, Каякентский, Дербентский, Магарамкентский и другие районы респуб-

лики. В результате появились десятки новых для этой территории относительно крупных этнических массивов аварцев, даргинцев, лезгин, табасаранцев, лакцев и агулов, которые к концу 1980-х гг., по официальным данным, проживая в более 100 новых населенных пунктах, составили около половины всего населения равнины [6, с.3]. По экспертным же оценкам, число переселенцев в равнинных районах примерно в полтора раза больше официальных данных. К настоящему времени общее количество поселившихся или находящихся более или менее постоянно на территории равнинного Дагестана составляет более миллиона человек. И хотя плановые переселения в Дагестане, проводимые при государственной поддержке были завершены еще в начале 1980-х годов, стихийная миграция из горных районов на равнину продолжается до сих пор.

Организованное перемещение и стихийное переселение многотысячного населения с гор на равнину, образование новых населенных пунктов и особенно бурный рост численности городского населения способствовали стягиванию представителей различных народов в переселенческие поселки и города, превратившиеся в своеобразные «котлы этнических процессов» и преобразившие этнокультурный ландшафт равнинного Дагестана.

Дагестанцы-переселенцы попали в иную природно-климатическую среду с иным этническим окружением, другими хозяйственными и культурно-бытовыми традициями. Эти факторы, естественно, требовали изменения их образа жизни. На равнине процессы нивелировки традиционного культурно-бытового уклада и культурно-бытовой ассимиляции переселенцев стали приобретать необратимый характер. Даже традиционные для горцев скотоводство, земледелие и садоводство в условиях равнины требовали иных навыков, опыта, которые они перенимали у местного населения. С ростом хозяйственных, культурных контактов и связей, взаимопомощи, расшире-

нием сферы межнационального общения развивались интернациональные черты, свидетельствующие о процессе межэтнической интеграции населения Дагестана. Одной из составляющих этих процессов было сближение и ассимиляции андо-цезских народов с аварцами, а также кайтагцев и кубачинцев с даргинцами, получивших новый импульс в условиях нового этнокультурного ландшафта.

Отмеченные обстоятельства способствовали формированию своеобразной «субкультуры» переселенцев, для которой характерно сочетание многих компонентов не только материальной культуры кумыков, азербайджанцев, русских и терских казаков, но и некоторых элементов духовной культуры этих равнинных народов.

Вместе с тем масштабное переселение значительной части горцев на равнину сломало исторически сложившуюся конфигурацию системы этнических отношений, когда каждый этнос имел свою «нишу». С переселением очень быстро обнаружились противоречия, свойственные территориально-дисперсной многоэтнической структуре: разные стартовые позиции и конкурентные условия социальной самореализации, межэтническая напряженность на почве территориальных претензий и т.д. Они привели к существенному сокращению численности населения в горных районах (где перестали существовать или находятся на грани исчезновения более 200 селений), породив массу проблем для жителей равнин, поскольку проводилось без учета социально-этнических, экологических и др. последствий.

Главным результатом этих преобразований стало разрушение сформировавшейся на протяжении веков системы расселения народов в пределах определенных территорий, традиционно сложившегося разделения труда между горными и равнинными районами, взаимовыгодного обмена результатами труда между жителями равнины и гор, служившего мощным фактором сохранения дагестан-

ской солидарности [7, с.492]. Нарастание диспропорций в социально-экономическом развитии между горными и равнинными районами продолжает отрицательно сказываться на этнокультурной и языковой ситуации в РД.

В ходе миграционных процессов в отдельных муниципальных образованиях сложилось положение, когда коренные народы, проживающие на своих территориях (кумыки, ногайцы, русские и нижне-терские казаки, дербентские азербайджанцы), оказались в численном меньшинстве. В силу этого они лишились пассивного избирательного права, т.е. права граждан быть избранными главами муниципальных образований, оказывать более весомое влияние на решение вопросов этнокультурного характера, возникающих при смешанном проживании равнинного и горского населения.

Внутренняя миграция значительной массы населения из горных и высокогорных районов в конце XX – начале XXI в. существенно изменила этническую карту равнинного и частично предгорного Дагестана, в результате чего коренные этносы этих районов (кумыки, ногайцы, русские) превратились в этнические меньшинства на традиционной территории своего обитания.

Для характеристики этнических аспектов миграционных процессов, оказывающих влияние на этнокультурный ландшафт Дагестана показательны сведения о вышеупомянутых школах, входящих в состав ТУО. «Более чем в 100 школах ТУО учатся около 10 тысяч детей. В основном это школы кутанов аварских районов (Тляртинского – 17 школ; Хунзахского – 11, Ботлихского – 9, Гунибского – 9, Казбековского – 8, Ахвахского – 8, Цумадинского – 7, Гумбетовского – 6, Цунтинского – 5, Шамильского – 4, Чародинского – 4 и т.д.). Кроме них имеются: одна начальная школа акушинского кутана, 2 начальные и 2 средние школы Лакского района, а также 5 школ (3 цахурские, 1 аварская и 1 рутульская) Рутульского района» [8]. В этническом составе

школьников ТУО на землях отгонного животноводства около 90% составляли аварцы и андо-цезы.

На миграционные процессы в Республике Дагестан в современный, постсоветский период оказали влияние такие факторы как распад СССР, падение уровня жизни, экономическая нестабильность и социальные конфликты, рост проявлений национализма, появление терроризма, а также демократизация общественно-политической жизни, реализация конституционного принципа свободы передвижения, развитие рыночных отношений, которые в целом способствовали расширению масштабов миграций. Международная составляющая миграционных процессов в Республике Дагестан, точнее иммиграция в республику носит относительно незначительный характер. Социально-экономический кризис и политические преобразования в бывших советских республиках последовавшие после распада СССР вызвали обострение межнациональных отношений и вынудили многих представителей некоренного населения, в том числе дагестанцев, находящихся за пределами России, выехать на родину в Дагестан и в другие регионы Российской Федерации.

Сложная социально-экономическая ситуация, безработица, низкий уровень жизни, проблемы жилищного обустройства и слабые перспективы их решения, рост преступности, непрекращающиеся угрозы и провокации, посягательства на жизнь и здоровье представителей органов власти и управления оказывают существенное воздействие на интенсивность, форму, структуру и направления миграционных процессов.

Миграционные потоки в течение последних 20 лет не меняли направленность. До 1990-х гг. республика имела отрицательное сальдо миграции из-за интенсивного выезда ее жителей в другие регионы страны на заработки. С началом перестроечного периода, особенно после распада Союза, ввиду активного возвращения на свою историческую Родину

представителей коренных национальностей ситуация существенно изменилась, миграционный прирост стал положительным, но начиная с 2000 г. общее число выбывших из республики неизменно преобладает над прибывшими извне.

Дагестан имеет устойчивый положительный прирост в миграционном обмене со странами СНГ и Балтии, отрицательный – странами дальнего зарубежья. Так, за 10 лет из стран СНГ и Балтии в республику прибыло 21,7 тыс. человек, дальнего зарубежья – около 0,5 тыс. человек, выбыло соответственно 5,5 и 5,1 тыс. человек, миграционный прирост составил 16,2 и минус 4,5 тыс. человек. С 1995 г. республика теряет численность в межрегиональном обмене с субъектами Российской Федерации.

Если в 2003 г. сальдо миграции по республике составило минус 5,8 тыс. человек, то к 2013 г. уже минус 24 тыс. человек, что свидетельствует о существенном росте (в 4,1 раза) числа сальдо миграции, причем как по городским поселениям, так и сельской местности отток населения преобладает над притоком. Выезжают в основном социально-активные лица трудоспособного возраста, среди которых много квалифицированных кадров, что ведет к ухудшению демографической структуры населения и ослаблению научно-экономического потенциала республики. Так, из числа граждан, выехавших в 2013 г., более 70 % составляли лица в возрасте 18–50 лет.

Активизации миграционных настроений способствует и нахождение на территории республики относительно большой группы иностранных граждан (по экспертным оценкам 3–5 тыс. человек) без определенного правового положения, многие из которых проживают без регистрации в органах внутренних дел, осуществляют трудовую деятельность без разрешений и постановки на учет в налоговых органах. Жестко конкурируя с нашими гражданами, они вытесняют с рынка труда местных жителей, усугубляя

сложное положение с занятостью населения, вызывают рост криминогенной напряженности.

По сведениям Управления федеральной миграционной службы России по Республике Дагестан за 2013 г. в республике в настоящее время находятся довольно значительные диаспоры граждан Азербайджана, Таджикистана, Армении и Грузии.

Наибольшее число нелегальных мигрантов сосредотачивается в Махачкале, Хасавюрте, Дербенте и других городах республики, что вполне объяснимо, ибо здесь легче найти работу, проще затеряться, не имея легальных оснований на проживание и занятость. Проблема в том, что республика не готова к нарастающему экспорту трудовых услуг из Азербайджана, Грузии, Армении, стран среднеазиатского региона, Китая, Вьетнама и др. стран [9].

Ситуация осложняется отсутствием в пунктах пропуска Дагестанского участка государственной границы полноценного иммиграционного контроля в отношении прибывающих в Российскую Федерацию иностранных граждан, периодическим отстранением работников поста иммиграционного контроля от работы, отсутствием четкого разграничения полномочий и согласованных действий между постами пограничного и иммиграционного контроля, несовершенством миграционного законодательства.

Ввод в действие миграционных карт при отработке механизма их реализации позволяет контролировать нахождение иностранных граждан на Российской территории с момента въезда до выезда за ее пределы, однако отсутствие должного контроля за их выдачей, учетом и оформлением не позволяет в полном объеме решать эти вопросы.

Зачастую иностранные граждане, в основном Азербайджана, прибывающие к государственной границе с решениями судов об административном выдворении, из-за просроченных или неправильно оформленных документов не пропускаются на Родину. Многие из них из-за отсутствия

средств и возможности выехать в консульские учреждения своих стран в г. Москве, оседают в близлежащих приграничных территориях, предпринимая попытки ее незаконного пересечения, что создает дополнительную напряженность на участке государственной границы.

Сложившаяся в республике ситуация свидетельствует о слабой эффективности принимаемых мер и требует, чтобы миграционные процессы стали фактором, способствующим позитивному развитию общества, исходили из потребностей экономики, интересов национальной безопасности и охраны общественного порядка при строгом соблюдении Конституции Республики Дагестан и международных обязательств России.

Учитывая, что миграционные процессы во многом предопределены спадом экономики, безработицей и низким уровнем получаемых населением доходов, представляется целесообразным проработать вопросы эффективного использования имеющегося производственного потенциала, особенно оборонных отраслей промышленности, реализовать меры, направленные на социально-экономическое и культурное развитие сельских районов (особенно горных и предгорных) для закрепления населения, сохранению существующих и создания новых рабочих мест.

Для ускорения решения вопросов, связанных с жилищным обустройством вынужденных переселенцев, необходимо увеличить объемы финансирования расходов по предоставлению им безвозмездных субсидий на строительство или приобретение жилья, а также на покупку им квартир.

Анализ основных тенденций процесса миграции в Республике Дагестан позволил в свое время Ш. М. Гимбатову выявить зависимость данного процесса от таких факторов как полиэтничность, этнопсихологическая особенность дагестанцев, социально-территориальная структура региона, геополитическое положение и социально-экономическая

ситуация, которые формируют этнорегиональную специфику республики [10, с.13].

К основным характеристикам, отражающим особенности миграционных потоков в Республике Дагестан, как и в других регионах и государствах, можно отнести интенсивность, направление миграционных потоков, состав, мотивы перемещения мигрантов, степень легализации перемещений, степень приживаемости мигрантов, особенности размещения мигрантов по территории вселения.

За последние десять лет (с 2003 по 2013 гг.) миграционная активность населения Республики Дагестан повысилась и достигла 63,4 тыс. человек. Число внутренних перемещений также несколько увеличилось, причем отмечается более высокая миграционная активность сельских жителей по сравнению с городскими. Это обстоятельство объясняется более низкими доходами сельского населения, которое стремится в города республики и за ее пределы в промышленные районы, сосредоточенные в основном в Европейской части России, а также в Тюменскую и другие области Сибири и Дальнего Востока.

В целом география внутренних межрайонных потоков не изменилась. Однако на сегодняшний день среди районов страны более четко можно выделить принимающие и отдающие население. Принимающие районы размещены на равнинах Дагестана и в городах, поселках городского типа, в которых сосредоточено 42,4% населения (1151,5 тыс. человек)» [11, с.218]. Данная зона протянулась от Терско-Сулакской низменности на севере до Приморской равнины на юге.

Районы, отдающие население, расположены некомпактно. В целом на этой территории проживает 32,4 % населения (871 тыс. человек) [11, с.218]. К ним относятся западная и южная нагорная часть Дагестана. Основной миграционной мотивацией дагестанцев является увеличение доходов.

Причинами, вынуждающими дагестанцев переезжать в другие регионы страны, являются: прежде всего, экономические факторы – отсутствие или потеря работы, невыплата заработной платы, а значит, и снижение жизненного уровня, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, а также криминальная обстановка, военные действия, обострение межнациональных отношений.

Практически все принимающие районы Дагестана в большей или меньшей степени подвержены кризису, что препятствует успешному обустройству и социальной адаптации вынужденных переселенцев.

Характеризуя социально-экономические процессы, протекающие в принимающих районах, можно отметить, что в них в целом происходит падение уровня производства, отрасли с прежде относительно благополучной динамикой показателей в последнее десятилетие стали испытывать определенные сложности.

Поскольку миграционные процессы в Республике Дагестан имеют довольно широкий размах, переселение в значительных масштабах трудоспособного населения в сочетании с нерешенностью проблем жизнеобеспечения дагестанцев достаточно негативно сказывается на социально-экономической и политической ситуации в республике. Как внутренние, так и внешние миграционные потоки направлены преимущественно в центральные и северные районы равнинной части Дагестана. Это приводит к стихийному и неконтролируемому росту населения и ухудшению криминогенной обстановки в данных районах. Анализ тенденций миграционных процессов в Республике Дагестан за последнее десятилетие показывает, что проблемы с внешней незаконной миграцией продолжают оставаться острыми, а отдельные из них представляют и угрозу экономической безопасности республики. Уровень ее остается относительно высоким, а численность мигрантов постоянно растет. Преступные группировки из нелегальных

мигрантов создают в городах Дагестана неконтролируемый рынок товаров и услуг, уклоняются от оплаты налогов, ведут незаконную коммерческую деятельность, занимаются торговлей оружием и наркотиками.

Наибольшее отрицательное сальдо миграции, по данным, представленным администрациями городов и районов республики на начало XXI в., сложилось в городах Махачкале, Буйнакске и Каспийске, а также в сельской местности – более всего в Табасаранском, Акушинском, Цумадинском, Хивском, Хасавюртовском, Магарамкентском, Тляратинском, Ногайском, Дахадаевском, Рутульском и Шамильском районах [12, с.225; 13, с. 191-193].

Возникающие в обществе напряжения вызваны также различиями в менталитете и, отчасти, в социальной организации горских и равнинных этносов, неопределенностью положения мигрантов, снижением, их социального статуса, различиями социокультурного характера и т. д. «Несовпадение культурных стереотипов (горцев-переселенцев и жителей равнин. – Авт.) налицо. Они представляют собой частности, за которыми стоят системные различия моделей культуры вступивших в прямое взаимодействие группы населения» [14, с.422].

Негативной особенностью современных миграционных тенденций в Дагестане является также нерегулируемый отток русскоязычного населения [15, с.125]. Охваченные миграционными настроениями, в 1990–1999 гг. безвозвратно из республики выехали 49 тыс. представителей русского, украинского, еврейского, армянского и татарского населения [16, с.29]. Уменьшение доли русского населения в этническом составе республики наблюдалось уже в 60-е годы XX в. и к 2010 г. составило 104 тыс. чел., уменьшившись с 20,1% в 1959 г. до 3,6% в 2010 г. от общего количества населения РД [17, с.165]. Учитывая, что предотвращение оттока и возвращение русского населения на территорию Северокавказского федерального округа на сегодня является одной из

приоритетных задач по нормализации межэтнических отношений, в Дагестане принята Государственная программа РД «Поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения на 2014-2017 годы» [18].

Резко уменьшилась в этот период численность одного из малочисленных народов Дагестана – горских евреев. В 1990-е гг. из Дагестана в страны дальнего зарубежья (в основном в Израиль) выехало около 13 тыс. горских евреев, при этом наибольшее число выбывших пришлось на 1994–1995 гг.: по 1,8–1,4 тыс. человек ежегодно [16, с.29]. К 2010 г. в РД осталось лишь 0,5 тыс. горских евреев, зафиксировавших себя как таты [19]. Резкое снижение темпов прироста представителей некоторых других народов республики, также стало результатом не только падения уровня рождаемости и естественного прироста в этносе, но и их продолжающегося оттока за пределы Дагестана.

Подчеркнем, что из года в год число дагестанцев, безвозвратно покидающих республику, только увеличивается. Так, если к 1959 г. за пределами республики на территории СССР проживало 208 тыс. дагестанцев, то к 1990-м гг. оно составило свыше 619 тыс. человек [20, с.14; 21, с. 19]. А за последние два десятилетия возросло еще на 135 тыс. человек, из которых в России к 2002 г. проживало 376 тыс., а к 2010 г. – уже 445 тыс. дагестанцев (остальные проживают в странах СНГ и дальнем зарубежье) [19; 22, с.7]. Примечательно, что если во второй половине XX в. численность коренных народов в Дагестане увеличилась примерно в 2 раза, то число дагестанцев, мигрировавших в Россию, возросло – в 5 раз. Это опровергает муссируемую в СМИ гипотезу о «бегстве» славянского населения с территории республики. В целом, миграционные потери Дагестана за указанный период составили около 15% населения [23].

Определенный интерес представляют этнические аспекты современных миграционных процессов в Дагестане,

нашедшие свое отражение в материалах Всероссийской переписи населения 2010 г. По ее данным за пределами Дагестана проживало: 99 тыс. даргинцев (около 17% всех даргинцев); 88 тыс. лезгин (около 19%); 71 тыс. кумыков (14%); 62 тыс. аварцев (около 7%); около 28 тыс. табасаранцев (19%); 17 тыс. лакцев (10%) и 18 тыс. рутулов, агулов и цахуров вместе взятых [19]. Исследователям еще предстоит выяснить причины довольно существенных различий в миграционном поведении представителей дагестанских этносов, обусловленных особенностями менталитетов.

Анализируя причины столь высокого уровня миграции, приходишь к выводу, что основной из них является неблагоприятная социально-экономическая обстановка, выражающаяся, прежде всего, в массовой безработице. Численность безработных по методологии МОТ на 1.01.2013 г. составила в РД более 164 тыс. человек, а ее уровень – 12,2%, что в 2,3 раза выше, чем в целом по РФ [24, с.16]. Отметим, что в 2000-е гг. миграционная активность населения РД продолжала расти. В частности, к 2012 г. численность зарегистрированных выбывших достигла 37,3 тыс., а отрицательное сальдо миграции составило 24 тыс. человек [25], что в 4 раза больше чем в 2000 г. При этом фиксируется рост числа и доли населения выбывающего за пределы республики. И если в 2010 г. число «внешних» мигрантов составило 18,1 тыс. человек (40% всех выбывших), то спустя год оно увеличилось до 29,7 тыс. человек (53%). Соответственно, число и доля миграции населения между городами и районами внутри Дагестана за этот же период уменьшились с 60% до 47% (всех выбывших) [26]. Реальное же число выбывших из Дагестана, на наш взгляд, примерно в два-три раза превышает число зарегистрированных выбывших, поскольку на новых местах далеко не все становятся на учет в миграционной службе.

Немало острых проблем создает интенсивный приток в Республике Дагестан нелегальных иностранных рабочих.

Не занимая официальных рабочих мест, эти люди негативно влияют на рынок труда, вовлекаются в теневую экономику. Миграция иностранных граждан и лиц без гражданства из Азербайджана и других государств Закавказья и их незаконное пребывание в ряде районов Дагестана зачастую ухудшают социальную обстановку, создают базу для формирования террористических организации и политического экстремизма, являются угрозой безопасности Республики Дагестан.

Миграция на постоянное место жительства в экономически развитые регионы страны квалифицированных специалистов, молодежи с высоким уровнем образования ведет к ослаблению научного, творческого, экономического потенциала Дагестана. Уезжают не только строители, каменщики, плотники, но и высококвалифицированные кадры, в первую очередь специалисты в области современных технологий, программисты, врачи, специалисты по естественным наукам. Причем многие из них, уезжая на временную работу, нередко остаются на постоянное жительство. Следовательно, «утечка рук» и «утечка умов» в основном носит безвозвратный характер, что становится тормозом в развитии республики.

Резюмируя изложение, отметим, что этнокультурный ландшафт Республики Дагестан начала XXI в., сложившийся в результате воздействия ряда демографических и социально-экономических факторов, и главным образом миграционных процессов, характеризуется (в сравнении с XX в.) большей сохранностью в горной и высокогорной зонах традиционных ареалов расселения и этнокультурной самобытности, тогда как на равнинной и предгорной зонах наблюдается противоположная картина: максимальное этническое и этнокультурное смешение (см. карту № 2 «Современное расселение народов Дагестана»). Сложившаяся ситуация достаточно динамична и она будет развиваться в

направлении дальнейшей поляризации нынешних, по сути двух, этнокультурных ландшафтов Дагестана.

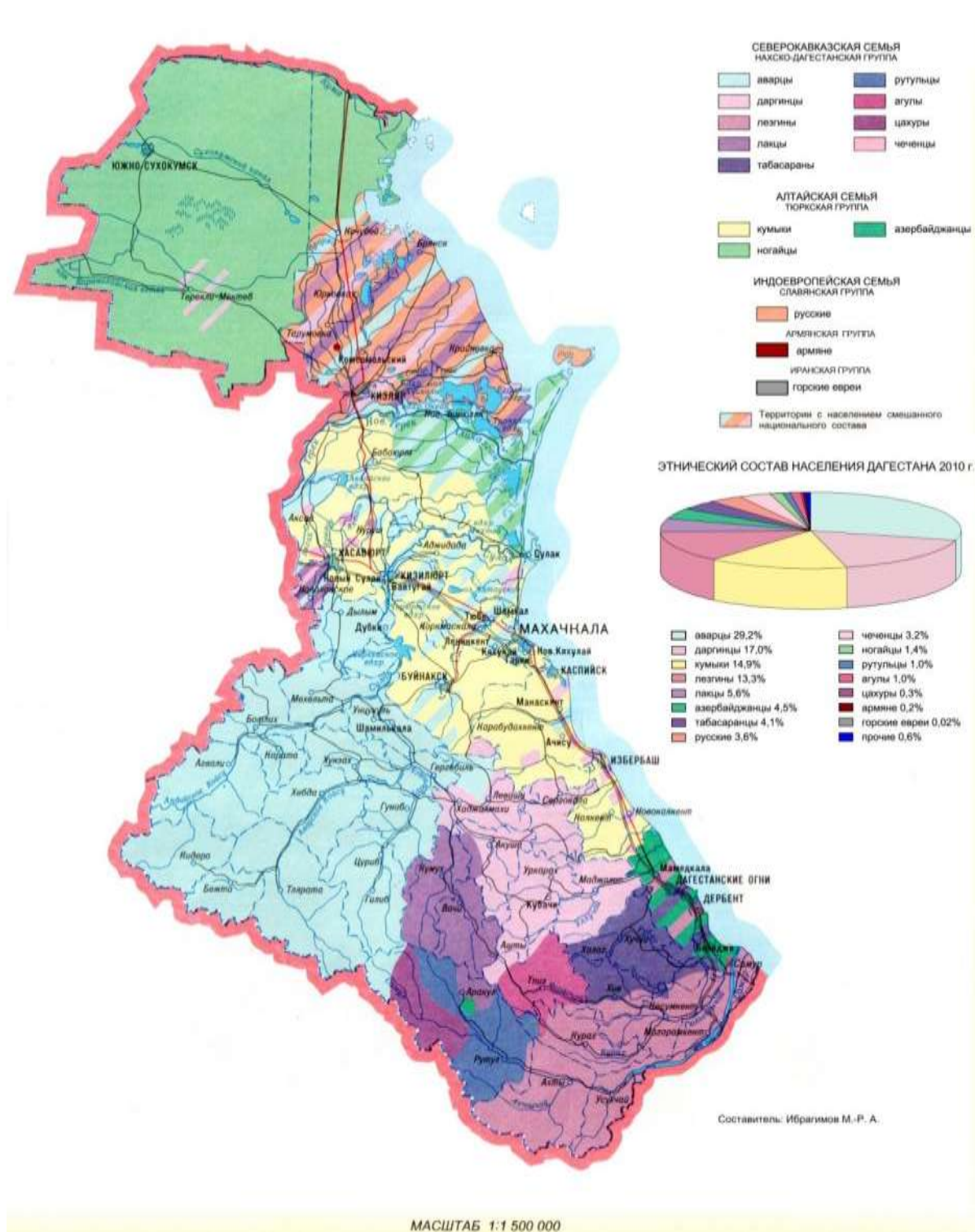

Рисунок 2. Расселение народов Дагестана в конце XX- начале XXI вв.

Миграционные потоки в Дагестане и в ближайшем будущем будут характеризоваться активным вовлечением республики в межрегиональный и международный обмен, увеличением доли мигрантов трудоспособного возраста, вероятными проблемами приживаемости мигрантов, совпадением ареалов концентрации внешних и внутренних мигрантов. Все это может приводить к негативным социальным последствиям: обострению ситуации на рынке жилья, труда, увеличению нагрузки на социальную инфраструктуру, повышению уровня преступности.

Такая ситуация требует разработки и реализации адекватной региональной миграционной политики, ужесточения управления и контроля миграционных процессов на уровне республики и государства в целом. Представляется очевидным, что для решения миграционных проблем Дагестана главными задачами социально-экономической политики в Республике Дагестан должны стать два направления: формирование благоприятных условий для улучшения качества жизни и здоровья населения и регулирование миграционных потоков.

Библиография:

1. Обзор публикаций СМИ. Интернет-конференция председателя Государственного комитета Российской Федерации по статистике Соколина Владимира Леонидовича [Электронный документ] // Официальный сайт Госкомстата России / URL: http://www.garweb.ru/conf/gks/20030514/smi/msg.asp?id_msg209107.htm(дата обращения: 29.09.2014).
2. Полевые материалы автора, собранные в РД в 2014 г.
3. Капустина Е.Л. Отходничество в Нагорном Дагестане как социальное и культурное явление (конец XIX – начало XXI вв.) // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2010.
4. Магомедханов М.М., Ибрагимов М.-Р.А. Языковое и этнокультурное многообразие народов: специфика Дагестана // «Социологические исследования». 2009. № 6.

5. Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е годы XX в.). Махачкала, 2000.
6. Основные национальности Республики Дагестан. Статистический сборник. Махачкала, 1995.
7. Народы Дагестана / Отв. ред. С. А. Арутюнов, А. И. Османов, Г. А. Сергеева. М., 2002.
8. Шахбанов М. Национальный вопрос в свете переписи 2010 года // «Новое Дело», 06.02.2012 г.
9. УФМС России по Республике Дагестан за 2013 г.
10. Гимбатов Ш.М. Миграционные процессы в Республике Дагестан и их этнорегиональные особенности. Автореф. дисс. канд. эконом. наук. М., 2005.
11. Социально-экономическое положение Республики Дагестан 2013 г. Махачкала, 2014.
12. Демографический ежегодник 2008 год. Статистический сборник. Махачкала, 2008.
13. Демографический ежегодник Дагестана. 2011 год. Статистический сборник / Дагестанстат РД. Махачкала, 2012.
14. Карпов Ю.Ю. Переселение горцев Дагестана на равнину: к истории развития процесса и социокультурным его последствиям // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб., 2010.
15. Лысенко Ю.М. "Русские районы" Дагестана: проблемы этнодемографического развития (вторая половина XX в.). // Русский язык в истории и культуре народов Дагестана Махачкала, 2007.
16. Миграция населения Республики Дагестан в 1999 г. Статистический сборник. Махачкала, 2000.
17. Егоров В.К., Ибрагимов М.-Р.А. Русское население Дагестана: проблемы и перспективы этнодемографического развития // Федерализм. 2013. № 2.
18. Государственная программа РД «Поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения на 2014-2017 годы» [Электронный документ] // Сайт Миннац РД / URL: <http://www.minnaz.ru/слабо/168-государственная-программа-рд-поддержка-проживающего-и-возвращающегося-в-республику-дагестан-русского-населения-на-2014-2017-годы> (дата обращения: 29.09.2014).
19. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный документ] // Сайт Госкомстат РФ / URL: <http://www.gks.ru/>

free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.09.2014).

20. Численность и состав населения Дагестанской АССР по национальности, родному языку и состоянию в браке (По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Махачкала, 1980.

21. Социально-демографическая характеристика наиболее многочисленных национальностей и народностей Дагестана. (По итогам переписи населения 1989 г.). Махачкала, 1992.

22. Национальный состав и владение языками, гражданство. Книга 1. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Том 4). М., 2004.

23. Мудуев Ш.С. Особенности миграционных процессов в Дагестане // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе. Ставрополь, 2003. [Электронный документ] // Сайт Мигроцентр / URL: http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/kavkaz/m_kavkaz040.php (дата обращения: 30.09.2014).

24. Социально-экономическое развитие Северо-Кавказского федерального округа за январь-сентябрь 2013 года. Ессентуки, 2013.

25. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2013 году // Российская газета. 2014. 12 март. № 56.

26. Общие итоги миграции в Республике Дагестан [Электронный документ] // Сайт Дагстат / URL: http://dagstat.gks.ru/wps/_wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/resources/e4e79b804009549081c5edd8c740ec4f (дата обращения: 30.09.2014)

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

1.2. МИГРАЦИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ ВНУТРИ РЕГИОНА: НЕКОТОРЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ

К.И. Казенин

Миграция горского населения на равнину, а также миграция сельского населения в города относятся к ключевым процессам, приведшим к радикальному изменению демографического и социального облика Дагестана в XX веке (различным антропологическим, экономическим, этнополитическим и историческим аспектам этих миграций посвящаются работы Ю.Ю.Карпова и Е.Л.Капустиной[1], А.И.Османова[2], Ш.С.Мудуева[3], В.С.Белозёрова[4] и др.). Миграция в города стала одной из основных причин изменения соотношения городского и сельского населения, зафиксированного по итогам переписей:

Таблица 1. Динамика доли городского населения в Дагестане

Год переписи	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Доля городского населения, %	11,4	21,5	29,6	35,3	39,3	43,6	42,8	45,2

О масштабах переселения горского населения на сельскую равнину говорит изменение доли жителей сельской равнины к общему числу сельских жителей у ряда народов Дагестана. Ср. динамику жителей аварской национальности (считая андо-цезские народности) по переписям послевоенных лет в ряде равнинных районов:

Таблица 2. Динамика доли аварского населения среди некоторых равнинных районов по данным переписей населения*

	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Кизлярский	4,0	10,5	19,7	29,9	39,7	46,62
Гарумовский	3,1	7,2	11,6	23,1	31,2	35,76
Кизилюртовский**	47,9	62,3	68,8	72,5	82,5	83,39

Параллельно с миграцией на равнину, в последние десятилетия XX-го века в Дагестане начался процесс, называемый в мировой науке «демографическим переходом» (demographic transition)[5,6,7,8]. Одна из ключевых составляющих этого процесса – сокращение рождаемости до уровня, обеспечивающего не рост, а простое воспроизводство численности населения. То, как шло сокращение рождаемости в Дагестане в 1990-е – 2010 гг., показано в таблице, где для каждого года отражен суммарный коэффициент рождаемости (статистический показатель, отражающий среднее ожидаемое количество детей за всю жизнь у одной женщины при сохранении текущего уровня рождаемости во всех возрастах; уровень простого воспроизводства численности населения соответствует значению коэффициента в 2,2 детей на одну женщину)[9]:

Таблица 3. Суммарный коэффициент рождаемости в 1990-2009 гг. в Дагестане[10]

Год	Коэффициент	Год	Коэффициент
1990	3,1	2000	1,8
1991	2,9	2001	1,8
1992	2,7	2002	1,9
1993	2,5	2003	1,8
1994	2,5	2004	1,8
1995	2,4	2005	1,7
1996	2,2	2006	1,6
1997	2,1	2007	1,8
1998	2,1	2008	1,9
1999	1,9	2009	2,0

Однако общей тенденцией к снижению рождаемости, как в Дагестане в целом, так и среди переселенцев с гор на равнину, картина воспроизводства населения на сегодняшний день ни в коем случае не ограничивается. Анализ статистических данных по рождаемости в разных частях дагестанской равнины позволяет увидеть значительные контрасты по рождаемости у разных групп «горских» переселенцев. Эти контрасты в настоящий момент слабо изу-

чены и не имеют очевидного объяснения, однако они существенны для понимания и прогнозов демографических процессов в регионе.

1. Разница в рождаемости у «горских» народов по разным равнинным районам.

То, каких масштабов могут достигать различия в репродуктивном поведении одного и того же «горского» этноса в частях дагестанской равнины, можно показать на примере аварцев. График 1 показывает среднее количество детей у женщин разных возрастов городского и сельского аварского населения по данным Всероссийской переписи населения 2010 года:

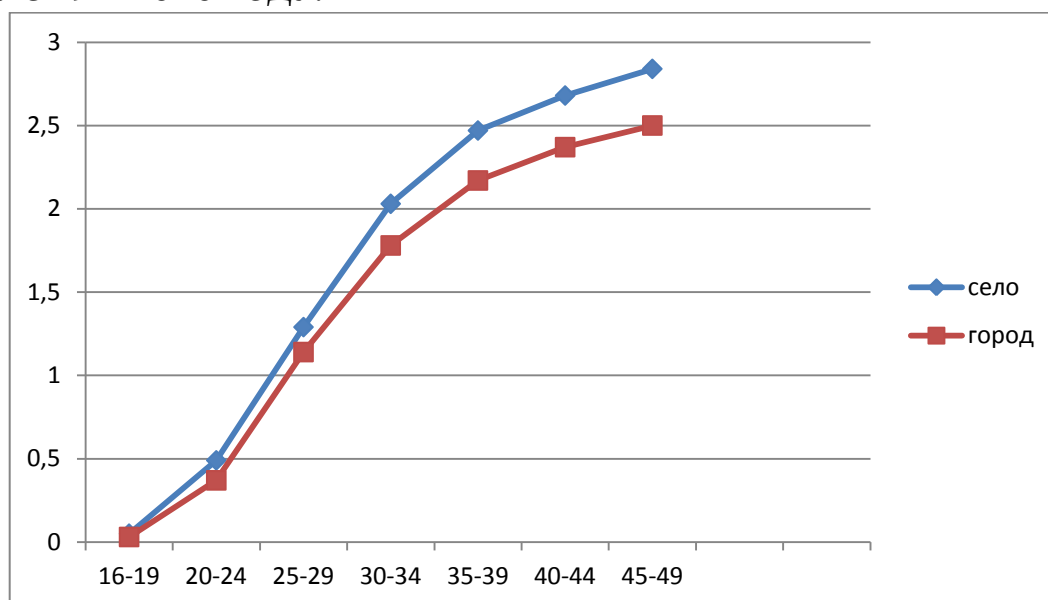

График 1. Рождаемость у аварцев по возрастным когортам

Диаграммы 1-4 показывают различия (в процентах) между рождаемостью по возрастным когортам у сельских аварцев в целом и у аварцев отдельных равнинных районов (положительное значение – рождаемость у аварцев в районе выше, чем в среднем у сельских аварцев; отрицательное значение – рождаемость у аварцев в районе ниже, чем в среднем у аварцев):

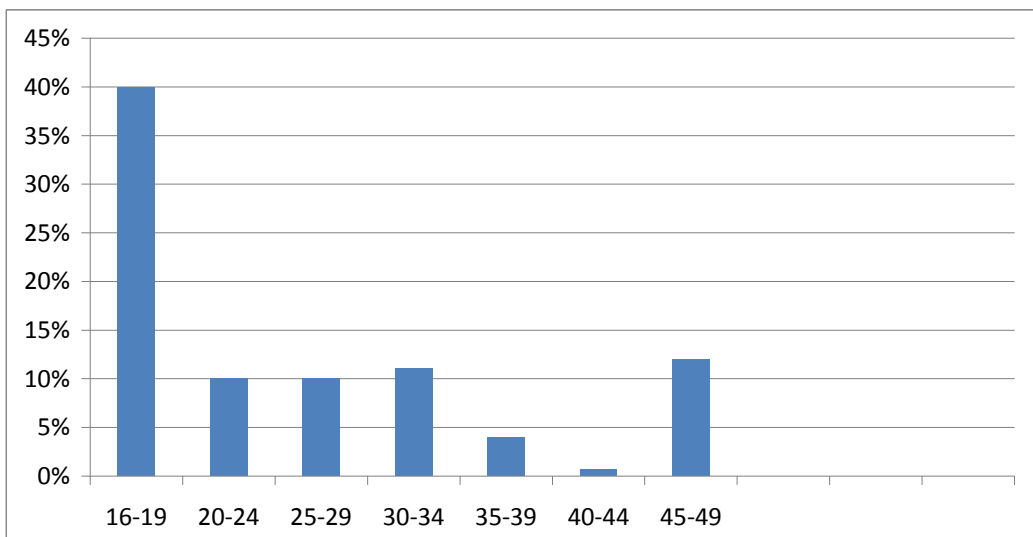

Диаграмма 1. Тарумовский район

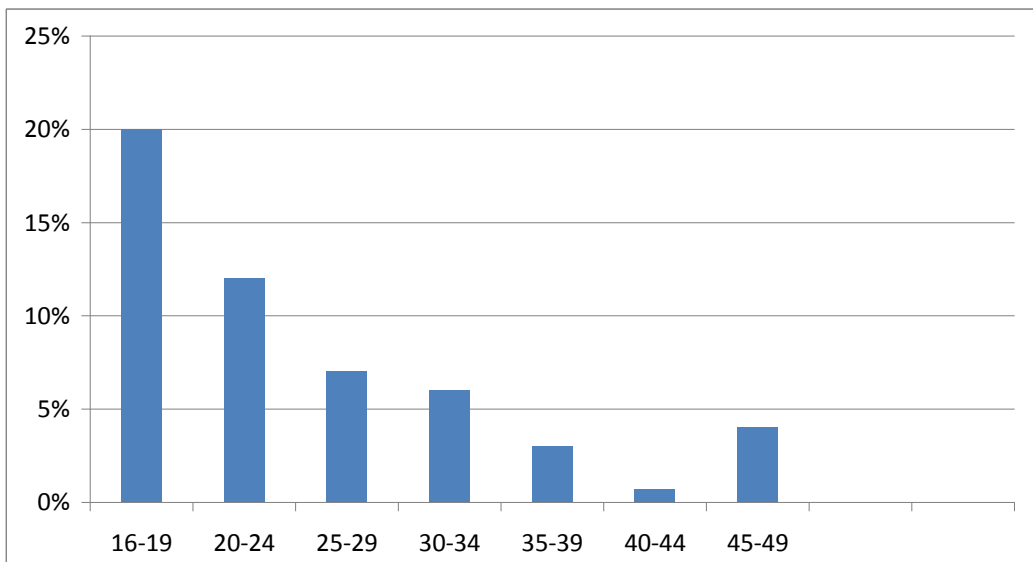

Диаграмма 2. Хасавюртовский район

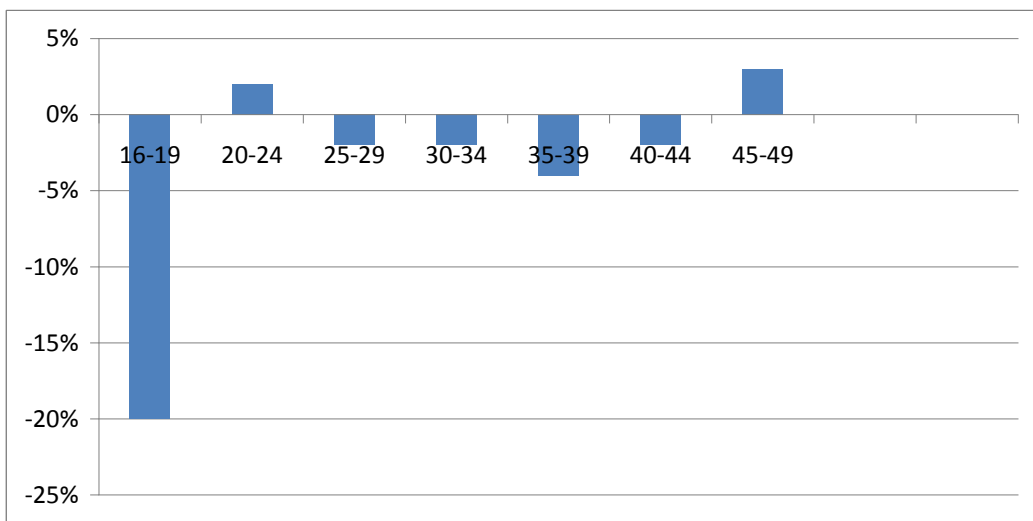

Диаграмма 3. Кизлярский район

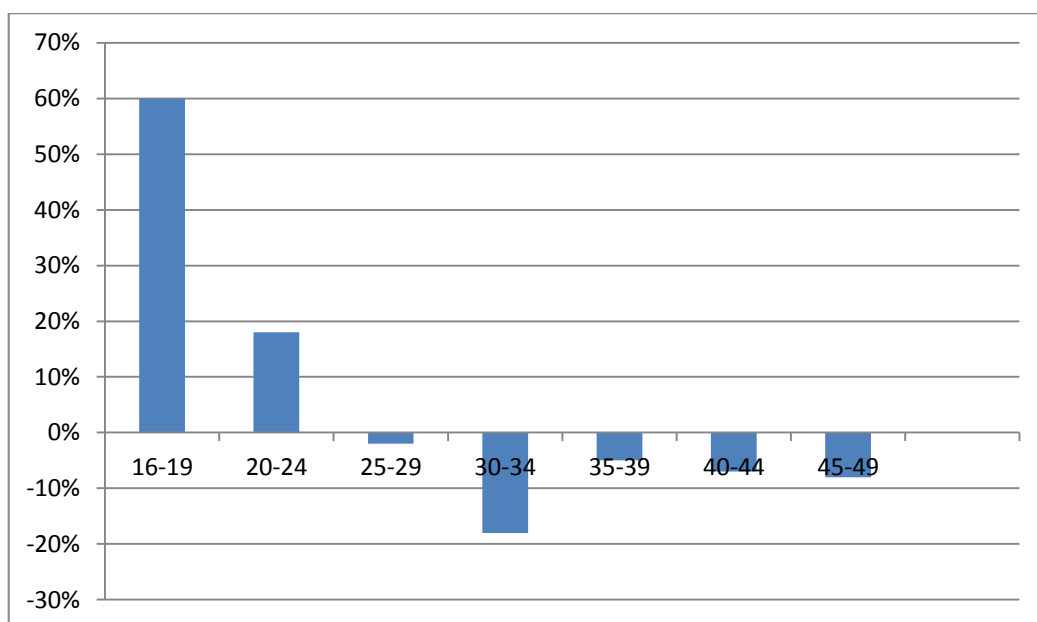

Диаграмма 4. Кизилюртовский район

Как видно из диаграмм, в Тарумовском и Хасавюртовском районах данные переписи фиксируют заметно более высокую рождаемость у аварцев, чем в других сельских районах. Если эта разница по рождаемости действительно имеет место, у нее могут быть следующие объяснения:

- большой удельный вес среди аварцев этих районов представителей тех «субэтнотосов», которые характеризуются наибольшей рождаемостью; но таковой характеризуются, прежде всего, цезская подгруппа, а ее представители имеют значительный вес и среди аварцев Кизлярского района, где рождаемость не выше, чем в среднем у аварцев на селе;

- рождаемость больше там, где преобладают мигранты в первом поколении (объясняет высокую рождаемость среди аварцев в Тарумовском районе);

- рождаемость больше на территориях с «этнической конкуренцией» (объясняет высокую рождаемость среди аварцев в Хасавюртовском районе).

2. Разница в рождаемости между разными переселенческими народами в пределах одного равнинного села

В равнинных селах, где совместно проживают представители нескольких «горских» этносов, у них может наблюдаться заметная разница в рождаемости.

Пример: село Бондареновское Кизлярского района Дагестана (входит в Косякинское сельское поселение; 507 жителей по данным переписи 2010 г.). Два основных этноса – *даргинцы* (70% на 2010 г.; преимущественно из Дахадаевского района) и *аварцы* (21%; дидойцы, в местной среде чаще называются «цунтинцами»; этнически в основном цезы; часть переселилась непосредственно из Цунтинского района, часть – из Грузии, часть – из станицы Бороздиновская Чеченской Республики после трагических событий, случившихся там в 2005 году). Имеется также незначительная доля русского населения (5,5%). Уровень рождаемости у даргинцев и аварцев существенно отличается:

Таблица 4. Число родившихся детей в селе Бондареновское в 2009-2013 гг.***

	Аварцы	Даргинцы	русские
2013	6	9	-
2012	5	9	2
2011	5	12	-
2010	5	7	-
2009	6	7	1

Таблица 5. Соотношение числа детей в возрасте 0-4 года и числа женщин в возрасте 15-49 лет в селе Бондареновское на 2014 г.

	Число детей 0-4 лет	Число женщин 15-49 лет	Соотношение
Аварцы	27	47	0,57
Даргинцы	44	106	0,41

О более высокой рождаемости среди аварцев (дидойцев) в данном селе косвенно свидетельствует о соотношении учащихся разных национальностей в Бондареновской общеобразовательной школе (обучение в 1-9 классах):

Таблица 6. Доля учеников основных национальностей в Бондареновской ООШ на 2014 год в сопоставлении с долями национальностей среди жителей села:

	Доля среди учеников	Доля среди жителей села на 2010 г.
Аварцы	36%	21%
Даргинцы	57%	70%

Более высокая рождаемость у аварцев (дидойцев) в данном селе не может быть объяснена «наследием» высокой рождаемости в высокогорном Цунтинском районе, т.к. значительная их часть покинула горы более 10 лет назад или даже родилась за пределами Цунтинского района. То есть дидойская община села Бондареновское – «горская» община, поддерживающая высокую рождаемость на протяжении длительного времени жизни на равнине. Имеются другие примеры таких общин (в Кизлярском, Хасавюртовском районах). По предварительным данным, их отличительными особенностями, наряду с высокой рождаемостью, являются крайне низкий процент «смешанных» браков, в целом «замкнутое» существование сельской общины на равнине. В случае села Бондареновское контраст между аварцами (дидойцами) и даргинцами по этим признакам очевиден. Условия формирования на равнине «закрытых» переселенческих общин с высокой рождаемостью требуют изучения (как в селах, где присутствует несколько переселенческих общин, так и в селах, населенных представителями одной общины).

3. Отсутствие контраста по рождаемости между «чисто сельскохозяйственными» и «торговыми» ареалами

Демографическая теория предсказывает, что на территориях, где развивается индивидуальное предпринимательство, частная торговля и т.д. рождаемость ниже, чем на территориях, где преобладает сельское хозяйство[11]. Многие исследователи объясняют это более «осознанным» ре-

продуктивным поведением предпринимателей по сравнению с крестьянами, их большей мотивированностью дать детям качественное образование, что может быть невозможно по финансовым причинам при большом количестве детей.

Дагестанские демографические данные это в целом не подтверждают. Для примера сопоставим рождаемость у аварцев равнинного села **Цадах**, где сельское хозяйство – почти единственная возможность для занятости, со средней рождаемостью у сельских аварцев и с рождаемостью в предгорном селе **Калининаул** Казбековского района, где население активно занято в торговле и мелком бизнесе. (Село Цадах - муниципальное образование Чародинского района, находится на землях отгонного животноводства в Бабаюртовском районе, 870 жителей на 2014 год, население – аварцы, выходцы из разных сел Чародинского района. Село Калининаул, находящееся в предгорной зоне, населено аварцами (74,9% по переписи 2010 года) и чеченцами (24,7%), 4876 жителей на 2014 год, значительная часть жителей, постоянно проживая в селе, имеет бизнес или работу в Хасавюрте.)

Таблица 7. Рождаемость у аварцев в селах Калининаул, Цадах и в целом у сельских аварцев Дагестана (среднее число детей у женщин разных возрастных когорт)

Возраст	Калининаул****	Цадах*****	Сельские аварцы в целом
16-19	0,07	0,29 (18-19 лет)	0,05
20-24	0,62	0,87	0,49
25-29	1,57	1,21	1,29
30-34	2,26	2,24	2,03
35-39	2,42	1,77	2,47
40-44	3,08	2,5	2,68

Как видно из таблицы, рождаемость у аварцев в «предпринимательском» Калининауле в ряде возрастных когорт даже выше, чем в чисто «сельскохозяйственном» Ца-

дахе, а рождаемость в Цадахе в ряде возрастных когорт даже ниже, чем в среднем у сельского населения аварской национальности. То есть «чисто сельскохозяйственное» переселенческое село на равнине не выделяется высокой рождаемостью.

Этот неожиданный с точки зрения демографической теории результат можно было бы объяснить тем, что в таких селах значительная часть мужчин, не находя работу по месту жительства, регулярно выезжает на заработки в другие регионы России. Однако трудовая миграция достаточно интенсивно идет и с тех территорий в Дагестане, где, помимо или вместо занятий сельским хозяйством, есть возможности для торговли и предпринимательства (в частности, из Хасавюртовского региона). Поэтому нет оснований считать, что только на «чисто сельскохозяйственных территориях» миграция уменьшила рождаемость.

Иное объяснение, имеющее аналоги в демографических исследованиях других стран и регионов, могло бы состоять в том, что предпосылкой для высокой рождаемости, вместо экономического «профиля» села, является «традиционность» организации сельской жизни, большая зависимость сельского жителя от родственников, односельчан, сельской общины в целом[12]. Однако, например, сопоставление рождаемости в Цадахе и в некоторых других «кутаных» аварских селах на территории Бабаюртовского района – селах, входящих в **Шавинское сельское поселение** – опровергают возможность такого объяснения (Шавинское сельское поселение административно относится к горному Цумадинскому району; число жителей на 2014 год – 2187*****; проживают выходцы не менее, чем из девяти сел Цумадинского района). В селах Шавинского сельского поселения обнаруживаются больше признаков традиционной общественной организации, чем в Цадахе. В частности, в Шавинском сельском поселении, в отличие от Цадаха, расселение отражает структуру общин горных селений:

выходцы из каждой горной общины селятся компактно. Сельские общины выносят много решений, касающихся хозяйственной деятельности (например, распределения сенокосов, земель под застройку), чего не наблюдается в Цадахе. Опрошенные молодые респонденты в Шавинском сельском поселении признают высокую степень зависимости от старших родственников в принятии жизненных решений. Однако, несмотря на то, что в Шавинском сельском поселении «традиционность» общественного уклада выражена ярче, чем в Цадахе, рождаемость в первом существенно ниже, чем во втором:

Таблица 8. Соотношение числа детей в возрасте 0-4 года и числа женщин в возрасте 15-49 лет в селе Цадах и в Шавинском сельском поселении на 2014 г.*****

Шавинское сельское поселение	0,33
Село Цадах	0,46

Таким образом, из двух сел, расположенных в одной и той же географической зоне и имеющих один и тот же национальный состав, более высокой рождаемостью, вопреки ожиданиям, характеризуется село с меньшей жесткостью традиционной общественной организации.

Сопоставления рождаемости в отдельных селах не позволяют делать каких-либо общих выводов о рождаемости среди горских народов, мигрировавших на дагестанскую равнину, в целом. Однако уже приведенных примеров, связанных с конкретными селами, достаточно, чтобы убедиться в том, насколько неоднородна картина воспроизводства населения у «внутренних» переселенцев Дагестана. Проведенное сопоставление некоторых данных переписи по равнинным районам также подтверждает эту неоднородность. Для объяснения контрастов по рождаемости среди переселенцев на дагестанскую равнину требуется анализ значительно большего количества статистических данных параллельно с «полевым» анализом ситуации в селах, к которым эти данные относятся. Такое исследование позволит не

только прогнозировать изменения этнического состава дагестанской равнины в ближайшем будущем, но и обнаружить реальные причины процесса «демографического перехода», затронувшего Дагестан в последние десятилетия.

Примечание.

* Не учитываются населенные пункты на землях отгонного животноводства.

** Для данного района учитываются и предгорные села.

*** Данные органов здравоохранения Кизлярского района.

**** По данным переписи 2010 года.

***** По данным Цадахской сельской администрации на 2014 год.

***** Данные администрации сельского поселения.

***** Рассчитано на основе данных сельских администраций.

Библиография:

1. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI вв. СПб., 2001.

2. Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-70-е годы XX в.). Махачкала, 2000.

3. Мудуев Ш.С. Население и хозяйство Дагестана на рубеже веков. Махачкала, 2003; Мудуев Ш., Сергеева К.. Вертикальная поясность в сельском расселении и хозяйстве Дагестана // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / П.Полян, О.Глезер, Р.Попов (сост.)/. М., 2005. С. 357-376.

4. Белозеров. В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.

5. Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 112-157.

6. Caldwell J. Toward a Restatement of Demographic Transition Theory // Population and development review. Vol.2, N.3-4, 1976. P.321-366.

7. Kirk D. Demographic Transition Theory // Population Studies. Vol.50, N.3, 1996. P.361-387.

8. van de Kaa D.J. Anchored Narratives: the Story and Findings of Half a Century Research into the Determinants of Fertility // Population Studies. Vol.50, N.3, 1996. P. 389-432.

9. Алиева В.Ф. Демографические процессы в современном Дагестане. М.: Наука. 2007. С. 88-102.

10. Соколов Д.В., Стародубровская И.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. М., 2013. С. 19.

11. Galor O. The Demographic Transition and the Emergence of Sustained Economic Growth // Journal of the European Economic Association. Vol. 3. N. 2-3. 2005. P. 494-504.

12. Barbieri M., Blum A., Dolgikh E. and Ergashev A. Nuptiality, Fertility, and Family Policies in Uzbekistan // Population Studies. Vol. 50. N.1. 1996. P.69-88.

1.3. ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ И НАПРАВЛЕНИЯ

А.С.Халилова

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ
в рамках проекта № 14-01-00440.*

Изучение целей и направлений трудовой миграции на Северном Кавказе и, в целом, по России занимает внимание научной общественности уже не первое десятилетие. Однако, и по сей день многие их из причин, особенностей и итогов остаются не освещенными в научных трудах. Это во-многом связано с тем, что при исследовании вопросов связанных с миграцией различных народов ученый, прежде всего, сталкивается с необходимостью не только проследить ее направление, но и определить причины, заставившие людей покинуть ранее обжитые места, а также изучить возможности для адаптации новоприбывших в среде старожильческого местного населения и их дальнейшей социализации в окружающее социальное пространство.

Особенностью исследуемого в данной статье периода является трансформация отношения к понятию миграция, расширение его терминологических рамок. В связи с чем, необходимо уточнить то, в каком ракурсе данное понятие будет далее употребляться. Так, трудовая миграция (в рамках данной работы) – это «вид миграции, представляющий собой совокупность территориальных перемещений людей, связанный с занятостью и поисками работы. Трудовая миграция может быть вызвана стремлением изменить как параметры собственного рабочего места, так и внешними по отношению к месту жительства условиями: социокультурными, жилищно-бытовыми, экологическими, природно-климатическими и др.»[1].

Рассматривая изменение отношения к трудовой миграции, как повседневному социальному явлению, заме-

тим, что в 80-е годы XX века оно было основано на твердой уверенности местного населения в том, что все необъятные просторы великого СССР являются общей собственностью всех граждан страны и потому не имеет существенного значения то, где именно проживает тот или иной этнос. Как говорят участники переселенческого движения, «...в советское время тебя везде ждали, главное чтобы ты работал и был специалистом...»[2].

Переход государства к рыночным отношениям в начале 1990-х годов во многом изменил восприятие понятия «своя земля» у населения РФ, что в ряде случаев послужило основой для ухудшения отношений к мигрантам, а иногда и принимающих форму прямого вытеснения прибывших из наиболее доходных сфер деятельности. Особенно остро этот процесс протекал в многонациональной южной окраине России.

К началу 2000-х годов ощущение исключительной принадлежности той или иной территории в РФ, в особенности на Северном Кавказе, определенной национально-территориальной общности сформировалось в полном объеме. Мигранты, ранее считавшиеся согражданами одной общей родины и братьями по труду, превратились в «людском понимании» в «захватчиков территорий предков» и т.д.[3; 4]. В то же время, перемещенному (по трудовым направлениям) еще в советский период в целях обеспечения трудовыми ресурсами сопредельных субъектов населению, прожившему в этих регионах по 50 и более лет эта трансформация была не совсем понятна. Именно поэтому, так важно определить сегодня настоящие цели, вынуждающие мигрантов, в том числе и из Дагестана, покидать обжитые предками территории. Добавим, что еще одной целью исследования является выявление основных направлений в трудовой миграции дагестанцев в конце XX - начале XXI веков, а также подведение кратких итогов состояния этих процессов на сегодняшний день.

Одним из первых направлений трудовой миграции стало перемещение трудоспособного населения из Дагестана в традиционно русские регионы Северного Кавказа: Ставрополье, Кубань и Ростовскую область, в соответствии с политикой рационального обеспечения трудовыми ресурсами сопредельных регионов, проводившейся советским руководством.

Еще в начале 50-х годов прошлого столетия, принимая во внимание малоземелье, исконно свойственное Дагестану, и необходимость в развитии тонкорунного и полутонкорунного овцеводства в ДАССР Постановлением Совета Министров СССР от 28.05.1954г. № 1023 «О закреплении за колхозами зимних пастбищ госфонда «Черные земли» и Кизлярские пастбища» отгонные пастбища площадью 61,4 тыс. га, расположенные в нынешних административных границах Ставропольского края были переданы 24 колхозам Дагестана «...с устранением чересполосицы, и закреплены за каждым колхозом навечно».[5] В частности, именно в соответствии с этим решением вот уже более 50 лет происходит миграция дагестанских животноводов в Ставропольский край.

Что касается Кубани, то цели для перемещения в этот регион в советский период были несколько другие. В основном – это социальная и материальная неустроенность в своем регионе. «Вот, советские времена, когда были, у нашего отца было 5 сыновей, всем надо очаг иметь со временем. Отец попросил у председателя совхоза место для дома, а он ответил, если я тебе место дам, тогда и другим дать надо, а всем земли не хватит. Вот тогда я и поменял место жительства» – говорит один из респондентов около 30 лет, проживающий в крае[6]. В целом, это выражение характеризует жизненную ситуацию и основную цель миграции значительной части жителей Ахтынского и других южных районов Дагестана, выезжавших из республики в для столь

похожей на сельскую работы в яблоневах садах Краснодарского края.

Однако, постепенно процесс переселения в сопредельные субъекты, особенно для ведения отгонного животноводства, стал принимать в регионах-реципиентах все более негативную окраску. Как отмечают нынешние животноводы, ранее приглашавшиеся из Дагестана в восточные районы Ставрополья для оказания помощи в развитии животноводства в крае, в настоящее время у них возникли трудности с пребыванием в этом регионе. Представители районных администраций края в вопросах с дагестанскими мигрантами, прожившими на Ставрополье уже более 40-50 лет, зачастую идут на нарушения законодательства РФ, снимая с регистрации жителей овцеводческих кошар. По мнению политолога, сопредседателя общественной палаты Курского района Ставропольского края В.Тимофеева, «...идет рейдерский захват этих кошар, но он более циничный, чем рейдерский захват каких-то там фабрик, заводов. Дело в том, что захватываются не только кошары, но и дома, где проживают уже десятки лет чабаны и их дети»[7]. Говоря о положении трудовых мигрантов из Дагестана в Ставропольском крае, хочется подчеркнуть, что изучение всего массива имеющихся данных относительно конфликтных ситуаций в области сельского хозяйства позволяет сделать вывод о несостоятельности гипотезы об их межэтнической направленности.

По сути, в условиях перехода к рыночным формам хозяйствования происходит фактический передел средств производства и прибыли. В этом случае трудовая миграция выходцев из Дагестана воспринимается местными сельхозпроизводителями как угроза собственному благосостоянию. В то же время следует отметить, что многие из дагестанцев, переезжающих в Ставропольский край для ведения животноводства — это, прежде всего, сельские жители, зарабатывающие на жизнь тяжелым ручным трудом.

В целом, в основе трудовой миграции дагестанцев в регионы России и другие страны мира лежит безработица, расширявшаяся в 1980-2010 годах по поступательной шкале вверх, в связи с постоянным увеличением числа трудоспособного населения. В условиях перехода к рыночным отношениям проблема занятости населения внутри республики приобрела свою наиболее худшую форму – скрытую безработицу. По данным статистического учета в 1990-1995 годах до 60% населения было безработным, причем большинство из них составляла молодежь до 30 лет.[10, с.58.; 11,с.36.] Очень высоким в этот период был удельный вес безработных с высшим образованием[11,с.25.].

Оказавшись безработными, дагестанцы были вынуждены выезжать в регионы, в которых все еще оставался спрос на рабочую силу. Таким образом, безработица стала причиной отходничества – другой разновидности трудовой миграции.

По данным исследования ИЭП им.Е.Т. Гайдара и ИЦ «РАМСОМ», дагестанские отходники – это «контингент, обеспечивающий сезонную трудовую миграцию, люди, готовые работать за еду и 500-600 рублей ежедневной оплаты труда»[8]. Описывая свою сезонную работу, жительница из Тляротинского района отмечает:« Ну, мы ездили (женщины, целыми семьями с детьми от 14-15 лет и старше. – авт.) туда , в Ставропольский край сажать или собирать овощи, пока у нас не начался сенокос в селении и не выросли ягоды в лесу... Но это больше в 90-е годы ездили, а теперь совсем мало едут, тогда по другому не могли заработать, а осенью, когда свадьбы надо были деньги на подарки и детей, чтобы в школу собрать или кто в институт идет учиться...»[9]. Таким образом, становится понятно, что основной целью сезонной миграции для жителей высокогорных районов Дагестана являлось кратковременное улучшение своего материального состояния, т.е. основой в данном случае

были выдвигаемые сельским обществом социальные и бытовые потребности, возникавшие у каждой семьи.

Вполне понятно, что старожильческое население края несогласно работать на таких условиях. Однако, по мнению ставропольчан, именно наличие такого предложения на рынке труда не позволяет им полноценно повышать цену на свои услуги в сельскохозяйственной отрасли.

В целом сезонная миграция из Дагестана в соседние регионы для уборки урожая овощей и фруктов присутствовала на всем протяжении изучаемого периода. Именно она привела к формированию в Ставропольском крае и Ростовской области дагестанских хозяйств кутанного типа с преобладанием индивидуального сельскохозяйственного труда.

Переход к рыночным формам хозяйствования постепенно привел к превращению этих кутанов на равнине в полноценные населенные пункты. На базе прикутаных поселков сложилась, по сути, новая сеть независимых от горных территорий населенных мест, привлекательных для заселения и перспективных в плане социально-экономического роста. В результате происходит усиление миграционных потоков «село горное – город», «село горное – село равнинное», а также появления направления потока «город-село равнинное»[13, с.71.]. Переселение по этому принципу сохраняется и по сей день.

Анализируя эту ситуацию, нельзя не согласиться с доводами ученых отдела кавказоведения МАЭ РАН, которые считают, что «значительные показатели трудовой миграции за пределы Дагестана среди жителей сельских районов республики не могут быть объяснены только с точки зрения экономических показателей. Значимым является социокультурное наполнение данной практики»[14, с.165.].

Отметим, что к середине 2000-х годов число отходников из Дагестана в традиционно русские регионы юга России представлено следующими данными: «в Ростовской

области – 7453 человека (26,4% от общего числа мигрантов), в Ставропольском крае – 10773 отходника (38,1 %), в Краснодарском крае – 3516 человек (12,4 %)»[15, с.22]. Подчеркнем, что в настоящее время сезонная миграция это именно тот вид деятельности, который можно назвать взаимовыгодным сотрудничеством между жителями сопредельных регионов. Сезонные мигранты, гораздо лучше адаптируются в среде старожильского населения, так как гораздо реже воспринимаются как угроза местным рабочим. А сами дагестанцы подчеркивают: « ... у нас тут летом в селе что делать? Раньше колхоз был, ну и там художественный комбинат, а сейчас все на работах в Ставрополе, Краснодаре или Ростове*, но наши далеко не ездят, сейчас вот лето, никого нет, все к сентябрю-октябрю вернутся, надо ведь продукты купить**, топливо приготовить, деньги на это привезут, иначе как же зимой... Вот было бы в селе, что заработать никто бы не поехал»[16]. Причем объясняя цели выездов, респонденты оперируют исключительно социальными категориями – работа для строительства дома, проведения свадебного мероприятия, на съем жилья в городе для детей-студентов и т.д. Показательно, что на сезонные работы ни один из дагестанцев не выезжает с целью элементарного обогащения (накопления материальных ресурсов).

Однако, это не весь спектр направлений трудовой миграции дагестанцев. В 90-е годы XX века у мигрантов республики появился еще один центр притяжения – Российский Север. В число активно осваиваемых дагестанцами регионов попала Тюменская область, а точнее ее Ханты-Мансийский (ХМАО) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО) автономные округа. Являясь городами новостройками на местах газовых и нефтяных месторождений с большим числом высокооплачиваемых трудовых мест, эти округа стали излюбленным местом переселения для дагестанцев, живущих в кардинально разных условиях – на кумыкской равнине и в самом высокогорном Цунтинском районе РД. Объединяет

их одно – возможность стремительно и в разы улучшить свое благосостояние.

И если первоначально эта группа мигрантов основной целью своих выездов считала необходимость осуществить привычные для многих дагестанцев социальные потребности, то со временем цели поменялись. «Работы здесь в селе достаточно.., - говорят жители Башлыкента, - но зарплаты, которые мы здесь получаем, не хватает, чтобы мы были не хуже других»[17]. Денежные средства, получаемые в процессе работы в ХМОА, расходуются на повышение статусного состояния семьи в родном селе: приобретение квартиры, дорогостоящего автомобиля и т.п.

В числе аргументов за жизнь вдали от родины в последние пять лет все чаще выезжающими озвучивается - забота о подрастающем поколении. Сравнивая условия быта в родном селе и новых местах жизни, дагестанцы говорят о том, что «...там все для детей, там есть спортзалы, художественная школа, игровые площадки, а здесь в селе ничего нет»[17].

Другой стороной медали становится некоторая индивидуализация семейной жизни «Там ты живешь своей семьей, нет необходимости под других подстраиваться... нет необходимости соблюдать традиционные устои, без конца участвовать в свадьбах, похоронах...там ты спокоен...». Еще одним плюсом считается свободный доступ к получению рабочих мест «не нужно никакого блата, я работала в Сургуте в роддоме в приемном покое, просто прошла собеседование и меня приняли»[18], а также подчеркивается возможность получения социальных льгот и кредитов без «откатов» и каких-либо затруднений. Понятно, что совокупность плюсов при решении вопроса о переезде в северные районы страны значительно перевешивает его отрицательную сторону.

Особняком в числе целей и направлений трудовой миграции дагестанце стоит зарубежная миграция, чаще всего

представленная выездами представителей науки либо образования (няни, гувернеры). Основной целью выезда высококвалифицированных научных кадров из республики за рубеж является не столько способность получить в принимающем регионе значительные материальные блага, сколько возможность существенно повысить свою профессиональную квалификацию в ведущих научных центрах мира. В число наиболее часто выбираемых, в качестве объекта трудовой миграции, входят научные и медицинские заведения Германии, Франции и Великобритании. Следует отметить, что этот вид миграции является наименее конфликтным, так как осуществляется с соблюдением международного законодательства, и, зачастую, инспирируется представителями принимающей стороны. Кроме того, для него более чем для всех остальных характерно возвратное движение, по истечению срока научного контракта ученые спокойно возвращаются домой, где их обычно ждут ранее оставленные рабочие места.

Такой же законодательный статус имеют и выезжающие за рубеж на работу нянями и гувернантками дагестанцы с педагогическим образованием, чаще всего выпускники факультетов иностранных языков вузов республики. Однако, в этом случае основной целью выезда является стремление сменить место жительства на постоянно основе, а при выборе страны пребывания трудовой мигрант руководствуется исключительно личными (рассказы друзей уже находящихся в зарубежных странах и т.п.) мотивами. При этом данная миграция также не вызывает каких либо осложнений, а эмигрировавшие зачастую создают международные семьи в новом социуме.

Результаты исследования показали, что основные цели и направления миграции, предпочитаемые дагестанцами, тесно связаны не столько с условиями их повседневной жизни родных сел, сколько с уровнем социальной неустроенности в регионе, отсутствием возможностей для роста

социального статуса и материального благосостояния. Показательно и то, что они не имеют никакого отношения к национальным и конфессиональным составляющим личности мигрирующих индивидуумов, а волна неприятия, возникающая в принимающих регионах носит исключительно экономический характер, «в силу собственного представления некоторой части людей о том, что такое положение дел «нарушает должный порядок стратификации, согласно которому местные жители (особенно русские) обладают заведомым преимуществом при распределении жизненных благ»[19].

Примечание

*Называя города-столицы, подразумевают целиком регион, куда выезжают.

** Имеется в виду крупные закупки запасов на весь зимний период в расчете на всех членов семьи (по 3-5 мешков муки, сахара, крупы, 2-3 тонны угля и т.д.).

Библиография:

1. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов: Учеб. пособие. — М.: Издательство РГСУ; Академический Проект, 2007.
2. Халилова А.С. Интеракция дагестанцев и кубанцев в 1980-2010 годах: трудности, особенности и положительный опыт.// Известия СОИГСИ: школа молодых ученых. Владикавказ, 2014 № 12
3. Бессарабова А. Миграционный абсцесс [электронный ресурс] // Мир новостей. Эл.журнал. № 35. /URL: <http://mirnov.ru/arhiv/mn922/mn/08-1.php> (дата обращения 20.04.2013).
4. Романов А. Мигранты не только заселяют Россию, но и захватывают в ней власть [электронный ресурс] // Мультипортал КМ.РУ /URL: <http://www.km.ru/node/714145/comments> (дата обращения 22.04.2013)/
5. Постановление Совмина СССР от 28.05.1954 № 1023 «О закреплении за колхозами зимних пастбищ госфонда «Черные земли» и кизлярские пастбища» [электронный ресурс]// Законодательство России/ URL : <http://russia.bestpravo.ru/ussr/data04/tex16230.htm> (дата обращения 5.05.2013).
6. Полевой материал автора (ПМА) 2014 г. ст. Нововеличковская, Краснодарский край (муж. 51 год, хозяин магазина).
7. Кому мешают дагестанские чабаны на Нефтекумье? [электронный вариант]// Портал Нефтекумск.РУ / URL: <http://>

www.neftekumsk.ru/nft/1808-924464.html (дата обращения 12.05.2013)

8. Стародубровская И.В., Соколов Д.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. [электронный ресурс]// Кавказская политика/ URL: <http://kavpolit.com/istoki-konfliktov-na-severnom-kavkazechast-vi/?print> (дата обращения 18.05.2013)

9. ПМА, 2014. с. Мазада, Тляротинского района РД (жен. 36 лет.)

10. Пути мира на Северном Кавказе /под ред. Тишкова В.А./ . М., 1999.

11. Алиев А.К. Дагестан на рубеже веков: приоритеты устойчивого и безопасного развития. – М., 1998.

12. Эфендиев И.И. Безработица в Дагестане: проблемы и решения // Возрождение. 1997. № 3.

13. Мудуев Ш.С. Население и хозяйство Дагестана на рубеже веков. – Махачкала, 2003.

14. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI вв.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. М, 2011. С.165.

15. Алиев Ш. Отходничество жителей сельских районов Дагестана.//Труды Географического общества Дагестана. Вып. 35 Махачкала. 2007.

16. ПМА, 2014. с.Гоцатль, Хунзахского района РД (муж. 68 лет)

17. ПМА,2014. с. Башлыкент, Каякентского района РД.

18. ПМА, 2014 с. Бежта, Цунтинского района РД/

19. Леонова А. Неприязнь к мигрантам как форма самозащиты [электронный ресурс]// Отечественные записки. М., 2012 № 4

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

1.4. СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ ФРОНТИР: ГАГАТЛЬ В ОБРАЗАХ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИИ

Д.В. Соколов

Отток равнинного населения Ставропольского края и дагестанской плоскости в города связан, прежде всего, с демонтажем социального порядка, институциональной и экономической основой которого были колхозы и совхозы.

Параллельно идет модернизация сельского хозяйства и изменение его структуры в пользу производства фуражного и продуктового зерна[1]. Применение современной сельскохозяйственной техники, строительство новых хранилищ и использование большегрузных автомобилей для транспортировки зерна финансируется внешним капиталом, источником которого являются торговые и внешне-торговые операции. Такая модернизация не только резко снижает занятость на селе, но и перераспределяет доходы от урожая в пользу организаций, осуществляющих финансовые и торговые операции, дискриминируя землевладельцев, в том числе пайщиков. В условиях ослабления государственных институтов уклад жизни мигрантов (преимущественно жителей сельских, горных и предгорных районов Дагестана как самой многочисленной республики, выходцы из которой готовы работать на земле и лучше всех подходят на роль колонизаторов) оказывается более жизнеспособным, чем распадающиеся «постколхозные» сельские общества равнины. Сохранившиеся семейно-родовые сети, практика использования для обеспечения равного доступа членов сообществ к правосудию шариатского и обычного права компенсируют институциональные лакуны. Разрушение и трансформация советских институтов не так чувствительны для реляционных и категориальных идентификаций, социальных локализаций и связанности членов джамаатов[2]. Социальный же порядок «постколхозного» равнинного села, оказавшегося вне поля классификационной работы государства, лишенный открытого доступа к

государственной судебной системе и не сохранивший собственных институтов регулирования насилия, оказывается куда менее стабильным.

Не только в бытовом сознании Северный Кавказ обособляется среди других российских регионов. Эксперты тоже иногда называют его «внутренним зарубежьем». «Граница» широкой полосой проходит через сельские районы Ставропольского края, восточные районы Краснодарского края, Ростовской и Астраханской областей. Города Северного Кавказа, такие как Пятигорск, Кисловодск, Ставрополь, Ростов-на-Дону, Астрахань, Краснодар тоже испытывают приток мигрантов из сельской местности окружающих регионов и северокавказских республик. Как, собственно и Москва, находящаяся в 2 тыс. км от Дагестана и других республик СКФО. Но особенности миграционных процессов в крупных городах и агломерациях не будут рассматриваться в этой статье. Автор предпримет попытку описать фронт — пространство, на котором активно взаимодействуют и конкурируют две институциональные системы, — через сравнение этих институциональных систем. Точнее — через сравнение двух сообществ, относящихся, предположительно, к разным типам социальных порядков. Эти социальные порядки не являются однородными категориями, скорее это две группы сообществ, которые представляются тоже как два пучка, расщепляющихся на отдельные общины. Отнесение общин к категории «джамаатских» или «постколхозных», видимо, требует анализа эмпирического материала в каждом конкретном случае.

Первый социальный порядок, «постколхозный», регулирует общественные, социальные, экономические и политические отношения среди жителей сел и станиц, в которых российская, а потом советская власть смогла ликвидировать традиционные институты, заменив их советской колхозной системой, плановым хозяйством, советским судопроизводством и советскими правоохранительными ор-

ганами. Эта замена институтов сопровождалась соответствующей формальной и неформальной идентификацией, социальной локализацией и стратификацией. В начале 90-х годов многие советские институты были ликвидированы. «Постколхозный» социальный порядок «завис» в институциональном и экономическом вакууме. Часть бывших колхозников владеет земельными паями, а часть просто имеет домовладения и приусадебные участки. Колхозы, ликвидированные в 1992 году указом Ельцина[3], на месте которых возникли кооперативы и другие формы коллективных или унитарных сельскохозяйственных предприятий, часто de facto являются операторами земельных активов, а не сельхозпроизводителями.

Второй «пучок» социальных порядков формируют ставшие источниками многочисленных мигрантов джамааты[4.5] или другие формы сельских обществ, обеспечивающие системой убеждений и социальными практиками регулирование насилия, распределение статусов и защиту собственности. Кто бы формально ни стоял в фокусе этого процесса — имам, джамаат (совет старейшин, «одинадцатка» или «двадцатка»), шура, амир или глава администрации. Существуют подробные и глубокие исследования взаимопроникновения социальных практик и нарративов колхоза и джамаата, а также исследования «локальных респитуций», стремительно вытеснивших коллективную ответственность в горах и предгорьях.

Основные объекты сравнительного исследования — станица Галюгаевская Курского района Ставропольского края и сельское общество Гагатли, места компактного проживания выходцев из которого демонстрируют широкую географию от высокогорного села на границе Дагестана и Чечни в Ботлихском районе до заготовителей и мойщиков шерсти на Невинномысском комбинате в Ставропольском крае. Наверное, всех гагатлинцев некорректно называть джамаатом. Но эта сетевая структура на семейно-

родственной основе является производной от джамаата, динамика развития которого, прослежена исследователями со средних веков до XXI века.

Напрямую два сообщества, казачья станица Галюгаевская и горное андийское село Гагатли, не пересекаются, но их сравнение может быть полезно для понимания того, с какой трансформацией социального порядка мы имеем дело на Северном Кавказе.

Галюгаевская – пример сравнительно эффективной групповой мобилизации «постколхозного» селения, но это компенсаторное конструирование и группы, и конфликта проявляет *locus minoris* таких сообществ. Кроме двух «базовых» кейсов будут использованы полевые данные, полученные автором в Левашинском, Акушинском, Буйнакском и Кизлярском районах Дагестана, а также в Нефтекумском, Степновском, Туркменском и Буденновском районах Ставропольского края.

В селении Гагатли, расположенном на территории Андийского округа Ботлихского района Дагестана, практически на границе с Чеченской республикой, живут андийцы. Гагатлинцы откармливают, забивают скот, сушат мясо и делают горскую колбасу. Масштабы животноводства коррелируют с количеством отходов. По данным последней переписи населения 2010 года, в горном селении Гагатли 3593 жителя. Сами гагатлинцы расселение выходцев из села отслеживают внимательно, считают по хозяйствам. Советские институты, в том числе система колхозов, не смогли глубоко перестроить уклад жизни в селе: «В 1935-1937-е годы ...организовался колхоз «Искра». Земли всем по 40 соток выделили... По жребью распределяли земли, но все помнили и знали: это моя земля, это моя земля... Пользовались только той, которую выдали...» [6]. «Но как только колхозы ликвидировали, все разобрали свои родовые земли: «серьезных ссор (не было), только между родственниками... Наследственные (споры только были)» [6]. Описываемая «ло-

кальная реституция» не затронула колхозные земли на кутане, гагатлинцы разобрали в частные владения исключительно мульк (пашню и сенокосы) в пределах мегъ.

На кутане колхозные земли не имели такой истории института собственности, как мегъ, вакуф, мульк и харим в горах, сельскохозяйственный кооператив как правопреемник колхоза «Искра» до сих пор функционирует на плоскости, на одноименном кутане, в Бабаюртовском районе, но скорее как частное акционерное предприятие. Ни в горах, ни на равнине «колхоз» общественным благом и общим ресурсом не воспринимается. Кутан возник в результате наделения горного колхоза зимними пастбищами и кормовой базой на равнине. В колхозе работают в основном наемные, приезжие работники. Гагатлинцев человек двадцать, а остальные занимаются частным образом заготовкой сена, бахчеводством и откормом КРС: «Лучше землю пахать, больше берут (прибыли с земли. — Д.С.), ...если работают в колхозе, то на другие дела руки не доходят... А... у меня в аренде 7 гектаров сенокоса, беру за деньги 3-4 гектара пашни (под бахчу. — Д.С.)... 18-20 голов КРС (на откорм. — Д.С. [7]. Искринцы «...все родственники, друзья. Раньше (первыми) сюда пришли, наверное, человек 5-10 от колхоза... В одном доме они жили, потом рядом дом построили... Уже где-то четвертое поколение...» «Искра» не имеет статуса поселения, дома — статуса капитальных сооружений, на землю не выдаются свидетельства о собственности. На протяжении четырех поколений, с 1960-х годов, гагатлинцы, осевшие в «Искре», вступали в браки с гагатлинцами, живущими в горах, Новогагатли и Хасавюрте. В итоге среди населения кутана представлены все десять основных тухумов села, но «совета старейшин нет: «...Это в горах у нас (джамаат. — Д.С). А тут — старший брат отца... Нас четверо братьев, я самый младший. Слушаемся старшего, как он скажет, так и бывает... Взрослые люди собираются, садятся и решают... Не избирают (совет старейшин. — Д.С). Они

просто родились, ...выросли... С годами становится человек умнее..., к нему подходят и спрашивают: «Вот твой человек вот такое сделал». Он делает замечание» [7]. «Искра» не только не имеет своей «одиннадцатки». Социальная инфраструктура тоже завязана на горы: «...В Гагатли за главу голосуем... Например, нынешний глава гагатлинской администрации сделал нам дорогу... Артезианы... Провели трубы домой, зимой мерзнет, мало становится. Тогда идем на артезиан с ведрами». Связи с горами тесные и живые: «Я оттуда женат, там дедушка, там дяди, все тети там живут. Когда в гости еду, они в пакет (сушеное мясо складывают. — Д.С.). (Мы туда) летом бахчевые..., яблоки, груши, арбузы, дыни в свое сезонное время им отправляем...» [7].

Большое село Новогагатли живет животноводством, виноградарством и рынком в Хасавюрте: «...основное — это рынок, — запчасти от автомобилей и насчет одежды: брюки, рубашки, костюмы... 40% торговцев на рынке — гагатлинцы». Конечно, на заработки тоже народ ездит. Село большое, и такого единства, как в горах или на кутане, уже нет, по крайней мере, есть конфессиональные различия. Представитель «единобожников», как называют себя иногда мусульмане, которых оппоненты называют салафитами, достаточно критично настроен по отношению к официальному духовенству: «У нас ...своего имама нет..., есть ставленник. Все имамы, которые к нам приходят, приходят пешком, ...а уезжают... на хороших машинах... Есть у нас такое духовное управление... У них приоритет денежный... Сам (покойный Сайд Афанди аль-Чиркави, имамов. — Д.С.) не ставит, ...это его приверженцы...Я просто их не признаю, я единобожник... Один период такой был — был местный имам. Местного единобожника поставили. Грамотный, начитанный... Но... местные же его не оставили... Есть будун у нас — муллы меняются, будун остается... Он взрослый, пожилой человек, его сын был два раза главой...». Конфликт вылился в обострение противостояния салафит-

ской и «традиционной» частей общины. При этом «большинство тех, кто ...пригласил (нового имама), входят в джамаат (здесь — двадцатка)... Мой отец входит в состав джамаата, в состав комиссии... Я не могу на мечеть встать и сказать: «Я не хочу за ним молиться, я не хочу, чтобы он был муллой»... — в исламе это называется фитна... Фитна — это раздор... Я сюда на рузман³⁰ не хожу... В Хасавюрт езжу...» [8]. Несмотря на религиозные разногласия, джамаат смог запретить продажу алкоголя и производство его на винзаводе, регулирует другие отношения: «Глава тоже должен их (джамаат. — Д.С.) слушать... Они из разных тухумов, по два человека, по одному... Депутаты тоже есть... От улицы идет депутат... В основном (по тухумам голосуют. — Д.С). (Аварцев³¹ человек сто на нашей стороне живет. — Д.С). Они ни к тем, ни к тем родственникам отношения не имеют... Обычно покупают такие голоса...» [8]. При всех разногласиях управление селом (распределение земельных участков (планов), разрешение конфликтов, назначение и выборы на все должности и другие значимые решения) осуществляется джамаатом («двадцаткой»). И связанными с ним статусными фигурами — главой села, «директором села» (директором совхоза «Аскай»), муллой, будуном, депутатами. «Служебное» положение может быть использовано, как и везде в стране: «Я за тебя на выборах голос кинул...: могут оформить задним числом... (свидетельство. — Д.С), что план³² тебе выдан (давно)...» [8], но — все свои. При явном дефиците места под застройку сами «планы» стоят не очень дорого: «...Ну, есть 80... До 150 тысяч рублей. Дороже 150 нет... Приехали — если не мои, то его родственники... Так что чужие сюда, естественно, не приедут. В основном кто приезжает — оттуда, с Гагатли» [8].

Совхоз «Акса́й» был расформирован необычно. В приватизации участвовало 500 хозяйств. Чтобы не выкорчевывать, виноградники оставили за совхозом. В итоге оставившие свои пай в колхозе работники кроме гарантированной

аренды участка виноградника «ничего не получают... Раньше (получали)... — ... сено, зерно, пшеницу. Сейчас уже самим боссам не хватает кормов. Еще раздавать пенсионерам» [8]. Тем же, кто пожелал из коллективного предприятия выйти, выделили пашенную землю. Ее было 50 гектаров, получилось по 35 соток на одного работника, пожелавшего покинуть колхоз: «...Пять человек в семье, (например), на троих пай получили, двое не получили — в совхозе решили остаться, работают в совхозе... Я взял пай, отошел, я могу эту землю обработать, могу не обрабатывать, могу... (в аренду на год отдать. — Д.С.)» [8]. Оставшийся от колхоза «Аксай» винзавод переведен в муниципальную собственность. Кизлярский завод «Дагвино» завод арендует, платит муниципалитету аренду. В итоге и забравшие пай, и оставившие свои доли в коллективном предприятии получили возможность жить на ренту: «...Сейчас где-то 80% участков так работают... (арендаторы) могут нанимать рабочих... Например, жена может на рынке... торговать, муж может участок (обрабатывать), рабочих нанимать... По деньгам (рынок и виноград дают) одинаково... 50 тысяч рублей (расходов на обработку гектара виноградников)... если хороший урожай выйдет, ты и все 150 тысяч возьмешь... Есть и такие, которые держат 10 гектаров. ...Бывшие бухгалтера. Просто они за деньги рабочих нанимают из соседних сел...» [8].

Основная миграция гагатлинцев в Махачкалу семьями завершилась 3-4 года назад. В Махачкале тоже есть места компактного и не очень компактного расселения: «...Скорее всего, так получилось. Кто-то первый купил участок, потом другой родственник за ним пошел...» [9]. Мечеть и спортзал быстро утратили интегрирующую функцию, остались праздники и соборования. Во власти, в крупном бизнесе гагатлинцев нет: «...(теперь) есть у каждого свой... близкий человек, который работает... (в органах), федеральным судьей... Это в зависимости от проблемы... (Теперь обра-

щаются к выходцам и из других селений)...» [9]. Многие жители Махачкалы, выходцы из Гагатли, прописаны по-прежнему в горах. Занимаются гагатлинцы в Махачкале торговлей – рынок на Ирчи-Казака и 11-й рынок, мясные ряды. «...Обычно как бывает? Брат начинает этим заниматься, потом другой брат, потом третий родственник приезжает и начинает то же самое...» [9].

Уникальное развитие животноводства гагатлинцами, видимо, связано сразу с несколькими факторами. Во-первых, были утрачены пастбища на территории Чеченской республики после войны 1999 года, что существенно сократило возможности пастбищного содержания скота. Во-вторых, миграция на равнину 200-300 семей из Гагатли после той же 2-й Чеченской войны привела к освобождению многих сенокосных участков, на которые распространилась неформальная частная собственность. Ненужные уехавшим семьям сенокосы были либо переданы в вакуф и сданы в аренду в общественных интересах, либо проданы в собственность или сданы в аренду тем гагатлинцам, которые продолжали держать скот в горах. В результате в расчете на одно «действующее» хозяйство площадь сенокосов выросла, издержки и риски стойлового содержания скота за счет своего сена сократились. В-третьих, привычка употреблять в пищу горное сушеное мясо переселившихся в Хасавюрт и Махачкалу гагатлинцев создала своеобразный «внутренний спрос» на свежее и сушеное мясо. В-четвертых, природные условия в Гагатли, по многочисленным свидетельствам, идеально приспособлены для сушки мяса. В-пятых, свежим мясом андийцы успешно промышляли несколько десятков лет, что упростило выход на рынок (в большей степени – на так называемый 2-й рынок в Махачкале). Наконец, в шестых, обустройство многочисленных выходцев из села в самых разных сферах бизнеса (рынок в Хасавюрте и Махачкале, доставка мяса в живом весе в Москву и Санкт-Петербург) создало условия для необ-

ходимых микроинвестиций как в денежных, так и в натуральных формах. Кроме того, такой институт, как рынок, был прекрасно знаком гагатлинцам — жителям границы Чечни и Дагестана, границы, на которой рынок существовал давно: «...У нас исконно торгуют, базар у нашего района только в нашем селении раньше был. Нигде не было. А сейчас везде базары. А такую нас торговое село — это издавна. Раньше всегда возили с Чечни, с Грозного...» [6].

Жители Гагатли и кутана «Искра» владеют стадом овец общей численностью от 20 до 30 тыс. голов. К этому нужно прибавить поголовье, которым владеют новогагатлинцы. Для выпаса такого количества скота (кроме овец есть еще и КРС) ни в горах, ни на равнине у гагатлинцев своих пастбищ не хватает: «...И горы покупаем, и кутаны покупаем... иногда до 100 тысяч рублей (цена за сезон. — Д.С.) доходит.... Берем сколько возможностей хватит...» [7].

Примерно в середине мая овец перегоняют в горы. В сентябре в Гагатли отгонное и стойловое животноводство пересекаются. Перед зимовкой отгонники продают скот, а откормщики покупают. Если принять во внимание, что на зиму в горах остается в сараях от 10 до 16 тыс. (по разным данным) голов овец, то рынок откормщиков-отгонников в Гагатли получается «внутренним», среди своих. Тем не менее это рынок, а не реципрокные связи.

Кроме традиционных для дагестанских гор овец в Гагатли откармливают и крупный рогатый скот. За два последних десятилетия в регионе сформировалась система скотных рынков, наиболее значимые из которых расположены на территории Дагестана — самого крупного потребителя мяса в регионе. Бараны из Гагатли уходят фурами всю зиму и весну на Грозный, Москву, Санкт-Петербург. Кроме того, гагатлинцы занимаются торговлей скотом и в Хасавюрте, независимо от собственных пастбищ и откорма. На 2-м рынке в Махачкале практически все сушеное мясо и значительная часть свежей баранины (об

этом уже говорили — «зимняя баранина») — гагатлинские: «Процентов 40 мяса на рынке — это наше...» [9]. Первым начал промышленно сушить мясо и колбасу в Гагатли школьный учитель Рамазан, получив мясорубку от родственника из Невинномысска. Основной смысл сушки — длительное хранение мяса, его используют дома для хинкала и берут в дорогу многочисленные дагестанские дальнобойщики. Сушеное мясо — деликатес: «В Махачкалу и частично в Чечню (колбасу сдаем)..., 60% - в Махачкалу, 40% — в Чечню ...Ребра чеченцы любят, ляжки дагестанцы любят... На 80-90% гагатлинская колбаса (в Махачкале)» [6]. Все, кто сушит мясо в горах, а таких примерно 10 человек, представлены своими родственниками в мясном ряду на 2-ом рынке в Махачкале.

Один из «сушильцев», тоже, кстати, школьный учитель, пошел дальше и стал использовать для части продукции вакуумную упаковку, автоматически создав собственную торговую марку, фасует по 500, 600, 700 граммов с этикеткой «Колбаса горная из андийских пород скота». Продается фасованная колбаса только в больших магазинах, таких, как «Караван» в Махачкале. Это другой рыночный продукт — и по ценовой группе, и по качеству, и по условиям хранения: «Вкус здесь свой сохраняется..., в упаковке, (да) если через месяц откроешь. Такой же который здесь у нас (в горах. — Д.С.)» [6]. Подтверждением качеств могут служить попытки получить своеобразную «франшизу»: «Мне говорят: «Наклей (свой лейбл) на мое мясо, на мою колбасу; не могу наклеить... Это селение Гагатли.. Другого места такого не будет» [6].

Оценки поголовья скота, содержащегося и продаваемого гагатлинцами, при некотором разбросе впечатляют: до 16 тыс. голов овец на откорме и до 2 тыс. голов крупного рогатого скота. Овец чаще покупают в горах не мясом, а живьем, для дальней перевозки в Москву или Санкт-Петербург. Для определения стоимости живого товара за-

бывают двух баранов из партии — самого жирного и самого тощего. Их взвешивают и определяют средний вес барана в партии.

Для еще одной гагатлинской профессии — скототорговцев — рынок стал определяющим жизнь институтом. Продажа скота связана с коммерческими рисками и требует постоянного перемещения по огромным пространствам: «Если звонок — ... я бываю (готов ехать всегда)... заезжаю в Элисту..., мне позвонят — я оказываюсь через Астрахань на границе с Казахстаном. Если мне (еще) позвонят — я через Дивное оказываюсь там, в Ростовской области... Ездишь, ищешь скот. Утром в степь заехал — вечером выехал из степи» [8].

Перегрузка скотом пастбищ и подворий поставила вопрос об ограничении выпаса частного скота на сельских пастбищах: «Теперь людей предупреждаем, чтоб они заранее, весной находили земли и уходили туда. Чтобы летом здесь оставался только скот (молочное стадо. — Д.С), который может содержать эта земля. Иначе мы без земли скоро останемся...». Но пока как-то институционально ограничить или упорядочить выпас на собственно гагатлинских пастбищах не удалось: «В нашем селе пастбищ свободных, чтобы в аренду взять, нет. Но просто есть общественные... Как другие, между ними ты тоже будешь здесь пасти... Никто тебе не скажет «уходи»... Из Новогагатли придет, его тоже не выгонят... Ну, тебе тесно, мне тоже тесно» [6].

«Купить в собственность пастбища — это невозможно, не продадут... Арендовать можно... Никакой джамаат продать общественную землю не может... Да. По адату, по закону, шариату, нельзя... Только в аренду. Если она свободная земля, использовать для общества, для джамаата, в аренду сдавать можно» [6].

В противоположность пастбищам частная собственность на пашню и планы не только существовала до коллективизации, но за 70 лет существования СССР не была полностью уничтожена в дагестанских горах, и во многих

селениях (т.е. не во всех) восстановилась сразу после реформ 1991 года: «Если кто вернется... — купит землю, будет жить. Не будет просить, чтобы ему выделили...» [6]. Целесообразность законного оформления земли, в том числе и в связи с малой доступностью кредитов, признается не всеми: «Чем она («зеленка»³⁸) нам поможет, если оформят? Я так и так, захочу — продаю землю, захочу — покупаю землю. Даром ее никто не даст» [6].

С государством гагатлинцы пересекаются редко. Это происходит при регулировании размера и порядка уплаты за электричество, при оформлении и получении пенсий или при попытке получить кредиты на фермерские хозяйства: «Было оформлено 300 фермерских хозяйств.... На (овцематок) давали дотации, ...оформили, дотации уже не дают, наоборот, только налоги нужно (платить)... 12 тысяч в год... Просто бросили бумаги и ждут» [6]. Люди предпочитают решать проблемы через социальные сети: «Если у кого-то проблема возникла, как вы говорите, с какими-то органами разными, если в этих органах работает андиец или гагатлинец, выходят на него и стараются решить вопрос» [6]. Защита контрактов осуществляется через родственников и джамаат, никому не приходит в голову обращаться за помощью в полицию или суд, а если такое и происходит, то в качестве исключения: «...У меня тоже чеченцы (овец в долг купили. — Д.С.)... андиец с ними, знакомый... в случае чего, он будет отвечать» [6].

На шерстомойной фабрике в Невинномысске Ставропольского края работает 20 гагатлинских семей. Пример одной семьи, как осколок голограммы, может быть хорошим послесловием, воспроизводящим всю сложность хозяйственных, социальных, бытовых и политических связей гагатлинцев. Это и откорм КРС, и сушка мяса и колбасы, это виноградники и торговля на хасавюртовском рынке, скототорговля, заготовка и мойка шерсти, поставки мяса в Москву и Санкт-Петербург...

«Жена (у меня гагатлинка)... С гор она! Если ты прошелся по «сушильцам» (сушильщики мяса. — Д.С), ее сестра — самая крупная сушильщица. Муж учитель... Он первый начал... Мясорубку я ему отсюда отправил] Они же — вручную... топориком (работал! — Д.С)... У меня в Новогагатли на краю села ферма. Я... пять лет подряд откармливал бычков, в этом году перешел на дойных коров. Все пять лет я снабжал (мужа сестры супруги в Гагатли). ...Пять лет они делали колбасу и сушили мясо из моих бычков... В Новогагатли два раза в месяц езжу. У меня вся семья... в Хасавюрте... (Жена на рынке торгует текстилем.) Одного ребенка еще можно было с собой забрать, (а когда пятеро, уже сложно. — Д.С.) — кто-то в садик ходит, кто-то в спортзал, кто-то в школу. Одну дочку уже замуж выдал, одна дочка в колледже учится., родом с Гагатли мы... (Новый глава муниципалитета в Гагатли) — это моей жены брат...

У меня была кошара в Ставропольском крае, но параллельно я заниматься шерстью и смотреть за этой кошарой я не смог, и ненашел надежных людей — продал. Естественно, выиграл (на продаже. — Д.С). Когда я эту кошару покупал, ...шла дележка паев, на одного члена колхоза или совхоза здесь выходило 18 гектаров на пай. А у нас в селе Новогагатли 35 соток. Ты представляешь?! Вместе с покойным отцом, вместе с родителями, вся семья у меня имеем 10 гектаров земли... от совхоза в Новогагатли... А здесь по 18 гектаров на одного пайщика — вот и считай разницу. Здесь на одну кошару выпаса по 200, по 300 гектаров. Не считая пахоты, еще 67 гектаров, и отдельно еще к этому 60-100 гектаров сенокоса. То есть земли, где ты можешь косить и пресовать сено...» [10].

Проблема колхозных паев, о которых с таким воодушевлением говорит гагатлинский предприниматель, с точки зрения старожильческого населения равнинных сел и станиц выглядит немного иначе. Но в этом и проявляется разница сталкивающихся на равнине социальных порядков.

По данным всероссийской переписи на 1989 год, в казачьей станице Галюгаевской проживало 3393 человека (из них 227 — на хуторах), на 2010 год — 2934 человека. Практически все население — русские. Всех остальных (около 20 семей чеченцев) из станицы «выдавили» в 1999-2000 годах. На 2011 год в станице значилось 1000 дворов. Земли станицы, выделенные в виде паев колхозникам, находятся в основном в аренде у колхоза имени Ленина (около 7 тыс. га). Орошаемые земли в аренде у овощеводов (несколько сотен гектаров), казачьи земли (793 га) тоже в аренде. Земли муниципалитета (около 300 га) в аренде у фермерского хозяйства семьи главы администрации.

Для сравнения приведем ситуацию в селении Наскент Левашинского района Дагестана, где вообще-то паевой приватизации официально не было из-за моратория, который республика наложила на приватизацию «Началось еще с 91-го года... — каждый писал заявление... Целых два месяца землю распределяли... Глава села и имам в комиссию не входили. От участков селения люди выбирали самых (авторитетных в комиссию. — Д.С.)... Говорить о наследовании земли в принципе невозможно, так как здесь даргинское... свободное общество было... В итоге... (все 3 тысячи га в Наскенте)... нарезаны по 50 соток... Небольшой участок... остался пока... на развитие села... на домостроение. Остальное все распределено... Абсолютно никаких пастьбищ. Даже где мало-мальски возможно обработать землю, сейчас уже не пустует земля» [11]. Пересмотр земельных отношений в Наскенте администрацией села или района, по мнению крестьян, невозможен — «силы у них такой нет».

Формирование и защита института собственности на землю в приведенном примере, да и в рассмотренных ранее сюжетах о гагатлинцах, — комплекс внутренних социальных практик сельского общества. Эти практики согласуются с системой убеждений, опираются на универсальное ша-

риатское право, их освоение — главная часть локальной социализации членов общины. Устойчивость социального порядка и интенсивная, но локализованная, ограниченная в пространстве хозяйственная деятельность приводят к росту стоимости земельных активов. Орошаемая земля (вернее — земля с возможностью орошения) в Наскенте сдается в аренду по 50 тыс. рублей за гектар. Это в 2-3 раза дороже, чем в Ставропольском крае.

Именно левашинские и акушинские даргинцы не только держат кошары в Нефтекумском, Левокумском, Степновском и других районах Ставрополья, но и активно занимаются огородничеством, беря в аренду гектары орошаемой земли у колхозов и муниципалитетов в Ставропольском крае. Даргинские предприниматели вошли в зерновой и мукомольный бизнес, практически монополизовав скупку зерна и муки в восточных районах края.

Стандартизация быта тоже в какой-то степени отличает старожильческое население Галюгаевской и других ставропольских, кизлярских, тарумовских сел и станиц, от выходцев из горных и предгорных районов Дагестана. Статусное соревнование разворачивается в профессиональной, карьерной сферах, но если эти каналы купированы, например, в силу разрушения социального порядка, остаются миграция или стагнация. У горцев же «дух соревнования» пронизывает все сообщество и часто на нем и замыкается. Выходцы из дагестанских джамаатов мотивированы на труд и подвиги ради роста благосостояния семьи, а поскольку сообщество (джамаат) — основной дистрибьютор статусов, то и демонстративное потребление среди дагестанцев, например, распространено больше, чем среди старожильческого населения казачьих станиц или русских сел.

Оборотистость, которая присуща практически всем гатлинцам, левашинцам, акушинцам и т.д., в Галюгаевской воспринимается зачастую как «жизнь путем воровства». Хозяин строящегося магазина, мужчина 36 лет, по словам со-

седей, которые называют его «наш Березовский», «никогда нигде не работал, но ездит на иномарке, на «фольксвагене», нормальный, хороший дом у него, но он живет путем воровства» [12]. А вот как сам «Березовский» свое хозяйство описывает: «У меня есть пай, но купленный. Года два назад... Сейчас он вроде стоит 150 тысяч. На зерно (с пая) свиней кормлю. Еще покупаю... Смотря сколько голов буду держать. На голову — полтонны. Месяцев семь — свинья готова... Свиней хватает. Может двадцать, может тридцать. Живем, не жалуемся, нормально... Я никогда нигде не работал. Дома на хозяйстве... Продуктовый магазин у меня будет. Участок — мой. ...(Дом в 1989 построен)... Мы купили его у родителей под материнский капитал (на второго ребенка)... Раньше тоже здесь жили с родителями... Если бы дали чемодан долларов, уехал бы. А так все дорого. Дом продашь, за эти деньги купишь квартиру, и чем заниматься?» [12].

На двери дома «Березовского» висит объявление о продаже сахара: «Это (в Нальчике) сестре дали под зарплату... Кто где работает, тем и рассчитываются. Сестра там на двух или на трех работах даже: спиртзавод и кондитерская фабрика» [12]. Этот пример подчеркивает различие «допустимых» хозяйственных практик в Гагатли и Галюгаевской. То, что совершенно нормально в одном обществе, маргинально в другом.

Молодежь в Галюгаевской настроена на эмиграцию: «...Фишка в Галюгае — это да Вы зайдите в школу, посмотрите на детей) все. Казак вылезет из штанов, а ребенка устроит... Хата — хрен с ним, что она та скромненькая, но детищечки... — все важнее» [12]. Эта «фишка» имеет две стороны, многие представители «поколения next» уехали в поисках другой жизни, как только выросли: надеемся, что (дети не вернуться). Пусть хотя на квартирах или как, но только не в станице. Потому что здесь никакой перспективы, работы, ничего» [12]

Продолжение финансирования эмиграции детей, обеспечение их максимальной социальной мобильности — смысл жизни; некоторых станичников. Этот сюжет выглядит как контр-кейс к истории племянника главы администрации Гагатли. Дядя прервал его успешную карьеру в Санкт-Петербурге просто потому, что молодой человек не мог своевременно делать намаз и ходить в мечеть на рузман.

В Галюгаевской есть одна особенность — около 100-120 молодых ребят служат по контракту в Чеченской республике: «Если будем считать тех, кто в Ханкале, — батальон можно точно собрать... Там одни галюгаевские. А в Шалях нас человек восемь служит... Еще два контракта, и можно на пенсию⁶² идти в 33 года... Дом купил в Галюгаевской за 90 тысяч... Служить-то, зарабатывать там (в Чечне) надо, 24-25 тысяч рублей в месяц выходит... Паев нет у меня, жена не местная, нефтекумская⁶³. Познакомились через Интернет» [12].

Около сотни хат стоит с провалившимися крышами на заброшенных участках — молодежь выехала, старики умерли. За счет контрактников, колхоза, приусадебного животноводства да бюджетных должностей население держится. «Дома мало-мальски раскупаются все». Но «стоят... 250, 300 тысяч — в зависимости от состояния» — недорого. Это препятствует оттоку старшего поколения. Женщина, 50 лет: «А куда (с бабушкой уезжать)? Там если только на квартиру⁶⁴. Я продам (дом) за копейки — 200-350 тысяч. В Минводах такой дом, как мой, наверное, стоил бы полтора миллиона... Если бы жилье давали... Уезжали бы с удовольствием. Все бы уехали. Мне кажется, что вся станица уехала бы...» [12].

Сравнение двух частных случаев трансформации сельских общин не позволяет претендовать на глобальные обобщения. Выводы, которые можно сделать на данном этапе, фрагментарны и располагаются в довольно широком

тематическом диапазоне и на разных уровнях абстрагирования. От эмпирического наблюдения животноводства до рискованных, но, с нашей точки зрения, оправданных и продуктивных для дальнейших исследований предположений:

1. Ликвидация колхозов в Ставропольском крае привела к катастрофе в животноводстве (особенно мясном КРС и молочном), которое было крупным, высокотехнологичным и трудоемким. Количество рабочих мест и доходы колхозников существенно снизились, перспектива работы в селе пропала, что привело к оттоку населения в форме эмиграции и трудовой миграции [13]. В дагестанских же селах животноводство легализовалось как частное. Готовность к вне-легальным рыночным отношениям, распределение сенокосов в частную собственность и свободный доступ частного скота на свои общественные и «купленные» чужие пастбища привели к росту поголовья скота как в горах и на кутанах, так и на кошарах в Ставропольском крае. В ряде мест (Кадарская зона, Гагатли и т.д.) получило развитие стойловое содержание до 100-120 голов КРС на частных подворьях. Откормочного, интенсивного животноводства раньше в этих местах не было. В этом смысле можно говорить о модернизации.

2. Ликвидация колхозов, как достаточно крупных и индустриализированных сельскохозяйственных предприятий, а также незащищенность имущественных паев (сооружения и сельскохозяйственная техника) в Ставропольском крае привела к деиндустриализации правопреемников колхозов на равнине. Передача земель в аренду внешним инвесторам, строящим бизнес на производстве и продаже зерна на глобальном рынке, сопровождается тотальной модернизацией зернового полеводства и внедрением энергоемкого оборудования, существенно повышающего производительность труда и сокращающего трудоемкость произ-

водства. Сокращение рабочих мест стимулирует отток сельского населения равнины в большие города.

В горах и предгорьях, где размеры пашенных земель и рельеф требуют индивидуального подхода к каждому участку, сельскохозяйственная техника дагестанских колхозов и совхозов, которая перешла в частные руки, используется вполне эффективно [11]. Там и при колхозном порядке труд в сельском хозяйстве не был полностью механизированным. Частная собственность в некоторых случаях привела к существенной модернизации «приусадебной экономики»: новые сорта в овощеводстве, интенсивное животноводство, основанное на стойловом содержании скота, более глубокая переработка продукции (сушеное мясо и колбаса в Гагатли, современные консервные заводы в дагестанских селах Глох, Кикунни и т.д.). Субъекты «приусадебной экономики» горных и предгорных сел Дагестана успешно противостоят экспансии внешних инвесторов, в том числе представителям собственной политической элиты, сохраняя контроль над земельными активами.

В итоге: на равнине полным ходом идет перераспределение прав на распоряжение землей и урожаем в пользу внешних инвесторов (даже руководство колхоза и муниципалитета в Гапюгаевской как единственный способ разрешения проблем с долгами видит привлечение внешних инвесторов в колхоз и продажу паев выходцам из станицы). А в горах, наоборот, совершилась «локальная реституция», земли распределены между членами сельских общин (по шариату, по наследству или по решению муниципальных властей). Поскольку «свои» земли в горах и предгорьях поделены и на них установилась рыночная, довольно высокая из-за малоземелья цена, за дополнительными сельскохозяйственными землями приходится идти на соседние территории. Отсюда и колонизаторская активность горцев как в направлении дагестанской равнины («кумыкской», «русской», «ногайской»), так и в соседние регионы.

В Ставропольском крае, несмотря на формально проведенную паевую приватизацию, институт собственности на землю формируется медленно, межевание и выделение паев в натуре встречает трудности и сопротивление административных элит, в результате стоимость паев занижается многократно. В горах и предгорьях, особенно там, где наблюдается очаговое экономическое развитие, стоимость земли соответствует рыночной при полноценном институте собственности. Результат — интенсивная миграция сельского населения в Восточное Ставрополье и другие районы края и соседних субъектов Российской Федерации.

Заниженная стоимость паев в Ставропольском крае, связанная с трудностями выделения земельных долей в натуре, привела к трем важным следствиям. Первое — отсутствие доступа к финансам из-за недооценки стоимости пашни и истощение земель. Второе — формирование своеобразного административного рынка аренды паев, который, в свою очередь, сформировал «ренту пайщика». Паи нельзя продать как актив, но можно продать как право получения арендной платы. Три тонны пшеницы за пай — это возможность откормить несколько поросят или бычков и «обналичить актив», продав мясо. Третье следствие — низкая мобильность населения: купить на пай жилье в городе невозможно, остается либо получать скромную ренту, либо продать дом, приусадебный участок и пай мигранту, тому же левашинцу или акушинцу — выходцам из Дагестана, и уехать. В противоположность ставропольской равнине, высокие цены на землю в некоторых дагестанских аулах и отсутствие земли на продажу даже по этим ценам заставляют выходцев из республики Дагестан искать альтернативные возможности. В итоге платежеспособный спрос мигрантов на паи и дома в восточном Ставрополье регулирует миграционный отток старожильческого населения.

Библиография:

1. Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? – М.: Новое издательство, 2006.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: ИД ВШЭ, 2012
3. Постановление правительства РФ от 29.12.1991 №86 (с изм., внесенными Постановлением правительства РФ от 06.03.1992 №138) «О порядке реорганизации колхозов и совхозов».
4. Бобровников В.О. Ислам и советское наследие в колхозах северо-западного Дагестана. – М.: Этнографическое обозрение, 1997. – №5. – С. 132-142.
5. Северный Кавказ: традиционное сельское общество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения: сб.статей / отв. ред. Штырков С.А. – СПб: Наука, 2007. – С. 11.
6. Полевой материал автора (ПМА) 2012, Гагатли
7. ПМА 2012, Искра
8. ПМА 2012 Новогагатли
9. ПМА 2012 Махачкала
10. ПМА 2012, 2011 Невиномысск
11. ПМА 2012 Наскент
12. ПМА 2012 Галюгаевская
13. Нефедова Т.Г. Сельское Ставрополье глазами московского географа: разнообразие районов на юге России. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. – С. 18-21.
14. Ефимов В.М. Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // Мир России. – 2009. – Т. 18. №1. – С. 74-166.
15. Кордонский С.Г. Рынки власти: административные рынки СССР и России. – М.: ОГИ, 2000.
16. Общество как объект и субъект власти: очерки политической антропологии Кавказа / отв. ред. Карпов Ю. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2012. – С. 61-90.
17. Малашенко А. Северный Кавказ: зарубежный субъект Российской Федерации? // Московский центр Карнеги, брифинг. – Т. 13. – 2011. – Вып. №3, ноябрь
18. Стародубровская И.В., Зубаревич Н.В., Соколов Д.В., Интигиринова Т.П., Миронова Н.И., Магомедов Х.Г. Северный Кавказ: модернизационный вызов. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2011.

1.5. ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ (по результатам социологических исследований)

*З.М. Абдулагатов,
М.М. Шахбанова*

Постсоветский период развития российского общества характеризуется осложнением межнациональных отношений, появлением в открытой, а чаще в латентной форме межэтнической напряженности и, как следствие, противостояния. Среди множества факторов ухудшающих межнациональные отношения выделяются территориальные споры и кадровая проблема, хотя нельзя упускать из виду огромное влияние религиозного компонента на состояние межэтнических отношений.

В данной статье на основе результатов социологических опросов 2012 г. и 2013 г. излагаются существующие в массовом сознании дагестанских народов тенденции в характеристике состояния межэтнических отношений, воздействие типов социальной и этнической идентичности на данный процесс.

Характеристики выборок социологических опросов. Социологический опрос проведен в 2012 г. в Буйнакском, Ботлихском, Дахадаевском, Казбековском, Каякентском, Карабудахкентском, Кизилюртовском, Магарамкентском, Ногайском, Цунтинском, Цумадинском, Хасавюртовском районах, в гг. Махачкала, Кизляр. N – 855. Отдельно социологический опрос проведен в 2012 г. среди молодежи Республики Дагестан (возраст от 15 до 30 лет включительно) в Бабаюртовском, Буйнакском, Дербентском, Кизилюртовском, Лакском, Левашинском, Табасаранском районах, гг. Буйнакск, Дербент, Махачкала, Хасавюрт. N – 585. Социологическое исследование по изучению этнической идентичности дагестанских народов в этноконтактных зонах республики проведено в 2013 г. в Бабаюртовском, Дербентском, Казбековском, Кайтагском, Карабудахкентском, Ки-

зилюртовском, Кизлярском, Кумторкалинском, Хасавюртовском районах, гг. Махачкала, Кизляр, Кизилюрт, Дербент. N – 1143. В том же году при финансовой поддержке Комитета по молодежной политике Республики Дагестан проведено исследование среди молодежи республики по теме «Мониторинг проявлений экстремизма в молодежной среде Республики Дагестан». Опрос проведен в Ботлихском, Буйнакском, Дахадаевском, Казбековском, Карабудахкентском, Каякентском, Кизилюртовском, Магарамкентском, Ногайском, Цумадинском, Цунтинском, Хасавюртовском районах, в гг. Махачкала, Кизляр, Хасавюрт. N – 855.

Для полиэтнического сообщества, к числу которых относится и Республика Дагестан, актуализировано выявление существующих в массовом сознании дагестанцев тенденций развития межэтнических взаимоотношений, поэтому им был задан вопрос, позволяющий выявить существующие в данной сфере установки (см. таб. № 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какие из тенденций проявляются сегодня во взаимоотношениях между дагестанскими народами?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

<i>Варианты ответов // Национальности</i>	Стремление жить раздельно, но в дружбе	Стремление объединиться в единую, сильную дагестанскую нацию	Жить отдельно друг от друга и заботиться только о своем народе
Аварцы	28,1/40,9	51,0/41,6	13,9/17,4
Азербайджанцы	32,4/-	43,2/-	10,8/-
Даргинцы	38,0/47,8	46,8/39,1	5,1/14,5
Кумыки	33,7/45,3	43,4/32,8	14,9/18,8
Лакцы	37,9/36,2	58,6/48,9	6,9/10,6
Лезгины	18,7/45,1	49,3/31,7	22,7/23,2
Ногайцы	31,6/-	31,6/-	10,5/-
Русские	33,6/33,3	24,5/25,9	30,8/40,7
Чеченцы	51,6/58,8	32,3/25,5	12,9/13,7
Другие	41,7/37,8	33,3/45,9	25,0/8,1
Всего:	32,3/43,7	43,0/37,3	16,1/17,7

Сравнение результатов опроса 2007 г. и 2013 г. показывает, что в массовом сознании дагестанских народов, по-прежнему доминируют два суждения – «стремление объединиться в единую, сильную дагестанскую нацию» и «стремление жить отдельно, но в дружбе». При этом следует обратить внимание на то, что за прошедший период произошла полная подмена в позициях дагестанских народов: если в 2007 г. превалировало суждение «стремление жить отдельно, но в дружбе», то в настоящее время важным является ориентированность на формирование «единой и сильной дагестанской нации». Вместе с тем, опрошенные дагестанские народы придерживаются позиции, что в массовом сознании дагестанских народов проявляются установки на самоизоляцию, следовательно, характерной тенденцией во взаимоотношениях между ними является «стремление жить отдельно друг от друга и заботиться только о своем народе», и доля таковых в каждой подгруппе за прошедший период заметно выросла. Из всего массива выделяют респонденты-русские: если в опросе 2007 г. каждый второй опрошенный подчеркивал, что межэтническим отношениям дагестанских народов характерно «стремление жить отдельно друг от друга и заботиться только о своем народе», то в опросе 2013 г. эта позиция ближе каждому третьему опрошенному. Причина видимо кроется в сложном положении дагестанских русских на территориях их традиционного проживания, но об этом далее.

По образовательному признаку, придерживающихся суждения, что дагестанским народам характерно «стремление объединиться в единую, сильную дагестанскую нацию» больше среди имеющих среднее (50,2 %) и среднее специальное образование (48,8 %) и заметно ниже с высшим образованием (38,9 %). При этом каждый третий опрошенный из последней подгруппы характерным для взаимоотношений дагестанских народов считает «стремление жить

раздельно, но в дружбе» (35,0 %). Более того, среди респондентов с высшим образованием доля разделяющих, что в настоящее время во взаимоотношениях между дагестанскими народами проявляется «стремление жить отдельно друг от друга и заботиться только о своем народе», по сравнению с другими подгруппами, выше и составляет 19,4 %, против 11,0 % со средним и 12,0 % со средним специальным образованием. Таким образом, исследование показывает, что опрошенным дагестанским народам характерны 1. позитивная оценка межэтнической ситуации на территориях своего проживания, хотя они оценивают межнациональную ситуацию как в целом по России, так и в республике как «сложную», 2. респонденты подчеркивают, что во взаимоотношениях дагестанских народов проявляется «стремление объединиться в единую, нацию», несмотря на существование в республике целого комплекса факторов, способствующих ухудшению межнациональной ситуации, в частности, религиозный экстремизм, угроза террористических актов, низкий уровень культуры межнационального общения и отсутствие эффективной политики интернационального воспитания.

Сложная межнациональная ситуация в некоторых районах республики, обусловленная в большей степени неуправляемой миграцией, актуализирует выявление отношения дагестанских народов к совместному проживанию с иноэтнической общностью (см. таб. № 2).

Приведенные в таблице № 2 результаты социологического опроса показывают наличие существенной разницы в позициях опрошенных дагестанских народов в отношении переселения в свой населенный пункт представителей своей и иной этнической общности. Если респонденты позитивно оценивают переселение в свой населенный пункт представителей своего народа, то негативно воспринимают миграцию на свою территорию других народов.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы отнеслись к тому, что в ваш населенный пункт по тем или иным причинам поселили бы большую группу лиц вашей/иной вашей национальности?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Вашей национальности			Иной национальности		
	Положительно	Отрицательно	Мне безразлично	Положительно	Отрицательно	Мне безразлично
Аварцы	51,4	7,6	35,4	26,7	25,0	44,1
Азербайджанцы	62,2	5,4	24,3	48,6	10,8	35,1
Армяне	33,3	0	44,4	0	33,3	66,7
Даргинцы	57,0	12,7	22,2	36,1	22,2	35,4
Кумыки	57,6	18,1	20,1	20,5	46,2	29,2
Лакцы	51,7	13,8	27,6	37,9	13,8	44,8
Лезгины	54,7	4,0	32,0	38,7	14,7	44,0
Ногайцы	68,4	0	15,8	31,6	47,4	5,3
Русские	67,8	4,9	16,8	16,1	51,7	28,0
Чеченцы	67,7	3,2	25,8	22,6	29,0	48,4
Другие	58,3	8,3	25,0	25,0	29,2	41,7
Всего:	57,5	10,2	25,5	27,1	32,4	36,1

Вместе с тем, отрицательно к переселению в свой населенный пункт представителей, как своего, так и другого народа относятся опрошенные даргинцы, кумыки и лакцы. В позициях кумыков, ногайцев, русских и чеченцев, по сравнению с другими респондентами, значительная часть отрицательно относится к переселению в свой населенный пункт представителей других народов, причем каждый второй респондент-русский негативно настроен к совместному проживанию с представителями дагестанских народов. Наиболее толерантно к совместному проживанию с другими этническими группами настроены опрошенные азербайджанцы, лезгины и лакцы. Здесь следует подчеркнуть, что первые два народа, проживающие в южной части республики, в ходе проведения опроса демонстрировали позитивное отношение к инокультурным общностям и высокий уровень толерантности. Далее, по всему массиву опрошенных, на второй позиции располагаются респонден-

ты, безразлично оценивающие иноэтническую миграцию и по совокупности суждений «положительно» и «безразлично» преобладает над негативным отношением. По результатам социологических опросов было установлено особое отношение респондентов к понятию «историческая территория» и территориальные споры являются одним из факторов обострения межэтнической ситуации в многонациональной среде, поэтому в позициях опрошенных сохраняется последовательность в выделении «территории» как маркера этнической идентификации и стремление сохранить его целостность и моноэтничность. Доля относящихся отрицательно к переселению в свой населенный пункт представителей своей этнической общности больше среди лиц старшего поколения «от 60 лет и выше» (20,5 %) и имеющих высшее образование (11,7 %), впрочем, как и представителей других народов – 46,6 % «от 60 лет и больше» и 38,3 % с высшим образованием.

В опросе (2007 г.) [1] респондентам был задан вопрос «Хотели бы Вы, чтобы в вашем населенном пункте проживали представители других народов?». В позициях опрошенных доминировала положительная оценка многонациональности территории своего проживания, с мотивацией возможного «улучшения межнациональных отношений» (47,3 %), «знакомства с национальной культурой других народов» (35,6 %) и «это помогло бы наладить межнациональное общение» (32,3 %). Первое мнение разделяют аварцы (47,0 %), даргинцы (47,8 %), кумыки (40,6 %), лезгины (45,1 %), лакцы (55,3 %), чеченцы (56,9 %), русские (51,9 %), второе – сравнительно большая доля опрошенных аварцев (44,3 %), русских (48,1 %), лакцев (53,2 %) и наименьшее количество чеченцев (23,5 %). Возможности полиэтничности населенного пункта в процессах налаживания позитивного межнационального общения и диалога подчеркнули опрошенные чеченцы (23,5 %), лакцы (25,5 %), аварцы (30,2 %), даргинцы (31,9 %), русские (37,0 %), кумыки

(37,5 %) и лезгины (45,1 %). В то же время негативно к совместному проживанию («это способствует появлению территориальных споров между народами») относятся 14,3 % опрошенных. Проблема территорий проживания (территориальные споры) и земельного вопроса отмечают как причины межэтнического противостояния и за прошедший период, к сожалению, их роль в ухудшении межнациональных отношений, по-прежнему большая. По этнической принадлежности на него указывают опрошенные чеченцы (31,4 %), даргинцы (15,9 %), лезгины (14,4 %), кумыки (14,1 %), в то время как проживающие в Кизлярском и Тарумовском районах русские также поднимают этот вопрос, однако на него указала статистически незначимая доля респондентов (3,7 %). Далее опрошенные считают, что многонациональность населенного пункта «способствует появлению межнациональной напряженности и конфликтов» (11,0 %) и его разделяет относительно большая часть опрошенных кумыков (18,3 %) и чеченцев (23,5 %), при этом каждый третий опрошенный из чеченцев (31,4 %) считает, что «другая культура способствует разрушению национальной культуры моего народа».

Не менее значимой для Дагестана, начиная с перестроечного периода, остается проблема оттока русскоязычного населения из республики. В доперестроечный период в Дагестане проживало более 20 % русского населения, на сегодняшний день менее 4 %, и такая ситуация характерна практически всем северокавказским республикам. В последние годы темпы оттока русскоязычного населения из Дагестана несколько снизились, тем не менее, проблема остается. В «Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 г.» отмечается, что русское население на территории СКФО является фактором стабилизации этнополитической ситуации в регионе и источником высококвалифицированных кадров, необходимых для обеспечения устойчивого развития федерального округа, поэтому

Президент РФ и общественные лидеры СКФО считают, что сегодня важно не только прекращение оттока, но и возвращение русского населения на территорию СКФО. Если рассмотреть положение русских в Дагестане, то сложная ситуация с их миграцией из республики складывается в Кизлярском и Тарумовском районах, поэтому еще в начале 90-х гг. XX столетия в республике поднималась проблема этнического самочувствия русскоязычного населения.

Существуют самые различные факторы, вынуждающие русских мигрировать из республики, среди них назывались социально-экономические причины. Наряду с экономическими факторами, свою негативную роль играет нестабильная межнациональная ситуация в республике, распространение идей религиозного экстремизма, многочисленные террористические акты на территории Кизлярского района, захват заложников, в частности Кизлярской больницы, характерный для переселенцев бытовой национализм, исходящие от них угрозы в адрес русскоязычного населения и т.д. При общении с автором респонденты-русские очень жестко выражали свое отношение к переселенцам, хотя в результатах опроса они в полной мере, в силу определенных причин своего мнения не отразили.

Проблематика положения русскоязычного населения и их оттока из Дагестана в силу его актуальности была затронута при составлении анкеты социологического опроса 1997 г, 2013 г. и 2014 г. (см. таб. № 3).

Полученные результаты исследования показывают, что за истекший период одной из самых болезненных причин, вынуждающих русскоязычное население мигрировать из Дагестана остается их опасения, обусловленные сохранением угрозы возможных «этнических и религиозных конфликтов». Не менее значимым является фактор – «в условиях возрождения ислама, плохо стали относиться к людям другой веры», причем наблюдается увеличение количества придерживающихся данной позиции.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, почему наблюдается отток русского населения из Дагестана?» (%)

Варианты ответов // Годы	1997 г.	2013 г.	2014 г.
Проблемы русскоязычного населения в Дагестане не существует и она является надуманной	18,5	-	17,3
В условиях возрождения ислама, плохо стали относиться к людям другой веры	6,2	32,2	40,3
Низкий уровень социально-экономического развития люди связывают с нахождением Дагестана в составе России	1,5	13,8	16,2
Когда трудно жить кого-то выживают. Русских легче выжить из Дагестана, чем другие народы	10,0	20,6	29,0
В Дагестане плохо стали относиться к русским, т.к. в России отдельными людьми и партиями ведется несправедливая антидагестанская и антикавказская пропаганда	19,6	31,6	20,8
Отъезд русских из Дагестана вызван тем, что русское население в России плохо относится к приезжим из Дагестана и вообще с Кавказа	18,1	33,3	21,9
У нас разные обычаи и культура, потому совместно проживать русским с дагестанцами и дагестанцам с русскими трудно	3,5	21,0	13,3
Кавказ – взрывоопасный регион. Русские уезжают из Дагестана, опасаясь возможных этнических и религиозных конфликтов	18,1	51,9	53,5
Давление со стороны переселенцев на территориях исконного проживания русского населения	11,2	9,9	16,4
В республике ущемляются права русского населения и они не защищены	-	12,0	16,2
В советский период русские в основном работали на промышленных предприятиях и в настоящее время оказались без работы	-	26,2	46,1
Давление на русских со стороны криминальных структур, мафии, вынуждения их к продаже квартир, домовладения	11,2	-	-

Следует отметить, что в историческом прошлом в Дагестане не наблюдалась межрелигиозная интолерантность. Также нельзя сбрасывать со счетов проблему трудоустройства и специфику занятости русскоязычного населения, их невостребованность в промышленном секторе республики,

ибо после развала Советского Союза многие предприятия, на которых в основном были заняты русские, пришли в упадок или были вообще ликвидированы, следовательно, отсутствие возможности трудоустройства – «в советский период русские в основном работали на промышленных предприятиях и в настоящее время оказались без работы».

По всему массиву опрошенных, русскоязычное население основными причинами оттока из республики представителей своего народа называют «опасение возможных этнических и религиозных конфликтов» (64,3 %), «в условиях возрождения ислама, плохо стали относиться к людям другой веры» (46,9 %), «в советский период русские в основном работали на промышленных предприятиях и в настоящее время оказались без работы» (32,2 %), «в республике ущемляются права русского населения и они не защищены» (29,4 %), «давление со стороны переселенцев на территориях исконного проживания русского населения» (25,9 %), «когда трудно жить кого-то выживают. Русских легче выжить из Дагестана, чем другие национальности» (25,2 %), «в Дагестане плохо стали относиться к русским, т.к. в России отдельными людьми и партиями ведется несправедливая, антидагестанская и антикавказская пропаганда» (23,1 %), «низкий уровень социально-экономического развития люди связывают с нахождением Дагестана в составе России» (15,4 %), «русское население в России плохо относится к приезжим из Дагестана и вообще с Кавказа» и «у нас разные обычаи, культура, а потому жить дагестанцам с русскими и русским с дагестанцами совместно трудно» (по 9,8 %). Однако если, исповедующие ислам дагестанские народы («у нас разные обычаи, культура, а потому жить дагестанцам с русскими и русским с дагестанцами совместно трудно») как причину возможного оттока русских из республики, поставили на 6 место, то данный фактор для респондентов-русских оказывается малозначимым и занимает только 9 место.

Этническое положение и самочувствие русскоязычного населения, начиная с перестроечного периода, была очень актуальной в сфере сохранения межнациональной стабильности, две чеченские военные кампании его еще более усугубили. Сравнение результатов опроса по разным годам показывает, что если характерная для 90-х гг. миграция русских из Дагестана, опрошенные считали «надуманной проблемой» (второе ранговое место после «в Дагестане плохо стали относиться к русским, т.к. в России отдельными людьми и партиями ведется несправедливая, антикавказская пропаганда»), то в опросе 2013 г. и 2014 г. картина кардинально меняется и основную причину отъезда русских из республики, опрошенные дагестанские народы, усматривают в нестабильной межэтнической и религиозной ситуации в Дагестане, в сохранении угрозы возникновения межэтнического и религиозного противостояния. Таким образом, во многом мнения русских и остальных дагестанских народов совпадают, хотя респонденты-русские акценты на причинах отъезда представителей своего народа из республики расставляют по-другому.

Далее на вопрос «С какими из народов Вам неприятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения?» в массовом сознании дагестанских народов доминирует суждение – «нет таких народов» (37,6 %), хотя наибольшая часть опрошенных указала на даргинцев, ногайцев, аварцев, лакцев, кумыков и лезгин. Предположение, что степень толерантных установок зависит от образовательного уровня и возраста респондента, не совсем соответствует действительности: интолерантные установки демонстрируют опрошенные обладающие как низким, так и высоким образовательным статусом. Проявление терпимости по отношению к представителям иных этнических образований больше проявляют представители старшего поколения. Также необходимо отметить, что респонденты, особенно старшего поколения, выражали свое недовольство

сформулированными в анкете вопросами «С какими из народов Вам приятно/неприятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения?» и посчитали их некорректными, поэтому большая доля респондентов не обозначила своего мнения по этим вопросам. Причина, надо полагать, кроется в сохранившихся в сознании старшего поколения принципах интернационального воспитания, которые в постсоветской России оказались невостребованными и, предпринимаемые в последние годы органами государственной власти меры по преодолению существующих в данной области проблем во многом носят декларативный и половинчатый характер, поэтому и не достигают желаемого результата.

В межэтническом поведении проявляется стремление опрошенных обозначить свое отношение к совместному проживанию. Если по всему массиву опрошенных в общественном сознании доминирует негативное отношение к переселению в свой населенный пункт представителей других народов, то при определенных условиях респонденты отмечают народы, с которыми они предпочли бы проживать на одной территории. По всему массиву опрошенных, дагестанские народы подчеркивают, что для них «никакого значения не имеет с кем проживать» (33,1 %), в то же время предпочтение отдают русскому народу, хотя они как причину миграции русских из республики отметили «у нас разные обычаи, культура, а потому совместно жить дагестанцам с русскими и русским с дагестанцами трудно». Доля выбирающих совместное проживание с русскими относительно больше среди ногайцев (10,5 %), лезгин (10,7 %), аварцев (14,6 %), азербайджанцев (16,2 %), даргинцев (16,5 %), кумыков (20,5 %) и наименьшая среди лакцев (6,9 %).

Отношение к русскому населению нерусскоязычных дагестанцев выявлялось в нашем социологическом опросе 1997 г. Респондентам был задан вопрос «Если бы Вы оказа-

лись вдали от своего народа, то с каким из представителей российских народов хотели бы жить рядом?». Полученные 15 лет назад результаты ответов на данный вопрос очень удивили социологов по причине того, что опрошенные дагестанские народы указывали друг на друга как на желательных партнеров для совместного проживания в пределах от 4 до 8 %. В отношении представителя русского народа эти показатели дагестанцев были выше (40,0 и более процентов), а среди некоторых народов Дагестана желание жить с русскими в определенных условиях (рядом нет представителей своего народа) доходило до 50,0 %. Это, безусловно, был высокий показатель российской идентичности. В опросе 2012 г. данный вопрос был задан вновь. В общей выборке совместное проживание с русскими предпочитает 14,4 % опрошенной дагестанской молодежи; среди идентифицирующих себя «гражданином России» доля таковых выше (17,1 %) в отличие от осознающих себя «дагестанцем» (16,8 %), «мусульманином» (11,2 %) и «представителем своего народа» (10,0 %), что подтверждает существование корреляции между российской идентичностью и отношением к русскому человеку. Эти же данные опроса показывают, что российская идентичность молодежи в данном разрезе отношений, по сравнению с показателями опроса 90-х гг., значительно упала.

Учитывая то обстоятельство, что сепаратизм в северокавказских республиках связывался в большей степени с реализацией религиозных целей, имеет смысл проанализировать ответы на вопрос о приоритетном партнере совместного проживания в разрезе отношений респондентов к вере. Как оказалось, приоритетное отношение совместному проживанию с русскими, верующие выразили в 2 раза меньше, чем неверующие (верующие – 14,1 %, неверующие – 27,8 %) и затруднившиеся ответить на вопрос о вере – 32,1 %. Среди учащихся и студентов исламских учебных заведений не оказалось никого, кто изъявил бы желание жить с

представителями русского народа. Вызывает определенную тревогу полученные на данный вопрос ответы и в другом разрезе: среди трех возрастных групп, выделенных в опросе, наименьшее желание жить рядом с русскими выразили самые молодые – «от 15 до 18 лет»: (от 15 до 18 лет – 12,3 %, от 18 до 25 лет – 16,8 %, от 25 до 30 лет – 22,5 %). Очевидно, что с возрастом отношение к русским в молодежной среде улучшается. В возрастную группу «от 15 до 18 лет» в основном входят школьники, которые в будущем будут формировать общественное мнение дагестанцев. В этом кроется одна из потенциальных угроз для сохранения, впрочем, как и укрепления, государственно-гражданской (российской) идентичности дагестанцев. Напомним, что гражданская (российская) идентичность у данной группы оказалась самой низкой среди выделенных возрастных групп – 50,4 %, тогда как у двух других 57,9 % и 69,0 %, соответственно. И, наконец, несколько больший гражданский патриотизм, через позитивное отношение к русским, проявляют женщины (16,6 %) в противовес мужчинам (12,9 %).

В ходе анализа факторов ухудшения/улучшения межэтнических отношений возникает необходимость в установлении степени воздействия типа социальной идентичности (этнической, республиканской, религиозной, государственно-гражданской) на эти процессы. Поэтому в опросе респондентам был задан вопрос «Кем Вы себя, прежде всего, считаете?».

По результатам опроса дагестанской молодежи характерно доминирование религиозной идентичности («я-мусульманин») (71,5 %), на второй позиции располагается российская идентичность (59,9 %) и на третьей республиканская (42,5 %) и большим отрывом на четвертом месте этническая идентичность (13,7 %). В условиях центробежных сил в российском гражданском сознании это хороший показатель, хотя, как будет показано ниже, российская идентичность дагестанской молодежи ниже показателей по

этой позиции, которые имеют место на территориях расположенных в центральной части Северного Кавказа.

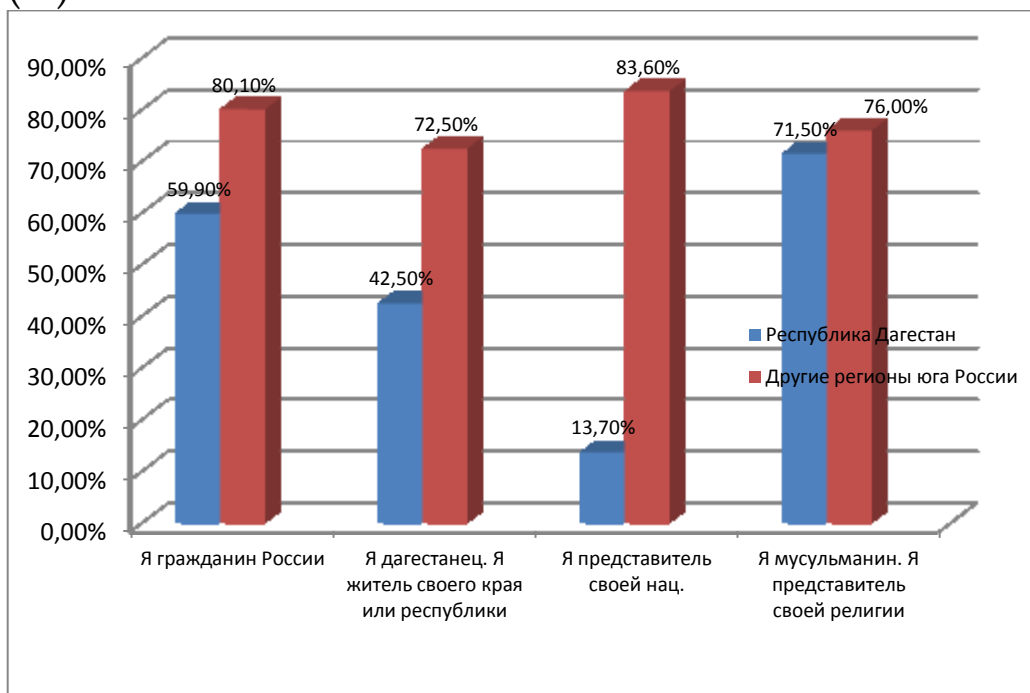
Характерная индивиду многоступенчатость проявления идентичности является нормой, ибо человек выполняет самые различные социальные роли. В зависимости от того, какой слой наиболее актуализирован, государству необходимо принимать те или иные меры, или не принимать никаких мер. С этой точки зрения в характере самоидентификации дагестанской молодежи привлекает внимание высокая конфессиональная идентичность, которая намного превосходит показатели этнической, дагестанской и российской идентичностей. В условиях, когда религиозная идентичность стала причиной сепаратистских настроений, данный показатель способен и впредь играть негативную роль, ослабляя государственную целостность, как России, так и Дагестана. Показатель высокой религиозной идентичности имеет и другой аспект своего влияния на сознание молодежи. Поскольку ислам не является национальной религией, а наоборот, подчеркивает свой интернациональный характер, он не может рассматриваться как причина интенсификации этнической идентичности. Но существует обратная зависимость: принадлежность к тому или иному народу в условиях религиозного ренессанса обуславливает и конфессиональную идентичность человека, независимо от его веры в бога.

Особенности самоидентификации дагестанской молодежи видны из сравнения опроса, проведенного в Дагестане, с опросами по вопросам идентичностей в других регионах России. В этом смысле представляет ценность исследование, проведенное по выявлению «портфеля идентичностей» социологами из г. Ростов [2].

В Гистограмме № 1 изображены данные опросов, проведенных в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Краснодарском и Ставропольском краях, сравнительно с опросом в Республике Дагестан.

Гистограмма 1

Распределение ответов на вопрос об основных идентичностях молодежи (Дагестан и другие регионы Юга России) (%).

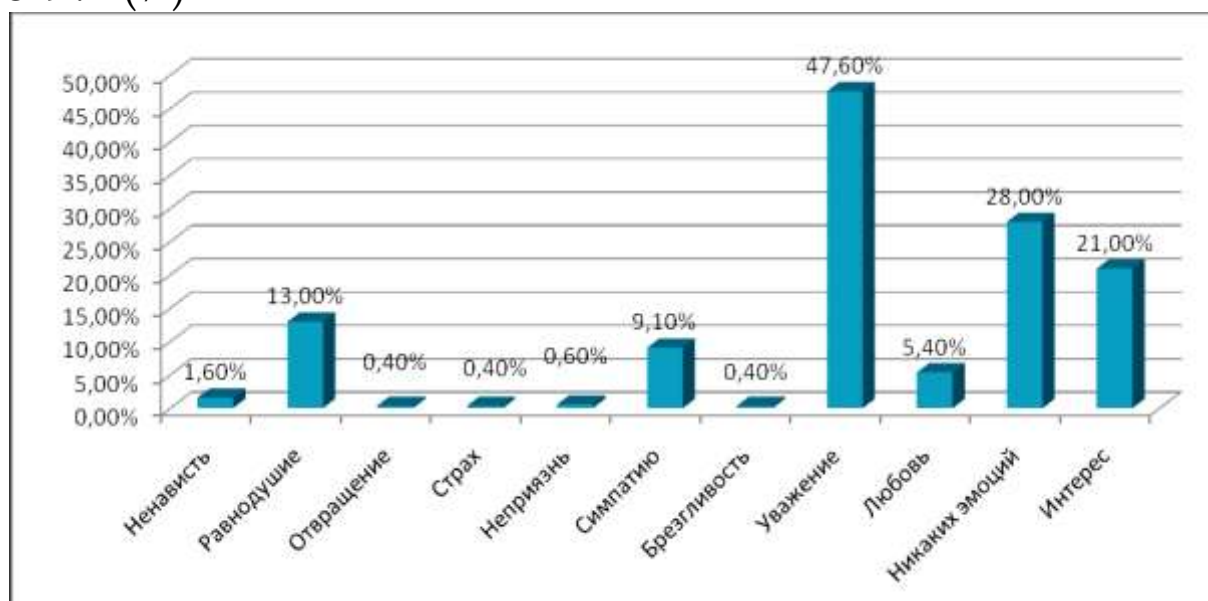
Приведенные в гистограмме № 1 результаты демонстрируют, что в массовом сознании дагестанской молодежи, по сравнению с представителями других южных регионов России, относительно слабо проявляются типы социальной идентичности, за исключением конфессиональной идентичности, которая выражена в нашей республике незначительно ниже, чем в других регионах Юга России.

Существующие в массовом сознании молодежи установки на межэтническое взаимодействие определялись ответами и на другие вопросы.

Гистограмма № 2 констатирует, что всего 3,4 % опрошенной дагестанской молодежи выражают отрицательные эмоции в отношении других этносов: «ненависть» (1,6 %), «неприязнь» (0,6 %), «отвращение», «страх», «брезгливость» (по 0,4%).

Гистограмма 2

Распределение ответов на вопрос «Какие чувства Вы испытываете по отношению к лицам другой национальности?» (%)

Для сравнения, в Свердловской области общий показатель отрицательных эмоций в отношении представителей других народов выражают 26,6% опрошенных [2], что значительно выше показателей в Дагестане. В то же время необходимо учесть следующее обстоятельство. Проблема межэтнических взаимоотношений в Свердловской области достаточно сильно отличается от ситуации в нашей республике. В Дагестане, когда речь идет об оценке межэтнических взаимоотношений, основными субъектами этих взаимоотношений реально подразумевают представителей коренных, точнее, мусульманской культуры народностей. Эти отношения достаточной мере устоялись, хотя временами и обостряются. Тем не менее, на бытовом уровне в Республике Дагестан межэтнические отношения достаточно стабильны. Обострения в этой сфере возникают главным образом в связи территориальными, кадровыми вопросами. А в определенные периоды – в связи активацией деятельности лидеров национальных движений.

В Свердловской же области эти отношения обострены в связи с новыми обстоятельствами, которые обусловлены мощными миграционными потоками в российский центр. По мнению большинства респондентов (64,7%), основной причиной неприязненного отношения местного населения (молодежи) Свердловской области к представителям других иноэтнических общностей является их вызывающее поведение. Речь идет о навязывании мигрантами «чужих» норм поведения. На негативное отношение влияет больше не личностные взаимодействия, а образ этноса («нет понимания», «чужой язык», «поддерживают только своих», «ведут себя вызывающе», «провоцируют конфликты»). В Дагестане такие факторы межнациональной напряженности менее актуализированы. Но, если бы, такие же мощные потоки миграций носителей других культур были направлены в Дагестан, особенно в горную и предгорную зоны, говорить о том, что Гистограмма № 1 имела бы такой же вид, сомнительно. Можно считать, что этими же обстоятельствами обусловлено и то, что положительные эмоции в отношении других этносов в РД выражает 83,1% молодежи («любовь» – 5,4 %, «симпатия» – 9,1 %, «интерес» – 21,0 %, «уважение» – 47,6 %). У молодежи Свердловской области эти показатели в целом значительно ниже – всего 25% положительных эмоций.

Экстремальность сознания молодых людей в сфере межэтнических взаимоотношений выявлялась через понятие социальной дистанции. Одним из методов измерения социальной дистанции является использование шкалы социальной дистанции Э. Богардуса. Шкала оценивает степень социально-психологического принятия людьми друг друга. Это шкала социальной приемлемости. В списке, сформулированном Э. Богардусом, отражались различные степени социальной дистанции. При опросе респонденты отмечали то суждение, которое соответствовало допустимой ими близости с членами заданной группы. В данном

исследовании шкала Богардуса использовалась в следующем виде: «В качестве кого Вы могли бы видеть представителя другой национальности?

Ближних родственников по браку

Личных друзей

Соседей, проживающих на моей улице

Коллег по работе

Жителей моего города, поселка, села

Граждан моей страны

Только как туристов в моей стране

Предпочел бы не видеть их в моей стране».

В анализе ответов на вопрос использовались две статистические характеристики. Во-первых, проценты ответов опрошенных по пунктам 1 – 8. Этого явно недостаточно для адекватного выражения ситуации. Дело в том, что диффузный разброс мнений позволяет говорить о том, каков процент тех, кто относится к представителям других национальностей как к «близким родственникам по браку», как к «личным друзьям» и т.д. При этом остается открытым вопрос об интегральном показателе отношения различных групп опроса к представителям других наций. То есть, нужен ответ на вопрос, к какой одной из предложенных позиций склоняется средний показатель данных опроса. Для достижения этой цели, использованы средние взвешенные (средние баллы). Каждая позиция, начиная с первого, имеет оценочный балл: первая («близкие родственники по браку») – 1 балл, вторая («личные друзья») – 2 балла и т.д. Если средний балл по всем позициям окажется равным 1, значит все опрошенные отметили первую позицию, что вообще говоря, в реальном опросе невозможно. Если 2,3 балла, то это означает, что представители другой нации для группы опроса выступают уже не как «личные друзья», но они ближе им, чем «соседи, проживающие на моей улице» (3 балла). Реальная ситуация с отношением

дагестанской молодежи к представителям других национальностей дана в следующей таблице (см. таб. № 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «В качестве кого Вы могли бы видеть представителя другой национальности?» (в %) (2013 г. N = 855).

Варианты ответов // Пол	Ближких родственников по браку	Личных друзей	Соседей, проживающих на моей улице	Коллег по работе	Жителей моего города, поселка, села	Граждан моей страны	Только как туристов в моей стране	Предпочел бы не видеть их в моей стране	Средний балл
Мужчины	14,3	44,2	15,3	14,0	25,0	25,3	3,6	3,9	3,7
Женщины	15,8	39,4	19,1	14,1	25,1	29,1	3,5	3,0	3,7
Всего:	15,2	41,5	17,4	14,0	25,1	27,5	3,5	3,4	3,7

По данным таблицы № 3 видно, что позиция молодежи к представителям другой национальности оценивается как 3,7 балла. Причем, таков показатель как среди мужчин, так и среди женщин. В данном случае 3,7 балла означает, что представители другой национальности для молодого дагестанца «ближе», чем просто жители его города, но «дальше», чем «соседи, проживающие на его улице». Важно обратить внимание на то, что дистанцированность более 4 баллов (от 4 до 8 баллов) – это «холодная зона» отношений, в которую сознание межэтнических отношений дагестанской молодежи не попадает. В разрезе возрастных групп опрос особых различий в ответах на данный вопрос не выявил.

По социальному положению наибольшую дистанцированность от представителей других наций проявили учащиеся медресе (6,8 балла), студенты исламского высшего учебного заведения (5,0 балла), духовные лица (4,5 балла). Наименьшая дистанцированность у тех, кто не указал свое социальное положение («другое») – 2,4 балла. Близки к ним «домохозяйки» – 3,2 балла.

По конфессиональной принадлежности (мусульмане, православные) различий в ответах не оказалось – по 3,7 балла, что соответствует показателю всей выборки.

Выводы: 1. Проведенные исследования показывают, что, несмотря на сложности и противоречия современных взаимоотношений, дагестанские этносы имеют высокий потенциал бесконфликтности, взаимопонимания. Это во многом определено историческими традициями совместного проживания большого числа народностей на относительно небольшой территории, где ни одна из них не имела и не могла иметь длительного политического или иного перевеса против остальных. Доминирование республиканской (общедагестанской) идентичности над другими типами социальной идентичности является одним из факторов сохранения межнационального согласия в Дагестане. Однако трансформация российского общества оказала негативное влияние на состояние межнациональных отношений в республике, что обуславливает наличие в латентной форме межнациональной напряженности в полиэтнических районах республики. При этом особое внимание следует обратить на этническое самочувствие дагестанских русских.

2. В этноконтактных зонах республики не наблюдается ярко выраженной межэтнической напряженности, хотя респонденты характеризуют межнациональную обстановку как в целом по стране, так и в республике как «сложную». Дагестанские народы демонстрируют высокий уровень межэтнической коммуникации и стремление поддерживать этноконтакты. При этом процесс этноконтактирования характеризуется позитивно, более того, в этническом поведении респондентов не проявляется ярко выраженной тенденции к невосприятию иноэтнических групп и самоизоляции. Однако в позициях опрошенных дагестанских народов проявляется невосприятие инонационального окружения. Несмотря на свое нахождение в полиэтнической

среде, респонденты негативно относятся к возможности переселения в их населенный пункт представителей как своего народа, так и других этнических групп, поэтому опрошенные отмечают нежелание принимать на своей территории представителей иной национальной общности и отрицательно оценивают возможности полиэтничности своего населенного пункта.

Библиография:

1. Шахбанова М. М. Межэтническое общение и межнациональная толерантность в Республике Дагестан: состояние, тенденции и взаимовлияние. Махачкала, 2010. С. 98.
2. Аналитический отчет на тему «Мониторинг ситуации в сфере противодействия экстремизму в молодежной среде в Свердловской области». Екатеринбург. 2011. С. 8. [minsport.midural.ru/ tmp_file/ file_4f804cfb89505.pdf](http://minsport.midural.ru/tmp_file/file_4f804cfb89505.pdf) (Дата обращения 29.09. 2012 г.)
3. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 18 – 27.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА II

ДАГЕСТАНЦЫ В ЗЕРКАЛЕ МИГРАЦИЙ: ОСВОЕНИЕ ПРОСТОРОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2.1. ВЫХОДЦЫ ИЗ ДАГЕСТАНА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ТРАНСЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ.

Е.Л.Капустина

*Публикация подготовлена в рамках научного проекта
№ 14-01-00440, поддержанного РГНФ.*

С середины 1960-х и до конца 1980-х миграция являлась основным фактором увеличения численности населения Западной Сибири, с 1993 года после непродолжительного спада приток мигрантов в регион возобновился. В итоге, к примеру, Ханты-Мансийский автономный округ (далее – ХМАО) является на сегодняшний день одним из трех субъектов РФ, где на протяжении всего постсоветского периода фиксируется прирост населения [3, с. 6-7].

Выходцы из кавказского региона, прежде всего, из Азербайджана и Чечни, начали появляться в регионе с самого начала освоения его нефтяных богатств – была необходимость в квалифицированных кадрах в сфере нефтяной промышленности, уже давно существующей в Грозном и Баку. Уже позже появились здесь выходцы из других республик Кавказа, в частности, из Дагестана. Сначала приезжали на работу отдельные люди и семьи. Массовый приезд дагестанцев начался с середины 1990-х годов и усилился в последние 15 лет.

Основными центрами, привлекающими мигрантов из Дагестана в Западную Сибирь, являются такие районы Тюменской области как Ханты-Мансийский (Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск) и Ямало-Ненецкий (Новый Урен-

гой) автономные округа. По данным исследователей из сургутской лаборатории «Современные миграционные процессы и диаспоры» в последние два десятилетия неуклонно растет именно количество мигрантов из Дагестана (к примеру, рост численности мигрантов из Азербайджана в этот период существенно замедлился) (3, с. 98). Можно с уверенностью утверждать, что численность трудовых мигрантов из Дагестана в регионе значительна, хотя подобные подсчеты вести сложно, ведь, к примеру, ФМС занимается, в основном, учетом мигрантов из-за рубежа, внутри-российские миграции для этой структуры не столь релевантны, их учетом занимаются исследователи и местные власти. Также существует значительный разброс в оценках численности приезжих между официальными данными муниципальных образований и лидерами земляческих организаций. Однако при этом можно отметить, что даже на основании противоречивых количественных данных можно отметить, что в некоторых населенных пунктах ХМАО выходцы из Дагестана составляют ощутимый процент населения. Например, в поселке Федоровка около г.Сургута из 22 тысяч жителей около 4000 ногайцев и еще 1000 человек – представителей других народов Дагестана и Азербайджана (данные ногайской диаспоры п.Федоровка).

Чаще всего в ХМАО уезжают жители Северного Дагестана (в этническом отношении это, как правило, кумыки и ногайцы, в меньшей степени русские), также сюда прибывает немало выходцев из Южного (например, лезгины, агулы, табасаранцы) и в меньшей степени Центрального Дагестана (даргинцы, лакцы), главным образом, из равнинных и предгорных районов.

Большой популярностью у трудовых мигрантов пользуются работы, непосредственно связанные с нефтегазовой отраслью (как правило, вахтовый метод работ), однако многие устраиваются и в сферу услуг и торговли, работают на транспорте, в коммунальном хозяйстве, в бюджетных

организациях (детские сады, больницы, школы). Особенностью северной миграции можно назвать большой процент дагестанцев, приехавших сюда с семьей (или перевезших семью позже).

Изучение городского пространства сибирских городов невозможно без обращения пристального внимания на миграционные процессы, которые оказывают огромное влияние на формирование этого пространства, определяют его специфику. С другой стороны, на функционирование социальных институтов современного Дагестана существенным образом влияют стратегии миграций его членов или тех людей, которые с ними связаны. Однако дагестанское общество, равно как и дагестанцы-мигранты в городах других субъектов РФ, как правило, изучаются в рамках разных исследовательских проектов. Тем не менее, для самих мигрантов принимающее и отправляющее сообщества не изолированы друг от друга, по сути, это их единое социальное пространство. Преодолеть эту двойственность на проблему миграции, на мой взгляд, можно при помощи постулатов теорий транснационализма и миграционных сетей, которые и будут задействованы здесь для изучения миграции из Дагестана в города Западной Сибири.

На необходимость изучения мигрантских сообществ, их внутренней организации, при изучении миграционных процессов в городах указывали еще исследователи Чикагской социологической школы [4]. В. Томас, Р. Парк и их коллеги определили, что в городском пространстве способность мигрантских сообществ к консолидации зачастую выше, чем у других горожан, а также отмечали феномен переноса мигрантом в принимающее сообщество многих элементов и нормативов из родного сообщества, стремление поддерживать свой социальный статус не только на новом месте, но и на родине [5, 6, с.109].

Один из самых влиятельных миграционистов последних десятилетий Д. Мессей отмечает в своих работах, что

наиболее эффективными миграционными единицами следует считать не отдельных агентов, но сети, где сеть «включает в сообщества мигрантов тех агентов, которые остались в отправляющих странах, но все еще значимы для идентичностей мигрантов и организации их деятельности в принимающих» [6, с. 107-114].

Одной из первых пристальное внимание на изучение социальных сетей применительно к миграционной тематике обратила М. Бойд. Она отмечала, что изучение социальных сетей, особенно имеющих отношение к семье и домохозяйствам, позволит понять миграцию как социальный продукт – т.е. не только как индивидуальное решение, принятое индивидом-актором, и не только как результат экономических или политических параметров, но больше как следствие взаимодействия всех этих факторов [7, с. 642]. Бойд подчеркивала: тот факт, происходит миграция или нет, а также какие формы принимает она, ее направление, структура и продолжительность – все это обусловлено исторически сформированными социальными, политическими и экономическими структурами как отправляющего, так и принимающего обществ. Однако на решение мигрировать влияет также само существование социальных сетей, а также семья и дружба [7, с. 642-644]. Она также делает важное обобщение, что социальные сети поддерживаются через потоки тех людей, которые мигрируют и переселяются на новое место, и тех, кто возвращается на родину, визиты родственников и друзей в обе стороны, спортивные ассоциации или деревенские праздники, браки между мигрировавшими и живущими на родине, денежные переводы [7, с. 647]. П. Левит в этот список добавляет товары и подарки,двигающиеся в обоих направлениях [8].

В контексте изучения социальных сетей принято говорить об объединении отправляющих и принимающих обществ в единое транснациональное пространство (поскольку большинство исследований касается миграций из

одного национального государства в другое). В рамках данной концепции транснационализм определяется как социальный процесс, в котором мигранты создают социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политическую границы, а транснациональная миграция – как модель миграции, где мигранты, пересекая международные границы и оседая в новой стране, сохраняют социальную связь со страной своего происхождения. Базовые понятия «трансмигрант» и «транснационализм» ввели в научный оборот Н. Глик Шиллер, Л.Баш и К.Бланк-Зантон, подвергнув сомнению тезис, распространенный в классических социологических исследованиях, согласно которому сообщества рассматриваются как локализованные и связанные с локальной культурой, и для того чтобы стать частью принимающего сообщества, мигранты должны приспособляться или ассимилироваться в местную культуру [9, 10]. Согласно этой концепции, (транс)мигранты могут поддерживать изменчивые формы отношений в нескольких местах пребывания, часто активно существуя в двух и более обществах (Zontini 2010: 36). Страна происхождения, принимающая страна и мигранты (включая значимых тех, кто относительно немобилен) составляют тройную социальную структуру [11]. Вводится понятие концепции би- или мультилокальности, где миграция представляется как проект расширения пространства деятельности акторов, а не как простой переход из пункта А в пункт В, а само миграционное пространство, открытое или создаваемое между местами жительства (или местами, где человек часто присутствует), превращается в один из главных исследовательских интересов [12].

Т.Фэйст определяет появление транснациональных родственных групп как одно из трех типов транснационального социального пространства, появившегося вследствие международной миграции [13]. Семейные сети вытягиваются, перестраиваются и активизируются через госу-

дарственные границы, чтобы справиться с экономической неопределенностью и зависимостью [9,с.54].

Следует отметить, что в данной статье речь пойдет не о транснациональном, а о транслокальном сообществе, т.к. термин транснациональный для внутренней миграции в России не вполне применим*.

Дагестанская транслокальность: случай Пыть-Яха (по материалам 2014 года)

Пыть-Ях – небольшой городок на севере ХМАО, население которого по официальным данным на 2014 год составляет 41000 человек. Город приравнен к территориям Крайнего Севера. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года (национальный состав) русское большинство составляет здесь 55,78%, затем идут украинцы – 9,28% и татары – 7,42%. Из дагестанских этнических групп здесь представлены кумыки 5 % (4 место по численности в Пыть-Яхе), лезгины - 1,32 %, ногайцы - 0,74 % (14). Судя по этим данным можно сделать вывод, что выходцы из Дагестана (преимущественно кумыки) в процентном отношении значительно лучше представлены в Пыть-Яхе, нежели, к примеру, в Сургуте и других крупных городах ХМАО. Однако дело здесь скорее в том, что дагестанцы Пыть-Яха, в основном, проживают в городе более 10 или даже 20 лет, активной миграции в последние годы из Дагестана сюда не наблюдается, т.к. местные добывающие компании производство не расширяют, а инфраструктура маленького городка также не предоставляет множества рабочих вакансий мигрантам. Сургут, крупный и развитый город, в гораздо большей степени привлекателен для миграции, поэтому принимает большое количество временных мигрантов последних лет, которые вряд ли попадают в поле зрения переписчиков, особенно учитывая формальный подход к переписи населения в последние годы.

Практически все информанты, с которыми велись беседы, проживали в Пыть-Яхе сравнительно давно: кто-то

приехал в начале или в середине 1980-х, кто-то – в начале 1990-х, а также на рубеже тысячелетия. Мигранты последних 5-10 лет, как правило, приезжают только к близким родственникам. Характерная для севера студенческая миграция, когда молодые люди после окончания школы в Дагестане приезжают учиться в ВУЗах ХМАО, для этого городка не актуальна – ВУЗов здесь нет. Небольшое количество вакантных рабочих мест в местных бюджетных учреждениях (больницы, школы, детские сады) также не способствует стимуляции миграционного ажиотажа.

Некоторая специфика Пыть-Яха состоит в существовании на его территории, так называемых балковых** поселков, имеющих полулегальный статус (стоит отметить, что не только в этом городе сохранились подобные памятники советского освоения Севера). В одном из таких микрорайонов, называемых в народе Вертолетка*** или Вертолетка-аул, удалось провести некоторые наблюдения. Второе шуточное название микрорайона недвусмысленно указывает на его «кавказскую» специфику. Действительно, при въезде на его территорию, кавказский характер Вертолетки сразу бросается в глаза. Можно сразу заметить магазин «Забия», который держит семья из Дагестана, а также единственную в Пыть-Яхе мечеть (сейчас идет строительство мечети в центре города, но оно еще далеко от завершения). По улицам ходят женщины в платках и длинных платьях, характерных для дагестанских сел (хиджаб здесь еще редкость). Слышна кумыкская речь (хотя и не только она): *«Тут выйдешь, на кумыкском заговоришь из десяти девять человек тебя поймут»* (М, ж, 24, кумычка, 2014, Пыть-Ях). На бетонной арке можно прочесть самонадеянное «кумыки – сила» и «05 регион» - надписи, весьма типичные и для дагестанских городских джунглей. Расположенный рядом с Вертолеткой вагончик-кафе помимо привычных для общепита чебуреков, самсы и беляшей предлагает дагестанские пироги «чуду».

Однако, надо отметить, что, несмотря на явный «кавказский» колорит, Вертолетка-аул – интернациональный организм, здесь живут помимо выходцев с Северного и Южного Кавказа татары, русские, украинцы и другие. Тем не менее, именно кавказский и, в частности, дагестанский компонент, по моим наблюдениям, в значительной мере определяет лицо микрорайона.

Внешне дома выглядят более чем скромно, кое-как покрашены и оббиты фанерой, шифером или утеплителем. Неприятный вид домиков, а также общий вид улиц заставляет применить к этому району слово «трущобы». Внутренняя же отделка балков, напротив, превосходит ожидания – большинство из них аккуратно отремонтированы, во многих есть сравнительно новая мебель, современная бытовая техника, а также канализация, свет, отопление, вода. Сразу видно, что люди живут здесь давно и планируют жить еще какое-то длительное время.

На примере историй жизни дагестанцев Пыть-Яха попробуем рассмотреть варианты проявления транслокальных стратегий дагестанского населения небольшого северного города. Моя задача на примере полевых данных показать, как связи между отправляющим и принимающим сообществами не только не рвутся, но и становятся важным элементом функционирования специфической социоэкономической системы, которую можно с некоторой долей допущения назвать транслокальной.

Как правило, выходцы из одного дагестанского села нередко мигрируют в один северный населенный пункт. Пыть-Ях – не исключение. Например, по оценкам информантов, около ста семей приехало сюда из Баташюрта (Хасавюртовский р-н), много здесь выходцев из других сел Хасавюртовского и Бабаюртовского районов. Эта региональная направленность миграции позволяет легче сформировать связи между Дагестаном и Севером через семейно-родственные сети и сети односельчан.

Экономические связи Пыть-Яха с Дагестаном достаточно интенсивные, несмотря на значительные расстояния между ними.

К примеру, в уже упоминавшемся магазине «Забия» на въезде в Вертолетку помимо привычного ассортимента представлены продукты из Дагестана, которые не встретить в других магазинах города. Рядом с кассой висит объявление об отправлении автобусов в республику.

Как правило, дагестанцы, живущие на севере, фактически употребляют в пищу лишь мясо, которое привезено из республики. Мясо или бесплатно присылают им родственники, или же оно покупается у земляков. Как правило, кто-то из родственников мигрантов держит скот в родном селе, привозят его на реализацию в ХМАО в трейлерах или газелях.

Еще некоторое время назад мебель, посуда, товары для дома (особенно в качестве приданого невесты на свадьбу) привозилось из Дагестана, в частности, из Хасавюрта, знаменитого своими рынками. При этом использовалась контейнерная перевозка****. Именно поэтому в балках Вертолетки и смог сохраниться «дагестанский» стиль в интерьере, что сразу бросается в глаз исследователю, знакомому с внутренним убранством домов в республике.

Исламская женская одежда, в последнее время пользующаяся большим спросом в республике, в Пыть-Яхе не продается. Те женщины, которые в ней нуждаются, предпочитают делать заказы в интернет-магазинах или же покупают ее во время визитов в Дагестан.

Транспорт – автобусы, трейлеры и газели – важный элемент трансмиграционной системы, эритроциты этой кровеносной системы. Во-первых, он обеспечивает относительно доступную перевозку дагестанцев из республики в Пыть-Ях и обратно (проезд на поезде и тем более на самолете обходится дороже). Во-вторых, так происходит перевозка различных грузов – товары из Сибири (нередко это

техника), товары из Дагестана (мясо, овощи и фрукты, мебель и т.д.). Перевозят из Сибири в республику также умерших, которых везут хоронить в родные села (об этом ниже). В третьих маршрутки и грузовики - это дополнительные рабочие места для мигрантов, не нашедших более выгодного места работы и таким образом становящихся самыми типичными представителями трансмигрантов, в прямом смысле живущими на два дома, расположенных друг от друга на расстоянии 3,5 тысяч километров. Также, несмотря на большие расстояния между Пыть-Яхом и Дагестаном, нередко дагестанцы предпочитают ездить на малую родину на собственных автомобилях.

Примечательно, что на протяжении всего пути между Дагестаном и северными городами дагестанцы предпочитают питаться в придорожных кафе, которые также содержат земляки. Ассортимент блюд там типично дагестанский (хинкал, курзе, чуду и т.п.) - еще один признак актуальности транслокального образа жизни.

Трансмигранты используют обе территории так полно, что в случае необходимости могут обеспечить членам своего сообщества (как правило, семьи) безопасность. К примеру, если на севере у кого-то возникли проблемы с законом или с криминальными структурами, то он может скрыться в Дагестане и переждать опасный момент. И наоборот, рассказывали случаи, когда родители отправляли своих сыновей в Пыть-Ях из республики, когда им казалось, что в республике их детям по разным причинам находиться небезопасно.

Интересно, что, несмотря на то, что рабочие места - основное, что привлекает мигрантов из Дагестана в городах ХМАО, случается порок и обратное движение «трудовых резервов». Например, одна информантка хотела отправить сына, прожившего большую часть жизни на севере, сельским фельдшером в родной район Дагестана, «чтоб хоть кто-то дома был», однако это не получилось.

На жизнь «на два дома» провоцируют людей и неустойчивость социальной жизни в республике, в том числе невозможность законным образом получить право на положенные гражданам льготы. К примеру, если в Дагестане для получения группы инвалидности у больного могут потребовать взятку, то его семья порой решает перевезти его к родне на север, где и оформляет необходимые бумаги по инвалидности на законных основаниях. Вообще среди дагестанцев существуют (небезосновательные) представления, что в ХМАО медицина функционирует намного лучше, поэтому практика привоза и регистрации больных родственников в северных городах с целью получения квалифицированной помощи в стационарах – не редкость.

Транслокальная сущность дагестанской миграции оказывает влияние не только на жизнь дагестанцев в сибирских городах, но и моделирует жизнь оставшихся на родине родственников и односельчан. К примеру, приезжающие с севера дагестанцы влияют на оживление торговли в своих родных селениях. Большие для Дагестана деньги, привозимые мигрантами, нередко тратятся в районных магазинах, кафе и других местах досуга, таким образом, развивая товарную экономику всего района. Неудивительно, что возвращения земляков из Сибири ожидают многие торговцы и хозяева кафе в округе.

«Когда приезжаешь в село к себе, все радуются. Говорят: “У меня брат с Сибири приехал!”. Хозяин магазина говорит: “Когда вы приезжаете, у меня годовой план по наличным выполняется за месяц ваших отпусков”. Там же до этого все деньги в кредит, по записи. А я с живыми деньгами приехал. А без нас по списку у него есть деньги, а нала нету» (Д, м, 28, 2011 г., Сургут).

Северяне и их финансовые ресурсы также могут влиять на ценообразование в селениях – и недвижимость, и услуги, и ритуалы становятся для сельчан намного дороже. Такая инфляция тесно связана с особенностями престижного потребления в сельском дагестанском обществе. Это отмечает и А. Ярлыкапов: «С одной стороны, миграция оп-

ределенной части экономически активных граждан не способствует быстрому выходу из кризиса экономически депрессивных регионов на Северном Кавказе. С другой стороны, мигранты привозят с собой на родину «живые» деньги, невольно вызывая рост жилищного строительства, развитие мелкого бизнеса и торговли, робких ростков фермерства и т.д. Миграций способствует подъему общего благосостояния граждан в традиционных местах их проживания, работает на выравнивание уровня жизни по стране. В этом смысле миграция, вызванная новым нефтяным бумом, представляет собой несомненное благо как на региональном, так и на общероссийском уровне [15, с.81].

Транслокальность дагестанцев проявляется не только в экономических контактах, но и в сфере социального, например, при организации свадеб и похоронных мероприятий.

Традиционно в дагестанских семьях играют две отдельные свадьбы, одна - стороной жениха, другая - стороной невесты. В условиях проживания на севере от этой традиции, как правило, также не отказываются. Однако могут играть как обе свадьбы в Пыть-Яхе или обе в Дагестане, так и транслокально - одну в Пыть-яхе, другую в Дагестане. В данном случае решение место проведения торжеств зависит от того, где проживает больше родственников каждой из сторон. Не столь распространенная, но все же встречающаяся в сообществе практика кражи невесты (чаще всего, по предварительному сговору), также порой носит транслокальный характер. Информанты описывали случаи, когда невесту украли в Хасавюртовском районе и увозили на север, где игралась свадьба. Информанты упоминали и про противоположные случаи.

Похороны - это тот момент, когда транслокальность живущих на севере дагестанцев проявляется ярче всего. Информантка из Пыть-Яха, живущая там 18 лет, вспомнила лишь один случай в среде ее родных и знакомых, когда по-

койного дагестанца похоронили на местном кладбище – это был младенец, умерший сразу после рождения (и хотя все знают, где его могила, ее никто не посещает). Остальных покойников всегда увозят хоронить в Дагестан, несмотря на сложность перевозки тела и степень финансовых затрат.

Около 10 лет назад дагестанцы Вертолетки собрали деньги на покупку газели, которая предназначалась для перевозки умерших в Дагестан для захоронения там. Значительную сумму дал местный предприниматель-дагестанец. Когда она ломалась, земляки сбрасывались на ремонт. Когда появляется необходимость, родственники покойного только оплачивают бензин в дороге, водители тоже, как правило, из родственников. Однако когда машина находится в ремонте, дагестанцы пользуются услугами автобусов, курсирующих между Пыть-Яхом и Дагестаном (перевозка тела на 2014 год стоит около 40-60 тысяч рублей).

Имам местной мечети сам родом из Дагестана – его пригласили на эту должность около 10 лет назад. На сегодняшний день он является единственным имамом-дагестанцем в ХМАО. Примечательно, что он же в течение нескольких лет являлся муниципальным депутатом, представляя интересы жителей Вертолетки, совмещая роли духовного и политического лидера. Это, а также организованное при мечети медресе, где и взрослые, и дети обучаются чтению Корана и основам ислама, делают мечеть одним из значимых символических центров не только для дагестанцев (и шире – мусульман) самой Вертолетки, но и всего Пыть-Яха.

Существуют в Пыть-Яхе и светские центры, так или иначе связанные с Дагестаном. К примеру, двое выходцев из республики, муж и жена, в прошлом профессиональные танцоры, оказавшись на севере и поработав несколько лет в нефтяной сфере, решили создать танцевальный ансамбль кавказских танцев и назвали его «Юность Кавказа» (в ос-

новном, они ставят дагестанские танцы, кроме этого есть еще осетинский). Земляки активно откликнулись на эту инициативу, многие поддержали ансамбль финансово. Сейчас «Юность Кавказа» пользуется большой популярностью в Пыть-Яхе, многие дагестанцы с Вертолетки и из других районов города мечтают отдать туда своих детей, а выступления этого молодого коллектива собирают полные залы местных ДК, коллектив участвует в танцевальных конкурсах в пределах ХМАО. Помимо этого ребята танцуют на местных дагестанских свадьбах (это еще и хороший заработок – восхищенные мастерством детей гости обычно кидают танцорам немаленькие деньги). Костюмы танцорам шьет женщина из Пыть-Яха, а папахи и сапоги привозят из Дагестана.

Говоря о транслокальности многих дагестанских семей, следует уделить внимание такому явлению как возвратная миграция. С середины XX века исходный пункт миграции активно начинает появляться в исследованиях «не только как культурная память мигранта, артикулированная в интервью и способствующая возникновению ограниченной солидарности, но как место, куда регулярно возвращаются» [6, с. 114]. Важным становится не только сам процесс движения, переселения, но и то, что окончанием этого процесса является именно возвращение. Подобную стратегию исследователи миграции и диаспор называют «мифом о возвращении» [16]. Она характерна для мигрантов, уезжающих из родных мест, прежде всего, по экономическим соображениям. Однако для большинства моих информантов возвращение скорее не мечта, а вполне реальная задача.

Здесь стоит упомянуть еще об одном факторе – факторе дискриминационном. Небольшой город Пыть-Ях, где нефтедобывающая компания в последнее время переживает нелегкий период, как уже отмечалось, не предоставляет такого значительного числа вакантных рабочих мест как

Сургут или Нижневартовск. Поэтому проблема дискриминации по этническому признаку при приеме на работу здесь переживается острее. «Почти невозможно устроиться в милицию, прокуратуру, МЧС, налоговую инспекцию, в любые спецслужбы даже при наличии соответствующей подтвержденной квалификации... Из-за дискриминации многие выходцы с Северного Кавказа идут работать в менее оплачиваемые сферы образования и здравоохранения» (Соколов). Одна из информантов жалуется на невозможность устроить сына в медицинское учреждение на работу по специальности, хотя подобные вакансии, по ее словам, в городе есть (она сама работает в больнице): *«Против этого механизма нет, да что там далеко ходить, у меня сын фельдшер, на "Скорую помощь" не можем устроить, в год три раза ходил он, потом ушел помбуром****, работает помбуром с дипломом фельдшера... (к медицине) даже близко не подойти!»* (Р, ж, 54, кумычка, 2014, Пыть-Ях). В нефтяной сфере у дагестанцев также мало шансов получить высокие должности: *«Там наших точно не берут, я знаю. Мне самому так негласно, устно сказали, потому что кто скажет гласно, нерусских не брать, сказали свыше, устно: нерусских не брать»* (Э, м, 29, кумык, 2014, Пыть-Ях).

Существуют у жителей Вертолетки глобальные нерешенные проблемы из-за сложностей с оформлением участков и домов в собственность, в результате чего этот балковый поселок постоянно находится под угрозой сноса. Далеко не у всех здесь есть прописка, в основном, ее успели оформить те, кто жил в Вертолетке до начала 1990-х годов. Но уже их родственники прописаться здесь не могут, да и прописка не гарантирует людям право на собственность и не застраховывает их от принудительного выселения. Этот фактор тоже, хотя и косвенно, но играет в пользу транслочальности местных дагестанцев, чья неуверенность в завтрашнем дне в Пыть-Яхе заставляет их лишний раз обращать взоры в сторону малой родины.

В итоге, северный регион при всей своей привлекательности все равно чаще всего рассматривается многими выходцами из Дагестана как временное пристанище. При этом в интервью информанты нередко употребляли выражение «на земле», ставшее синонимом родного селения, района и Дагестана в целом. Под словом «земля» подразумевается именно *своя* земля – земля в Дагестане. И хотя порой Север становится для дагестанских мигрантов настоящим домом, хотя они могут отмечать сложность адаптации в Дагестане после стольких лет жизни в Сибири, большинство информантов, в том числе давно живущих на севере, декларировали желание вернуться когда-нибудь «на землю». Кто-то планировал сделать это через несколько лет, как только заработает необходимую сумму денег, кто-то под старость – но все равно вернуться. Порой семьи совершают попытку перебраться обратно в Дагестан, но через некоторое время возвращаются обратно – как правило, столкнувшись с невозможностью найти работу, а также отмечая, что все актуальные для них социальные связи остались в Сибири.

Трансмигранты стараются всегда выстроить на родине дом, даже если его строительство обходится им слишком дорого, а планы на переезд на «землю» весьма туманны. В качестве примера хочется привести отрывок из интервью:

Соб. - Но у вас там участок есть?

Р - «Да, там у нас план есть у дочери, у сына дом есть, который заканчиваем.»

Соб. - «Все - таки Вы дома строитесь?»

Р - «Дома строим. Если мы умрем, все равно же надо отвезти куда - то».

Соб. - «Но там дом не нужен совсем».

Соб. - «Не нужен, но все - таки» (Р, ж, 54, кумычка, 2014, Пыть-Ях).

Таким образом, человек, долго работавший на Севере, вырастивший там своих детей и проведший там самые активные годы своей жизни, тем не менее, организовывает у

себя в селении условия для возвращения и включения его семьи в местную социальную жизнь, несмотря на то, что «на два места жить очень тяжело» (Р, ж, 54, кумычка, 2014, Пыть-Ях).

Важно отметить, что построение минимальных условий для жизни в Дагестане для северных мигрантов, особенно постсоветской волны, не только показатель приверженности малой родине и сохраненным социальным и семейным связям. Отчасти виной тому существование дискриминации по отношению к выходцам с Северного Кавказа. Как уже было отмечено, основной проблемой становятся трудности с трудоустройством, а также агрессивная дискриминационная риторика, существующая как в прессе, так и в общественном дискурсе. Ксенофобия в обществе причудливо переплетается с официальными мероприятиями по поддержанию толерантности в обществе – этническими фестивалями и комиссиями различных уровней. Причем нередко именно подобные мероприятия становятся аренами для очередного конфликта, формулируемого в этнических терминах.

Подобные причины возникновения стратегий возвращения мигрантов отмечались многими исследователями. К. Бреттел и Д. Холифилд писали, что «возвратная миграция часто связана с проявлениями расизма и дискриминации» [16, с. 100]. Р. Парк видел основную причину в появлении эффективного сообщества и сильной внутренней солидарности мигрантских групп, прежде всего, в наличии негативного давления извне со стороны принимающего общества [4, с.18].

Рассмотренный пример Пыть-Яха не дает нам возможности назвать дагестанцев, проживающих здесь, закрытым сообществом, изолированным от остального населения города. Удаленность отправляющего региона не способствует частым и регулярным поездкам его членов «на землю», смешанный характер населения региона немного сглажи-

вает дискриминационные тенденции, а длительный характер проживания на севере определяет большую степень включенности выходцев из республики в местную жизнь. Тем не менее, даже в этих условиях дагестанское сообщество имеет четкую тенденцию к консолидации на разных уровнях (экономическом, социальном, культурном, религиозном) и сохранению своего единства, а также старается эффективно использовать ресурсы этого единства. По словам Р. Уолдингера, неформальные отношения на базе социальных сетей являются одним из важнейших факторов, определяющих образ жизни мигрантских сообществ, а также составляют основное преимущество мигрантов перед местным большинством в сфере экономики [17, 18]. В этих условиях формирование эффективного сообщества мигрантов из Дагестана, имеющего к тому же транслокальную специфику, помогает его членам увереннее чувствовать себя в городах западносибирского региона.

Примечание:

* Подробнее о термине «транслокальность» см. (Кайзер 2004).

** Балок – небольшой домик-временка, изначально так называли цистерны, переоборудованные под жилые дома для рабочих.

*** По словам информантов, название появилось от находившейся неподалеку вертолетной площадки

**** Недавно цена на нее значительно возросла, мебель начали возить гораздо реже.

***** Помощник бурильщика, считается самой тяжелой работой в бригаде нефтяников

Библиография:

1. Полевые материалы автора, собранные в г. Сургут в 2011 году
2. ПМА г. Пыть-Ях в 2014 году.
3. Тен В.А, Делицой А.И., Шкаревский Д.Н., Авимская М.А., Телегина Т.С., Токтонова К.О., Арсланов Р.С., Фабушева К.В. Эволюция этнокультурного облика Югры в конце XX – начале XXI века (на материале Сургутского региона). Сургут, 2007.
4. Парк Р. Организация сообщества и романтический характер // Социологическое обозрение. 2002. Т.2. № 3. С.13-18.
5. Thomas W.I., Park R.E., Miller H.A. Old world traits transplanted. Montclair, N.J. 1971.
6. Сафонова М.А. Концепции функционирования мигрантских сообществ в американской социологии // Социологические исследования. 2012, №5. С.106-116.

7. Boyd M. Family and personal networks in international migration: recent developments and new agendas // *International Migration Review*, 1989, Vol. 23, No. 3. P.638-670.
8. Levitt P. *Transnational villagers*. Berkeley, California, University of California Press, 2001.
9. Glick Schiller N., Bash L., Szanton-Blanc C. *Towards a transnational perspective on migration*. New York, 1992.
10. Блинова 2008 – Блинова М.С. *Современные социологические теории миграции населения*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2008.
11. *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods*. By Rainer Bauböck (Editor), Thomas Faist (Editor), Amsterdam University Press, 2010.
12. Faist T. Transnationalization in International Migration: Implications for the Study of Citizenship and Culture / *Ethnic and Racial Studies*, 23(2). P.189-222.
13. Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // *Миграция и национальное государство*. СПб., 2004. [электронный ресурс]// сайт Академия/ URL:<http://www.academia.edu/1394714/>. Время доступа – 20.09.2014
14. Пыть-Ях. [электронный ресурс]// сайт Википедия./ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%8B%D1%82%D1%8C-%D0%AF%D1%85>. Время доступа – 20.09.2014
15. Ярлыкапов А.А. Нефть и миграция ногайцев на Север // *Этнографическое обозрение*. 2008, №3. С.78-81.
16. Anwar M. *The Myth of Return: Pakistanis in Britain*. L.,1979.
17. *Migration Theory. Talking across disciplines* / Edited by C. B. Brettell and J. F. Hollifield. Routledge, New York and London. 2000.
18. Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A.i, Pellegrino A., Taylor J. E. *Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Oxford: Clarendon Press, 2005.
19. Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // *Экономическая социология*. 2002, № 2, Т. 3. С.74-81. [электронный ресурс]// сайт Центра независимых социологических исследований / URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_bred.htm . Время доступа – 20.09.2014
20. Соколов Д. Роль «Совести» в нефтегазовой политике.[электронный ресурс]// сайт Кавполит.ру/ URL: http://kavpolit.com/articles/rol_sovesti_v_neftegazovoj_politike-7452/. Время доступа – 20.09.2014.
21. Zontini E. *Transnational families, migration and gender. Moroccan and Filipino Women in Bologna and Barcelona*. New York, Oxford, 2010.

2.2. МИГРАЦИЯ РУССКИХ КИЗЛЯРЩИНЫ В РЕГИОНЫ ЮГА РОССИИ: ПРИЧИНЫ, МЕХАНИЗМ, ОСОБЕННОСТИ

Ю.М. Лысенко

В настоящее время одной из многочисленных социально-политических проблем в республике Дагестан, является продолжающийся отток русского населения. На протяжении более двух десятилетий «русский вопрос», как в ряде других регионов страны, так и в Дагестане по-прежнему стоит достаточно остро. Проблемам русского и русскоязычного населения посвящено достаточно много научных работ и публикаций в СМИ. Самыми «русскими районами» в Дагестане являлись и являются Кизлярский и Тарумовский, а городом – Кизляр. Нам хотелось бы охарактеризовать миграцию русских, проживавших на территории Кизлярщины* в регионы юга Российской Федерации.

Русские**, проживавшие и проживающие в Кизляре, Кизлярском и Тарумовском районах выезжают в основном в ближайшие регионы юга России: Ставропольский и Краснодарские края, Ростовскую и Астраханскую области, а также в другие города и области Российской Федерации. В первую очередь, это связано с географической близостью, которая позволяет быстрее доехать в места вселения и сократить транспортные расходы на переезд. Во-вторых: играет роль похожий теплый климат, схожие погодные условия. В-третьих, влияет более близкое ментально и психологически местное население, которое переселенцы воспринимают как "южан", "казаков" и т.д.

В регионах лежащих, севернее Южного Федерального округа, климат более холодный, что воспринимается "кизлярцами", как значимый минус, так как в низовьях Терека сложилась ярко выраженная культура «огородничества-виноградарства», когда люди считают важным заниматься садоводством и огородничеством. А регионы Центральной России воспринимаются ими в шутливой форме, как "стра-

на вечнозеленых помидор", ввиду неблагоприятных условий для выращивания многих сельскохозяйственных культур.

Вторая названная нами причина, кроется, по мнению жителей Кизлярщины в отличии их поведенческих стереотипов, традиций, культуры общения и пр. от населения Перми, Самары и пр. Часть населения Кизлярщины, составляют терские казаки, их потомки и те, кто относит себя к ним, у них до сих пор в остаточной форме присутствует противопоставление себя жителям средней полосы, несколько пренебрежительное отношение к ним, как "лапотникам", то есть людям менее культурным, чем казаки. Конечно, такие умонастроения минимальны, но они есть, поэтому мы посчитали нужным их отметить, так как они тоже влияют на решение переселиться именно в те края и области, где сильны казачьи традиции.

Отъезд русских из Дагестана в целом, и Кизляра, Кизлярского, Тарумовского районов принимает характер массовых миграций уже с середины 80-х гг. XX в. Политика переселения жителей горных районов ДАССР в равнинные районы, повлекла за собой масштабные трансформации, как в сфере земельных отношений, так и национальной, психологической сфере.[2, с. 139] Она привела к усилению, как внутриреспубликанской миграции: горы-равнины, так и межрегиональной: равнина – соседние области и края. Если в первом случае, аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы переезжали в плоскостные районы Дагестана, то, жившие там русские выезжали за пределы республики.

Данные переписей населения 1979 г., 1989 г., 2002 г., 2010 г., отражавшие этно-демографические изменения, показывают, что в этих районах появилось целый ряд новых национальностей. В первую очередь, это представители аварской, даргинской, лезгинской, табасаранской, лакской национальностей, которые в совокупности к концу XX в. составляли более половины проживающих в плоскостных

районах республики в целом, и в северной ее части, в частности.[4, с.13, 14] Уже в 1970 г. в Кизлярском районе аварцы составляли 10,5% от общего числа населения, а в 2002 г. – почти 40%, даргинцы: 4,9 % и 17,5 %, русские соответственно 65,2% и 19,0%. В Тарумовском районе в 1970 г. аварцы составляли 6,1 % об общего числа населения, а в 2002 г. – 31,2 %, даргинцы соответственно: 4,9 % в 1970 г. и в 2002 г. – 21,6 %. Русское население за этот же период в названных районах сократилось, в частности, в Кизлярском районе с 65,2 % в 1970 г., до 19 % в 2002 г., в Тарумовском районе с 66,9 % в 1970 г., до 25 % в 2002 г. [1, с. 131-132] Результаты переписей показывают значительные изменения, связанные с активной миграцией русских из региона, и горцев из горных в равнинные районы.

Изначально в этом не видели проблемы ни сами люди, ни органы государственной власти, миграция была достаточно «тихой» и воспринималась, как естественное желание людей жить более комфортно. Так как, районам северной части Дагестана не хватало «внимания», финансовой и организационной поддержки руководства ДАССР. Инфраструктура северных районов Дагестана, позднее остальных районов, включенных в состав республики, не была должным образом развита и во многом уступала даже соседним сельским районам Чечено-Ингушской АССР и Ставропольского края.

Уже в 80-е гг. XX в. начинают формироваться ареалы, куда мигрируют русские Кизлярщины, это: Астрахань и Астраханская область, Ставропольский край – ст. Марьинская, г. Георгиевск, г. Ессентуки, Арзгирский, Минераловодский, Буденновский районы и др., Краснодарский край – г. Армавир и район, Тимашовский район и др., Ростовская область – г. Сальск, г. Азов, г. Аксай и их сельские районы.

Стоит отметить, что в 80-е - начале 90-х гг. XX в. популярным миграционным направлением у славян Кизляр-

щины была Украина. На тот момент союзная республика отличалась высоким уровнем экономического, культурного развития, развитой инфраструктурой, хорошим климатом. Не последнюю, наверное, роль играло и то, что немалую часть «русских» в Дагестане составляли этнические украинцы, потомки переселенцев из Украины конца XIX - начала XX в. У многих там проживали родственники, помогавшие обосноваться переезжавшим.

Стоит отметить, что миграционное поведение русских Кизлярщины имеет много сходных черт с миграционным поведением кавказцев/дагестанцев. Так, зачастую переезжает одна семья, в какой-либо, понравившийся город/село, если условия жизни семью устраивают: есть работа, развита инфраструктура, цены на жилье приемлемые, то этот город/село получает положительные характеристики от переселенцев в письмах (в 80-90-е гг. Тарумовский район был практически не телефонизирован, чуть лучше обстояло дело в Кизлярском районе и г. Кизляре), а на сегодняшний момент в телефонных разговорах, или во время личного общения, когда переселенцы приезжают на Родину. Приезжали они либо за какими-либо документами, или в «гости» к родственникам и друзьям, или во время приезда на религиозный праздник – Пасху и в день поминовения усопших, следующим вслед за Пасхой, в просторечии – «родительская/ие». В эти дни, традиционно, православные христиане посещают церковь, кладбища, наводят порядок на могилах родственников, устраивают совместные трапезы и пр. С начала 90-х гг., когда миграционные процессы усиливаются, такие встречи и общение бывших односельчан/горожан помогают определиться с местом вселения жителям рассматриваемого региона. Если новое место (село/город) нравится, то вслед за уехавшей семьей переезжают их родственники, кумовья, соседи, друзья, коллеги.

Подобная практика облегчает процесс переезда, так как новым мигрантам: 1) есть у кого «остановиться» (пожить определенное время) в период подготовки к переезду, чтобы найти подходящую работу, жильё, школу, детский сад; 2) до переезда «земляки» подбирают приемлемые варианты жилья и работы и сообщают об этом потенциальным мигрантам; 3) помогают советами, что очень важно; 4) поддерживают морально и материально, на «первых порах» после переезда.

Переселенцы из одного села, района, города, по возможности стараются селиться (покупать дома/квартиры) поблизости, чтобы облегчить общение друг с другом. Они образуют своего рода землячества, сохраняя близкие отношения, помогая друг другу, отмечая совместно праздники, поддерживая в горестных событиях. Переселенцы также поддерживали отношения с оставшимися на их Родине сельчанами/горожанами, часто по их просьбе они узнавали об имеющихся вакансиях на новом месте жительства.

Помимо таких «групповых» переездов в регионы Юга России, естественно осуществлялся и индивидуальный переезд отдельными семьями и в эти регионы и другие части страны, в столицы: Москву, Санкт-Петербург, за рубеж, но гораздо реже.

Также надо отметить, что в отличие от жителей городов - Махачкалы, Каспийска, Дербента, стремящихся переселиться в города, русские Кизлярщины, в основном, переезжают в сельскую местность: станицы, села, хутора, или же небольшие города - районные центры. Связано это в первую очередь с ценами на жильё, часто оно дороже, чем в Дагестане, поэтому переселенцы выбирают «бюджетные» варианты, а также переселение в привычную - сельскую среду помогает психологически легче пережить сложный жизненный период.

Стоит отметить, что в 90-е гг. XX в. выезжали в основном молодые и мобильные, образованные и квалифициро-

ванные специалисты. Произошло старение общины и существенное снижение профессиональной квалификации оставшихся русских. Процесс приватизации, который повсеместно в России усугубил расслоение населения, на Северном Кавказе приобрел характерную черту: дифференциации населения по уровню материальных доходов практически совпала с этнической дифференциацией. Русских «отсекли» от престижных сфер занятости.

В 90-е гг. XX века усилилась миграция в регионы юга России молодежи. По окончании школы большая часть русских абитуриентов отправляется на учебу не в учебные заведения Махачкалы, а в училища, колледжи, техникумы, ВУЗы Ставрополя, Астрахани, Пятигорска, Краснодара и др. городов. В условиях коммерциализации образования – русская молодежь в республике отсекалась от престижных направлений профессиональной подготовки. Уезжая на обучение в края и области Юга России, русская молодежь, в большинстве своем, не возвращается на Кизлярщину, или возвращаются единицы. Большая же часть из них остается в тех же городах, где получили образование, стремясь получить работу, снять или купить жилье, а также создавать семьи с местными жителями. Родители же, помогая своим детям, выражают желание впоследствии переехать к ним, ориентируя их на жизнь там.

Переезд трудоспособной молодежи еще больше обостряет проблему оттока русского населения, так как оставшаяся часть русских стремительно «стареет» и, несомненно, в конечном итоге все это ведет к депопуляции общины. Несколько снизился отток молодых русских, после открытия целого ряда филиалов высших учебных заведений в г. Кизляр, тогда многие абитуриенты стали получать образование именно в них, кроме тех, кто стремился получить высшее медицинское образование и достаточно узкие специальности. После введения ЕГЭ, многие абитуриенты получили возможность поступления во всех городах Россий-

ской Федерации, что повлекло за собой опять-таки отъезд многих наиболее грамотных абитуриентов. Здесь, можно отметить, что этот процесс характерен и для всего Дагестана.

Одним из главных факторов оттока и естественной убыли русских являлись вопросы социально-экономического благополучия – трудовой занятости, обеспеченности жильем, социальной защищенности престарелых, возможность получения среднего и высшего профессионального образования для молодежи, влияет и неспокойная обстановка, связанная с происходящими на территории террористическими актами, а также не всегда благоприятный психологический климат, в котором оказались жители Северного региона Республики Дагестан.

Таким образом, наряду с экономическими обстоятельствами, регион отличается нестабильностью в межнациональной и религиозной сферах, распространением идей религиозного экстремизма, многочисленными террористическими актами на территории республики, в том числе и Кизлярского района, захватом заложников, в частности Кизлярской горбольницы и т.д.

Позволим себе привести слова информаторов переехавших из Кизлярского и Тарумовского районов в разные годы в Ставропольский край, с разрывом примерно в 10 лет, о причинах отъезда. Одна из жительниц с. Вперед Кизлярского района в 1990 г. вместе с мужем и двумя детьми переехала в одно из сел Минераловодского района Ставропольского края. Она отмечает, что «уезжали, так как шел наплыв аварцев-переселенцев, которых стало очень много. До этого, кто переехал спокойные были, мы с ними дружили, теплые отношения были, а эти, как приехали – злые, грубые, говорили: «Уезжайте в Россию», ну мы и поехали».

Другой информатор, бывшей житель Тарумовского района, о причинах отъезда в 2001 г. говорил: «резко увели-

чившееся число переселенцев из горных районов республики привело к замещению населения, в селе русские остались в меньшинстве. В атмосфере села чувствовалось напряжение и мысль: «Надо уезжать, надо уезжать». Потихоньку уезжали люди, и как-бы тянули за собой остальных. Также в нашем селе основались ваххабиты, построили мечеть, что тоже не способствовало сохранению мирного климата. Наши новые соседи говорили: «Мы в Дагестане живем, это наша земля, а вы русские езжайте в Россию». Распускались слухи об отделении Дагестана от РФ, введении шариата и пр. Но последней каплей стали события 1999 года, когда были закрыты все учреждения, нам раздали трудовые книжки, сказали уезжать, кто куда может, мы жили в страхе, и мне не хотелось пережить его вновь. Я подыскивала место, куда можно переехать, ездила к бывшей коллеге в Краснодарский край, узнавала о работе в Ростовской области. В конечном итоге, мы уехали в село Благодарненского района Ставропольского края, где жили дальние родственники, которые помогли нам, и живем там до сих пор».

Другой информатор из с. Кочубей Тарумовского района сообщает о причинах отъезда в г. Георгиевск Ставропольского края в 2012 г.: «отсутствие перспектив для детей и для себя, затрудненная их этническая идентификация, невозможность (скованность) при проявлении своей религиозной принадлежности (ношение открыто нательного креста и пр.). Хотя у меня очень много друзей дагестанцев, но в душе появился какой-то страх за будущность свою и детей. В Георгиевск переехала, потому что понравился город, да и находится от близко от г. Пятигорска, где я в свое время получила профессиональное образование, и где остались однокурсники, друзья».

Информаторы отмечали, что, несмотря на то, что уезжали они достаточно недалеко, адаптация к новым условиям проживания происходила не всегда гладко: «люди здесь

по характеру, традициям, конечно, отличаются, и я до сих пор еще себя не воспринимаю как своя, оцениваю их поступки со стороны», «здесь люди гордые, указывают на то, что «приезжие», относятся свысока» и т.д. и т.п.

Кстати в регионах юга России проживает достаточно большое число русских, вынужденных покинуть в 90-е гг. XX в. Чеченскую Республику, «дагестанские русские» и «чеченские русские» ощущают свою близость и родственность, относятся к другу с большей теплотой.

Проведенные Информационно-аналитическим центром Народного Собрания РД в г. Кизляре в 2000 г. социологические исследования показали, что в большинстве случаев выезды русских носят вынужденный характер. 40% отметили ухудшение межнациональных отношений. 90% считали, что отношение к русским ухудшилось и, с другой стороны, у 48% русских ухудшилось оценки людей кавказских национальностей. Среди 12 высказанных в процессе опроса причин оттока русского населения на первом месте был – разгул преступности (97% опрошенных), 30% опасаются, что Дагестан может выйти из России, 28% свидетельствуют о притеснениях, оскорблениях детей в школе, на улице по национальному признаку.[4, с.178]

Появление новых этнических единиц на национальной карте «севера» республики, новых сел, исчезновение из ряда населенных пунктов русских, массовые миграции в другие регионы страны в поисках работы и стабильности, недовольство раздачей и продажей земли, невозможность в полной мере реализации у себя на родине, слабое представительство в органах власти приводит к возникновению этносоциальной напряженности, возникновению конфликтных ситуаций, напряженности, появлению упаднических настроений среди коренных жителей региона.

Коренное население рассматриваемого региона Дагестана, вынужденное, в силу исторических обстоятельств, жить в своеобразной социальной и этнической изоляции,

чувствует себя незащищенным. За последние несколько десятилетий существенно изменилась этносоциальная ситуация в регионе. Продолжается сокращение доли русских в элитных группах. Затрудненность вертикальной мобильности, асимметрия в развитии культуры, понижение их этнического статуса – это причины, ослабляющие этническую социализацию русских. Следует отметить слабое этническое самосознание русской молодежи, которая в меньшей степени, чем дагестанская интересуется своей историей, традициями, обычаями и культурой. [5, с. 78]

В средствах массовой информации, часто встречается информация о русских реэмигрантах, об этом же говорят представители органов республиканской власти. У нас нет четкой статистики, позволяющей делать выводы, но в частных беседах с жителями Кизлярщины, нам удалось выявить две семьи родных братьев «возвращенцев», они отмечали, что уехали, не обдумав и не «подготовив почву» для переезда, то есть не найдя заранее работу и подходящее жилье, движимые желанием увезти из Дагестана семьи. Однако, не смогли обустроиться на новом месте и вернулись обратно, выкупив свои дома в с. Малая Арешевка Кизлярского района. Притом, что позднее один из братьев купил дом в одном из сел Ставропольского края, собираясь переехать туда в ближайшем будущем.

О покупке недвижимости в городах и селах регионов юга России, стоит написать отдельно. Так, даже та часть русских, которая в ближне- и средне срочной перспективе не собирается покидать Кизлярщину, ввиду наличия хорошо оплачиваемой работы и продвижения по карьерной лестнице (в основном работники государственного и муниципального аппарата, бюджетного сектора, «Газпрома», а также бизнесмены), но имеющих излишки денежных средств, стремятся к покупке недвижимости в Ставропольском крае и Южном Федеральном округе. Как объясняют информаторы, покупки совершались ими, возможно для

детей, когда те уедут учиться, или «для себя», для переезда после выхода на пенсию, а также – «на всякий случай», чтобы в случае давления на них, или ухудшения положения в республике, была возможность быстро выехать уже в свой дом/квартиру.

Отметим, что большая часть русских, относящихся к категории наиболее молодой и трудоспособной, мобильной, проживающей в селе, покинула Кизлярщину в 90-е гг. XX в. – и начале 2000-х гг. и на сегодняшний момент, уже не наблюдается масштабной миграции. Тем не менее, в северном регионе РД многие оставшиеся семьи русских имеют в разной срочности планах переезд в другие регионы РФ.

Согласно данным опроса, не собирается переезжать та часть русских: 1) которая имеет постоянную и хорошо оплачиваемую работу, и не надеется получить ее в местах переезда, 2) те, кто находится в предпенсионном возрасте и сомневается в устройстве на работу по специальности 3) русские, состоящие в браке с представителями дагестанских национальностей, 4) те, кому некуда и не к кому ехать, а также те, кто не может купить жилье, на вырученные от продажи своего дома или квартиры, 5) категория пожилых людей, которые страшатся переезда в силу возраста, 6) асоциальная группа, которым все равно где жить. Есть и те, кто по принципиально не собирается покидать Родину: 1) это те, кто отмечает, что Кизлярщина – это его Родина, он ее любит, ему все здесь нравится; 2) те, кто любит Дагестан и менталитет, обычаи и традиции, музыку народов Дагестана и не приемлет свое существование вне данного культурного поля.

Таким образом, Ставропольский и Краснодарский края, Астраханская и Ростовская область явились основными регионами, в которые мигрировали русские, проживавшие в северной части республики Дагестан. Основными факторами данного явления является географическая и ментальная близость.

Примечание:

*Кизлярщина – под этим термином, понимается территория Кизлярского, Тарумовского районов и г. Кизляр.

**Мы объединяем эти словом и украинцев, белорусов, казаков, так как каких-либо значимых отличий в поведенческих характеристиках между ними нет, на практике дагестанцы их всех называют или русскими, или русаками, либо хохлами, не делая отличий между ними. Сами себя они также идентифицируют, как русские.

Библиография:

1. Ибрагимов М.-Р.А. Динамика численности русского населения Дагестана (середина XIX – начало XXI в.) // Вестник ИИАЭ. Махачкала, 2011. № 4 (28).
2. Лысенко Ю.М. Северный Дагестан 1957 – 2000 гг. (аспекты социально-экономического развития г. Кизляра, Кизлярского и Тарумовского районов). Махачкала, 2005. С.138-150.
3. Мусаева С.И. Межнациональные отношения в Дагестане: исторические традиции и современность. Махачкала. «Юпитер». 1999.
4. Талибова Д.Б. Переселенческая политика государства и ее осуществление в Дагестане в 60–70-е годы XX века: опыт и уроки. Махачкала, 2001.
5. Элаева А.М. Этносоциальные изменения в Северном регионе Дагестана во второй половине XX в. и политика переселения горцев на равнину // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2013. № 8.

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

2.3. РОССИЙСКИЙ СЕВЕР В СУДЬБАХ НОГАЙЦЕВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

А.А.Ярлыкапов

Современные миграционные процессы, которые резко усилились на пространстве бывшего СССР после его распада, неузнаваемо меняют страну, в которой мы живем. Подвластны им оказались буквально все: начиная от жителей мегаполисов и заканчивая простыми сельскими тружениками. Сельская российская глубинка, особенно на национальных окраинах страны, с начала 1990-х годов переживает процессы глубоких преобразований. Разорение колхозов и совхозов, чудовищная безработица, отсутствие каких-либо перспектив – все это приводит к тому, что сельчане вынуждены искать возможности приложения собственных сил в непривычных для себя сферах. Местные города, также находящиеся в тяжелом экономическом положении, быстро исчерпали свой ресурс по приему сельчан. Перенаселенность и экономическая бесперспективность российской национальной глубинки вынуждает ее жителей сниматься с места и искать лучшей доли на чужбине. Процесс этот происходит неровно, и приводит к любопытным изменениям не только в среде мигрантов, но и на их родине.

В предлагаемом вниманию читателя небольшом эссе я хотел бы рассмотреть частный случай – миграцию ногайцев на российский Север. Небольшая по объему работа не претендует на исчерпывающее решение всех связанных с ней вопросов. Здесь лишь будет поставлена сама проблема миграции ногайцев, которая до сих пор не поднималась учеными, и будут изложены общие результаты пилотного исследования автора, проводившегося начиная с 2004-2005 годов. Методы, примененные мной – исключительно этнографические. Мигранты – люди достаточно мобильные, и с информаторами мне удавалось беседовать в разных местах, в том числе и в Москве (путь в родные места, как по земле, так и по воздуху обычно лежит через столицу). Однако, в

основном я работал с ними на Северном Кавказе, летом-осенью, когда мигранты приезжают домой отдохнуть и повидаться с родными. Здесь же я непосредственно наблюдал за теми изменениями, которые происходили под воздействием мигрантов на их родине.

Теперь несколько слов о самом народе. Ногайцы – тюркоязычный народ, проживающий в России в основном на территории Южного федерального округа: в Республике Дагестан (40,5 тыс. чел.), Чеченской (3,5 тыс. чел.), Карачаево-Черкесской (15,5 тыс. чел.) республиках, Ставропольском крае (22 тыс. чел.) и Астраханской области (7,6 тыс. чел.) [1]. Всего в России по переписи 2010 г. проживает 104 тыс. ногайцев [2]. Своего национально-территориального образования ногайцы не имеют, но пользуются статусом субъектообразующего народа в двух северокавказских республиках: Дагестане и Карачаево-Черкесии.

Ногайцы, пожалуй, оказались в докризисный период наименее мобильными из всех народов, проживающих на территории Кавказа. О ногайской миграции, как о состоявшемся явлении, можно говорить примерно с середины 1990-х годов. Однако ее масштабы оказались настолько впечатляющими, что стало очевидно: ногайцы за относительно короткий срок нагнали упущенное с лихвой. С середины 1990-х до 2010 г. за пределы Южного и Северокавказского Федерального округа мигрировало как минимум 10 % проживающего здесь ногайского населения*. Основной отток ногайцев с северокавказских регионов наблюдался на Север, в субъекты Уральского, в меньшей степени Сибирского и Дальневосточного Федеральных округов. Наиболее привлекательной для ногайцев оказалась Тюменская область: по данным переписи населения, на 2010 г. в Ханты-Мансийском АО проживало 5,3 тыс. ногайцев, а в Ямало-Ненецком АО – 3,5 тыс., в Красноярском крае – около 1 тыс. Конечно, эти цифры не отражают реального положения дел, мигрантов значительно больше. Цифры переписи по

крайней мере отражают существующую тенденцию в миграционном движении ногайцев на Севере. В реальности же специалисты оценивают масштабы ногайской миграции еще более впечатляющими цифрами: согласно мнению отечественного экономиста Д.В. Соколова, в одной только Тюменской области (включая ХМАО и ЯНАО) проживает от 25 до 30 тысяч ногайцев[2].

На Север мигрируют ногайцы в основном из Дагестана и Карачаево-Черкесии, значительно меньше из Ставрополя и Астраханской области. Из Дагестана мигранты представляют все группы местных ногайцев: и караногайцев, и бабаюртовских, и сулакских ногайцев**. Особенно массовым отток населения был в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Основными причинами этого являются, безусловно, экономические трудности: безработица и низкие заработки на родине, не позволяющие обеспечивать достойный уровень жизни для себя и своей семьи. Анализ состава мигрантов по времени позволяет выявить определенную закономерность: если в 1990-е гг. мигрировали только те, кто не имел работы и средств к существованию на родине, то в 2000-е гг. появляется пусть не преобладающая, но достаточно заметная группа мигрантов, которые переезжают на Север уже в поисках более высоких, чем на родине, заработков. Мигрируют даже те, кто по местным меркам получает вполне приличную зарплату (от 5-6 до 10 тыс. руб.) и имеет стабильную работу, а это, как правило, бюджетники. Мне известен случай, когда в Сургут в 2005 г. отправился в поисках заработка молодой человек, занятый в компьютерной области и зарабатывавший в целом внушительную для Дагестана сумму – в среднем около 10 тыс. руб.

Конечно, отъезд с родных мест на длительное время – всегда достаточно хлопотное занятие, особенно – в такие места, как Сургут или другие северные города. Для отъезда необходима какая-то сумма, в среднем это 20-30 тыс. руб. на одного отъезжающего в ценах конца 1990-х гг. (сегодня эта

сумма в два-три раза больше). Источник этих сумм невелик, ведь большинство из тех, кто выезжает на Север, ими реально не располагают. В основном люди берут в долг, в том числе и под проценты***. Иногда какой-то суммой помогают родственники, случается, что решившиеся уехать на заработки продают свое движимое и недвижимое имущество. Однако последний вид добычи денег для отъезда и обустройства на новом месте практиковался в основном в первое время, сейчас так поступают все реже и реже. Люди сегодня уже едут, удостоверившись, что их там ждет работа, которую им подыскали ранее обустроившиеся знакомые, друзья или родственники, или, как минимум, зная, что хотя бы вначале им будет оказываться определенная поддержка с их стороны.

Обустройство на новом месте связано с массой проблем, решаемых с разной степенью успеха. Самая основная проблема, которую приходится решать мигрантам – это проблема прописки (или постоянной регистрации). С ней значительно легче устроиться на работу и решать проблемы с правоохранительными органами, поэтому мигранты стремятся разными путями получить заветный штамп в паспорте. Определенная часть мигрантов, обустраивающаяся в сельской местности, и представляющая интерес для местных властей (трактористы и водители, учителя, врачи и т.д.), получает здесь жилплощадь и прописку автоматически. Однако в городах прописку приходится покупать, иногда через хитроумные схемы, как правило, путем заключения фиктивных браков. Тратится на это разная сумма, в зависимости от конкретных условий; в основном это от 10 до 30 тыс. руб. В последние годы распространенной формой обустройства стало приобретение жилья в ипотеку, обычно на 20 лет – причем не останавливают ни высокие ставки ипотечных кредитов, ни то, что большинство заработанных денег уходит на их покрытие.

Если вести речь о трудоустройстве ногайских мигрантов, то они, конечно же, не занимают места на рынках. Ногайцы осваивают широкий спектр трудовых специальностей, какой-то определенной этнической специализации у них нет. Довольно много мигрирует интеллигенции: часто они устраиваются на работу по своим специальностям – врачами, преподавателями в вузах, учителями, воспитателями в детских садах и т.д. Устраиваются ногайцы и в сфере торговли, но в основном это магазины или крупные торговые центры, вроде магазинов сети «Эльдорадо» и т.д. Значительная часть мигрантов занята в строительных специальностях, в том числе и в области частного предпринимательства. Часто молодые люди создают бригады по ремонту и евроремонту квартир и офисов, причем в них происходит одновременное обучение менее опытных работников более опытными. Известны случаи, когда окрылившиеся ученики уходят от своих наставников и создают самостоятельные ремонтные бригады. Существует также небольшая прослойка не нашедших работу и ведущих «полубомжацкий» образ жизни. Однако эти люди продолжают пытаться обустроиться, поскольку, по их словам, стыдно возвращаться без ничего на родину. Большое давление на них часто оказывают и долги, которые ждут их после возвращения.

Если касаться проблем, вызванных миграцией, то в первую очередь, наверное, надо отметить проблему антропологическую. Проблема физической адаптации южан к суровым условиям российского Севера стоит достаточно остро. Довольно часто ногайцы мигрируют сюда семьями, в т.ч. и с грудными детьми. Бывает, что дети тяжело адаптируются к новым для себя условиям, что вызывает такие тяжелые последствия, как торможение развития, физическое истощение и т.д. Т.е., если взрослые более-менее быстро и без особых потерь перестраиваются и приспосабливаются к новым условиям окружающей среды, то дети делают это с

трудом и с очевидными потерями. Это весьма тревожная тенденция, поскольку переживаемые детьми жесткие встряски опасны для дальнейшего развития растущего организма. Не будем забывать, что жесткие физические испытания накладываются на тяжелый стресс, связанный с изменением привычного языкового окружения, а также со сменой школы или садика.

Есть также и проблема обратной адаптации: сегодня известны случаи возвращения ногайцев на родину после многих лет тяжелого труда на Севере, которые заканчиваются скорой смертью мигрантов[3].

Что касается культурной адаптации, то компактное расселение создает для ногайцев относительно комфортные условия существования. Немаловажную роль играет здесь также и то, что российский Север в основном населен мигрантами, приезжими специалистами и их потомками. Иными словами, на любой упрек типа «понаехали тут» можно вполне резонно ответить: «А сами давно ли понаехали?». Однако в обыденном сознании ногайцев, особенно поначалу, не особо отличали от основной массы мигрантов закавказских и среднеазиатских. Различия же проявляются, особенно в правовом статусе. Ногайцы – граждане России, к тому же они значительно более грамотны, нежели мигранты из ближнего зарубежья. То есть, ногайскую миграцию можно считать внутрироссийской миграцией, и она по составу качественно лучше. Но все же проблемы с дискриминацией до сих пор актуальны – в том числе и при приеме на работу, ногайцев до сих пор трудно встретить среди руководящих работников и силовиков.

У мигрантов после их обустройства на Севере, как правило, появляются деньги, и по меркам мест их исхода, немалые. Это вызывает значительный интерес у деятелей ногайской культуры. В последнее время достаточно часто предпринимаются гастроли ногайских артистов в Сургут и другие города Севера, в которых проживает ногайская ди-

аспора. Артисты, особенно молодые, работают над своим сценическим образом, заказывают в типографиях Северного Кавказа афиши, календари и рекламные проспекты со своими фотографиями и сценическими именами. Развивается и репертуар исполнителей, пишутся новые песни, появляются новые мелодии. Эти, несомненно, позитивные явления в ногайской культурной жизни, во многом стали возможны благодаря тем изменениям, которые принесла с собой ногайская миграция.

Очевидную проблему представляют ассимиляционные процессы. Родители вынуждены много времени посвящать работе, и маленькие дети большую часть времени проводят в местных дошкольных учреждениях. Там они интегрируются в местную интернациональную среду, что само по себе весьма ценно. Однако, язык своих родителей дети уже не воспринимают, они переходят на русский язык, да и родители, чтобы не создавать проблем, вынуждены поддерживать русскоязычие своих детей. Постепенно в таких семьях языком основного общения становится русский язык. Поездки на лето к родственникам не могут компенсировать недостатка общения на родном языке в течение года: дети могут понимать ногайскую речь, но не переходят на нее. Еще одной проблемой является то, что дети, вместо того, чтобы воспринимать ногайский язык, вынуждают переходить своих родных на русский. В то же время, нельзя сказать, что описанная картина распространена широко; она, как правило, характерна для семей интеллигенции.

Весьма любопытно в данной связи проследить, как себя ногайцы позиционируют в мигрантской среде, с кем они больше общаются и куда интегрируются. Практически все, с кем я общался, как ногайцы, так и представители других национальностей, отмечают тот факт, что ногайцы на Севере сближаются не с родственными по происхождению и языку, а также историческому прошлому тюркскими народами Средней Азии и Поволжья (татары, узбеки, казахи и

т.д.), а именно с представителями народов Северного Кавказа. Смеею предположить, что здесь срабатывает не только и не столько принцип землячества. Такое поведение ногайцев лучше всяких сложных научных исследований свидетельствует о том, что интеграцию ногайцев в этнокультурное поле Северного Кавказа можно считать свершившимся фактом. Ведь если еще в XIX – начале XX вв. кочевой образ жизни значительной части народа выделял его из среды остальных насельников горного края, то к началу XXI в. ногайцы стали отличаться среди остальных представителей Северного Кавказа только лишь своим своеобразным антропологическим типом****.

Одним из отрицательных последствий миграций для ногайцев является разделение семей. Как правило, не все имеют возможность вывозить своих жен и детей на Север. В силу разных причин такие молодые люди иногда заводят «вторых жен», исключительно из числа местных девушек и женщин. Почему не из числа своих? Во-первых, в мигрантской среде очень мало свободных женщин, выехавших самостоятельно. Сюда же следует добавить высокий уровень сплоченности национальной общины, вследствие чего случай внебрачной связи быстро раскрылся бы. Однако, двоеженство в любом случае рано или поздно вскрывается, и семьи, к сожалению, рушатся.

Среди эмоциональных последствий можно назвать самоутверждение и самореализацию большинства мигрантов. Среди них считается достойным купить машину, пусть даже подержанную, и с помпой приехать на ней в свое родное село. Автомашины покупаются также и для родственников на родине, и число их в селах растет. Конечно, покупка автомобиля (равно как и других предметов, все еще относимых к предметам роскоши) – это лишь внешнее выражение глубокого чувства успешности, испытываемого добившимся хотя бы чуть большего уровня достатка, чем на родине.

С этим тесно связаны экономические последствия ногайской миграции. Несомненно, положительно то, что экономически активные люди получают возможность самореализовываться, зарабатывать и занимать себя полезным трудом. Более глубокие, долгосрочные последствия состоят и в том, что в регионах проживания ногайцев выбивается серьезная социальная база развития радикальных националистических и религиозных движений. Даже если какая-то часть не имеющей работу молодежи, людей среднего возраста не мигрирует на Север, они все-таки получают возможность более-менее достойного существования, поскольку родственники, находящиеся на Севере, весьма активно помогают им. Вообще значительная доля заработанных на Севере денег пересылается на родину для поддержки многочисленной родни. Как правило, эти средства идут не только на повседневное выживание: на них устраиваются свадьбы, поминки, иные затратные мероприятия, строятся дома для братьев и сестер и т.д. и т.п. Кроме того, многие тратят заработанные на Севере деньги для строительства дома на родине, а также перестроить и отремонтировать доставшийся по наследству дом, что создает дополнительные возможности для заработка молодым людям со строительными специальностями.

Однако экономические последствия миграции на Север на поверку не всегда оказываются положительны для родины. Среди таких неоднозначных последствий можно назвать резкий рост цен на недвижимость в местах проживания ногайцев. Конечно, это свидетельствует о росте спроса на местную недвижимость, однако купить ее может лишь определенная часть населения, обладающая достаточными средствами. Кстати, устойчивый спрос среди мигрантов на недвижимость на родине косвенно может свидетельствовать о том, что большинство из них рассматривает свое пребывание на Севере как временное явление, планируя рано или поздно вернуться обратно.

Итак, ногайская миграция на Север России имеет определенное направление. Основным пунктом миграционного потока является Тюменская область. Первичное исследование этой проблемы выявило следующие закономерности:

1. Миграция ногайцев – явление вынужденное, спровоцированное тяжелым экономическим кризисом, поразившим места их традиционного проживания. О том, что ногайцы с «неохотой» включились в общий миграционный поток, свидетельствует сравнительно поздний срок начала движения ногайцев в поисках заработков.

2. Ногайцы не заняли какой-то особой ниши среди мигрантов, не имеют своей «этнической» специализации, а также ресурсов для «контролирования» каких-либо сфер экономической или иной деятельности. Основная масса ногайских мигрантов – это простые труженики, собственными руками и ценой определенных лишений добывающиеся более-менее сносного уровня жизни для себя и своей многочисленной родни.

3. Поведение основной массы первой волны ногайских мигрантов свидетельствовало о том, что они рассматривали свой статус как временный, у них не было намерения обрести на новом месте корни и обустроиться здесь навсегда. Заработанные деньги тратились на приобретение жилья на родине, а на Севере практиковался лишь съем квартир. Однако последующие волны изменили ситуацию, все больше стало практиковаться приобретение жилья через ипотеку.

4. Миграция определенной части экономически активных граждан, с одной стороны, не способствует быстрому выходу из кризиса экономически депрессивных регионов на Северном Кавказе. С другой стороны, мигранты привозят с собой на родину живые деньги, невольно вызывая рост жилищного строительства в частном секторе, развитие мелкого бизнеса и торговли, робких ростков фермерства и т.д. Миграция ногайцев способствует подъему обще-

го благосостояния граждан в традиционных местах их проживания, выравнивает их уровень жизни, хотя бы немного приближая его к уровню жизни в экономически благополучных местах. В этом смысле миграция представляет собой несомненное благо как на региональном, так и на общероссийском уровне.

Примечания:

* Это не считая миграции в пределах ЮФО, часто вынужденной. Например, более половины ногайцев из Шелковского района Чеченской республики переселилось в соседние Ногайский район Дагестана и Нефтекумский район Ставропольского края из-за двух военных кампаний и последующей нестабильности в Чечне. В райцентре Ногайского района с. Терекли-Мектеб вырос целый микрорайон, населенный переселенцами из Чечни, названный в просторечье «Дудаевкой».

**В отличие от караногайцев, сохранивших свой язык, бабаюртовские и сулакские ногайцы, ввиду долгого проживания в кумыкском окружении, перешли на кумыкский язык.

***Сегодня на Северном Кавказе вообще, и у ногайцев в частности, этот вид бизнеса, однозначно осуждаемый Кораном, получил достаточно широкое распространение. Банковская система в регионе находится в упадке; в тех банках, которые функционируют на Северном Кавказе, небольшую ссуду получить практически невозможно. Именно поэтому люди бывают вынуждены идти к частным лицам, дающим свои средства в рост, часто под грабительские проценты.

****Антропологически ногайцы относятся к малой южносибирской расе, переходной между европеоидной и монголоидной большими расами. В некоторых группах уровень смешения весьма велик, и, например, среди кубанских или кумыкских ногайцев иногда можно встретить типичных европеоидов.

Библиография:

1. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988.
2. Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 4. – «Национальный состав и владение языками, гражданство»./ URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm, (дата обращения 05.10.2014.)
3. Бадма Бюрчиев. Роль «Совести» в нефтегазовой политике. Денис Соколов: давление на кавказцев со стороны силовиков вкупе с акциями националистов могут привести к эскалации масштабного конфликта на Севере [электронный ресурс].// сайт Кавказская политика – Кавполит./ URL: http://kavpolit.com/articles/rol_sovesti_v_neftegazovoj_politike-7452 (дата обращения 05.10.2014).

2.4. ДАГЕСТАНСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ: ОСНОВНЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Л.В. Намруева

В пространственной организации сельской местности три фактора играют главную роль: а) природные различия (с севера на юг и с запада на восток); б) крупные города; в) национальный состав населения [1]. В данной статье рассмотрим третий фактор (по типологии Т. Г. Нефедовой из Института географии РАН) на примере дагестанских этнических групп, проживающих на территории Калмыкии. По итогам Всероссийской переписи 2010 г. большая их часть проживает в сельской местности этой республики: даргинцы – 96,7 %, аварцы – 95,6 %, рутульцы – 95,0 %, цахуры – 100 %, лезгины – 78,0 % [2].

В 1960–1970-е гг. быстрыми темпами растет численность северокавказских народов в Калмыкии. Это связано с тем, что восстановленная после сталинской депортации (1943–1956 гг.) республика испытывала большую потребность в трудовых ресурсах. Как отмечает С. С. Белоусов, в переселенческом потоке трудовых мигрантов в Калмыкию в те годы доминировали представители восточнославянских народов, но весьма заметную часть в нём составляли и народы из северокавказских республик: даргинцы, аварцы, чеченцы, кумыки и другие. В отличие от мигрантов других этнических групп, в большинстве своём они трудоустроивались в животноводстве, семейными группами поселялись в небольших населённых пунктах: на фермах, гуртоправских стоянках и чабанских точках [3].

По данным переписи населения 2002 г., в Калмыкии народы северокавказской языковой семьи насчитывали 17411 человек, в т. ч. нахско-дагестанской группы – 17201 человек, абхазско-адыгской – 210 человек. Наиболее многочисленными среди перечисленных народов являются даргинцы. Впервые даргинцы на территории Калмыкии упо-

минаются в материалах Всесоюзной переписи населения 1959 г., они были зафиксированы в графе «народности Дагестана», включавшей 1479 человек, из которых 608 отмечены как даргинцы. Согласно данным переписи 1970 г., даргинцы в Калмыцкой АССР насчитывали 4 961 человека, что составляло 1,9 % населения республики. К 1979 г. их численность возросла до 8590 чел. (2,9 % населения республики), а к переписи 1989 г. она достигла 12878 человек, или 4 % населения республики [4].

С конца 1980-х гг. фиксируется миграционная убыль даргинцев из Калмыкии (-33 чел), а в начале 1990-х гг. вследствие разразившегося социально-экономического кризиса она резко возрастает. Особенно большой отток даргинцев наблюдался в 1992–1993 гг., когда миграционная убыль превышала тысячу человек в год (1305 и 1152 чел. соответственно). Миграции даргинцев были вызваны кризисом в животноводческой отрасли, где преимущественно были заняты представители северокавказских народов. В целом в 1990-е гг. миграционная убыль сохранялась на высоком уровне: ежегодные потери в среднем оценивались в 200–300 человек, однако в отдельные годы они резко возрастали (в 1994, 1995, 1998 гг. – 959, 725, 941 чел. соответственно). Впервые в постсоветский период миграционный прирост был отмечен в 2002 г. (+40 человек), однако в последующие годы вновь фиксировалась убыль (например, в 2007 г. – 373 чел.) [5]. Таким образом, к 2002 г. в результате миграций удельный вес даргинцев в этнической структуре населения республики уменьшился до 2,5 %, при этом абсолютная численность даргинцев между переписями 1989 и 2002 гг. сократилась с 12878 до 7295 человек [3].

Некоторые исследователи подвергают сомнению цифру о численности дагестанцев в Калмыкии, указанную в материалах переписи населения 2002 г., полагая, что она сильно занижена. По мнению Э. Ф. Кисриева, последняя перепись населения зафиксировала только относительно

постоянное население и не учла дагестанцев, живущих и работающих семьями и с родственниками на чабанских стоянках. Действительная же численность даргинцев в Калмыкии намного больше и ориентировочно составляет не менее 40 тыс. человек [5].

Несмотря на значительный миграционный отток, отмечающийся в последние 20 лет, даргинцы продолжают оставаться третьим по численности народом в Калмыкии. Они проживают во всех районах республики и в г. Элисте, но основная их масса сосредоточена в восточных районах, которые граничат с территорией Республики Дагестан. На характер расселения даргинцев на калмыцкой территории решающее влияние оказало их трудоустройство в животноводческой отрасли – 97 % даргинцев, как и 40 лет назад, проживают в сельской местности. Основными источниками существования в этой группе являются: трудовая деятельность (этот вариант во время переписи 2010 г. отмечен 33,6 %), личное подсобное хозяйство (23,4 %), пособия (кроме пособия по безработице, этот вариант указан 18,5 %) [2].

Даргинское население республики по уровню образования распределилось следующим образом: 4 человека имеют послевузовское образование, 248 – высшее, из имеющих профессиональное образование у 18 – бакалавриат, 226 – специалисты, 4 – магистры, 97 имеют неполное высшее образование, 500 – среднее профессиональное образование, 72 – начальное профессиональное образование. Из имеющих общее образование у 1900 среднее, 1857 – основное, 698 – начальное. Не имеют общего образования 71 человек, из них 47 являются неграмотными. Уровень образования мужчин значительно выше, чем женщин. Так, мужчин с высшим образованием (163 чел.) почти в два раза больше, нежели женщин (85 чел.). Такое же соотношение по всем уровням профессионального образования: бакалавриат - 12:6; специалисты - 148:78; магистратура - 3:1; неполное высшее - 65:32; начальное - 45:27 [2].

Наиболее высокое представительство даргинского этноса наблюдается в структуре населения Ики-Бурульского (в 2002 г. - 1524 чел., или 13,5 % численности жителей района, в 2010 г. - 1727 чел., или 15,1 % численности жителей района), Черноземельского (в 2002 г. - 1515 чел., или 11,7 %, в 2010 г. - 12,1 %). Как видим, численность даргинцев в этих районах постепенно увеличивается. В таких сельских муниципальных образований как Светловское (504 чел.), Маньчское (243 чел.) Ики-Бурульского района по итогам переписи 2010 г. даргинцев проживало соответственно 77,5 % и 45,8 %. В Артезианском (449 чел.), Прикумском (804 чел.) СМО Черноземельского района проживало соответственно 24,6 % и 66,6 % [2].

Даргинское население, как и большинство северокавказских народов, имеет положительный естественный прирост, однако с начала последнего десятилетия XX столетия он постепенно уменьшается, что, очевидно, связано с процессами начавшегося перехода от традиционного типа воспроизводства населения к современному. До 1994 г. ежегодный естественный прирост у даргинцев составлял от 250 до 300 человек, затем он снизился до уровня 100–130 человек. Это обстоятельство, как и миграционный фактор, способствует ухудшению возрастной структуры этноса, хотя по сравнению со многими другими народами Калмыкии у даргинцев данные показатели лучше. Между переписями населения 1989 и 2002 гг. у них снизился удельный вес детских возрастов и, наоборот, повысилось представительство старших возрастов. Так, доля детей до 14 лет уменьшилась с 42,4 % в 1989 г. до 31,1 % в 2002 г., а доля людей в возрасте 15–39 лет, 40–59 лет и старше 60 лет соответственно увеличилась с 44,6 % до 47,7 %, с 11,5 % до 17,6 % и с 1,5 % до 3,4 %. [4].

Согласно материалам переписей населения 1970, 1979, 1989 гг., свыше 99 % даргинцев, проживающих в Калмыкии, родным считали язык своей национальности. По данным переписи 2002 г., в Калмыкии на владение даргинским язы-

ком указали 7188 человек, что составляет 98,5 % общего даргинского населения республики [4]. По данным переписи 2010 г., 7505 человек назвали даргинский язык родным (98,9 %) [2].

Вместе с другими народами Дагестана во второй половине XX столетия на территорию Калмыкии активно стали переселяться аварцы. По итогам переписи 2002 г. в республике насчитывалось 2305 человек, а результаты переписи 2010 г. зафиксировали 2396 человек, т. е. количество аварцев незначительно увеличилось.

На территории Калмыкии аварцы впервые указаны в материалах переписи 1959 г., согласно которым их насчитывалось 192 человека. В 1960-е гг. и особенно в последующие два десятилетия их численность, главным образом, за счёт миграций росла быстрыми темпами: в 1970 г. – 0,3 %, в 1979 г. – 0,7 %, в 1989 г. – 1,2 %. За 19 лет (с 1970 по 1989 гг.) аварская диаспора, выросла в 4,5 раза. Аварцы, поселившись в сельской местности, занимались выращиванием овец и крупного рогатого скота. Высокая миграционная подвижность predetermined преобладание у аварцев мужского пола над женским. Так, в 1970 г. у них на 1000 мужчин приходилось 948 женщин, в 1979 г. – 642, в 1989 г. – 823 [4].

С начала 1990-х гг. вследствие кризиса, наступившего в животноводстве, аварское население стало покидать республику, и положительный миграционный прирост сменился на отрицательный: с 1992 по 2007 гг. в Калмыкию прибыло 1497 аварцев, а покинуло 3235. Небольшой стабильный естественный прирост, отмечавшийся у них, не смог компенсировать миграционные потери, поэтому численность аварцев начала сокращаться [6]. Перепись населения 2002 г. зафиксировала на территории Калмыкии 2305 аварцев (в это число вошли андийцы и дидойцы), в том числе 1256 мужчин и 1049 женщин [4]. А по итогам переписи 2010 г. аварцев насчитывается 2396 человек, из них 1317

мужчин и 1079 женщин [2]. Как видим, наблюдается не-большое увеличение численности этой группы.

Основными источниками существования аварцев являются: трудовая деятельность (этот вариант во время переписи отмечен 31,5 %), личное подсобное хозяйство (28,3 %), пособия (кроме пособия по безработице, этот вариант отмечен 17,8 %) [2].

Аварское население по уровню образования распределилось следующим образом: 2 человека имеют послевузовское образование, 68 – высшее, из имеющих профессиональное образование у 6 – бакалавриат, 59 – специалисты, 3 – магистры, 27 имеют неполное высшее образование, 190 – среднее профессиональное образование, 44 – начальное профессиональное образование. Из имеющих общее образование у 601 среднее, 602 – основное, 194 – начальное. Не имеют общего образования 27 человек, из них 14 являются неграмотными [2].

Уровень образования у мужчин выше, чем у женщин. Так, мужчин с высшим образованием (68 чел.), женщин (28 чел.). Среди первых специалистов - 35, а среди вторых - 24. И по другим уровням также фиксируется различие не в пользу образованности женщин [2].

В 1989 г. из 3871 аварца Калмыкии 3804 чел. в качестве родного признавали язык своей национальности (98,3 %), 56 чел. – русский язык (1,4 %), 3 – калмыцкий, 2 – татарский, другие языки – 6 человек. При этом 3053 человека указали на свободное владение русским языком, не владели вторым языком 804 человека [7]. 1979 жителей Калмыкии в ходе переписи 2002 г. указали на владение аварским языком, а 338 – андийским [8].

По итогам переписи 2010 г. в республике проживает 451 лезгин (Из них 244 – мужчин, 207 – женщин). Они, как и большинство представителей народов Северного Кавказа, в Калмыкии заняты в животноводческой сфере. Самый известный лезгин в республике – старший чабан ТОО «Ча-

горта» Целинного района Х. Н. Мирземетов, являющийся кавалером всех советских орденов за труд (Знак Почета, два ордена Ленина, орден Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени и др.). Он первым из жителей Республики Калмыкия был удостоен звания Герой Калмыкии с вручением ему бриллиантовой звезды с лотосом [9]. Звание Героя Калмыкии он получил в 1993 г. за высокие показатели в овцеводстве. Как отмечалось в республиканской печати, Х. Н. Мирземетов «является символом дружбы народов Калмыкии и Дагестана» [10]. 17 сентября 1994 г. в республике торжественно отмечалось 60-летие Х. Н. Мирземетова.

Численность цахуров на территории Калмыкии не стабильно. Так, в 1959 г. их насчитывалось 152 человека, в 1970 г. – 25 человек, в 1979 г. – 77 человек, в 1989 г. – 199 человек, в 2002 г. – 126 человек, в 2010 г. – 109 человек. Большая их часть владеют родным языком. Большинство цахуров проживают в поселениях Улан-Хольского (37 чел.) СМО Лаганского района и Прикумского (38 чел.) СМО Черноземельского районов.

Среди мигрировавших в Калмыкию в годы советской власти представителей народов Дагестана были лакцы. На территории Калмыкии лакцы упоминаются в переписях населения 1939 г. (6 чел.), 1959 г. (143 чел.), 1970 г. (130 чел.), 1979 г. (265 чел.), 1989 г. (245 чел.), 2002 г. (84 чел.) [8]. Расселение лакцев в республике имеет дисперсный характер. Почти все лакцы Калмыкии владеют своим родным и русским языками.

Численность табасаран в Калмыкии всегда была невелика. Так, в 1970 г. их было всего 2 человека, в 1979 г. – 50 чел., в 1989 г. – 111 чел., к 2002 г. численность табасаран снизилась до 57 человек, практически вернувшись к уровню 1970 г. Также, как и у остальных народов Северного Кавказа, у табасаран рост численности в 1970–1980-е гг. и сокращение ее вследствие миграций в 1990–2000-е гг. были

связаны с кризисным положением дел в животноводстве республики – основной сфере их занятости.

В первое десятилетие XXI в. торгово-экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество между двумя регионами последовательно расширяются. В Дагестан из Калмыкии ежегодно завозят пушнину, кожаные и меховые изделия, пшеницу, крупный рогатый скот, овец. Месячный товарооборот составляет 15 млн. рублей, а годовой – более 180 млн. рублей.

С марта 1997 г. действует Представительство Республики Дагестан в Республике Калмыкия. Оно обеспечивает оперативную связь и взаимодействие с руководством Дагестана, государственными органами и хозяйствующими субъектами в Республике Калмыкия с целью эффективного сотрудничества Дагестана с Калмыкией на взаимовыгодной основе; принимает участие в разработке и рассмотрении проектов межрегиональных, социально-экономических, научно-технических и культурных соглашений между республиками, поддерживает связи и деловые контакты в различными органами власти Республики Калмыкия [11].

В конце 2008 г. в министерстве юстиции РК был зарегистрирован Устав Калмыцкой общественной организации «Дагестанская диаспора», председателем которой был избран М.-Р. И. Умалатов. Организация ведет культурно-просветительскую работу по ознакомлению жителей Калмыкии с дагестанским народом, с его богатой историей, неповторимой культурой, незыблемыми традициями, а также по сохранению гражданского мира, межнационального и межконфессионального согласия, развитию взаимопонимания, добрососедских отношений между народами, проживающими на калмыцкой земле.

Библиография:

1. Нефедова Т. Г. Географические вариации сельского хозяйства. М., Институт географии РАН, 2009.
2. Национальный состав и владение языками, гражданство.: итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. / территориальный ор-

ган федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста 2013. 841 с. С. 4-9.

3. Белоусов С. С. Отчет о научно-исследовательской работе «Международные конфликты в Калмыкии в годы «перестройки» и в постсоветский период» (середина 80-х годов XX в. – 2009 год). Элиста. Научный архив КИГИ РАН, 2009. С. 12.

4. Гунаев Е. А. Народы Дагестана // Народы Калмыкии: историко-социологические очерки. Рукопись коллективной монографии. Элиста Архив КИГИ РАН. 2011.

5. Шахбанова М. М. Миграции и особенности межэтнического общения в Республике Дагестан (конец XX –начало XXI в.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 3. С. 33.

6. Очирова, Н. Г. Народности Дагестана в Республике Калмыкия в контексте миграционных процессов // Вестник Дагестанского научного центра РАН. Вып. 42. С. 121–127.

7. Национальный состав и языки народов Калмыцкой ССР. Демографическая, культурная и социально-экономическая характеристика отдельных национальностей. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. (часть II). Элиста, 1991.

8. Национальный состав мигрантов. 1990–2007 гг. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия.

9. Ханбаба Мирземетов: «Я работаю не ради славы» / Известия Калмыкии. 1993. 2 сентября.

10. Ронин К. Завоевавший сердца степняков / Советская Калмыкия. 1994. 21 сентября.

11. Умалатов М.-Р. Народы Дагестана // Этномир Калмыкии: сб. статей и материалов / Вступит. ст. Р.Б. Дякиевой, 2012. 190 с. ил. С. 91-114.

instituteofhistory.ru

2.5. «ДАГЕСТАНСКИЕ РУССКИЕ» В РЕГИОНАХ ЮГА РОССИИ В 1980-2010 ГГ.: ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ В МАТЕРИНСКОМ ЭТНОСЕ

О.Б.Халидова

*Статья выполнена при поддержке РГНФ
в рамках проекта 12-31-012001*

Национальный вопрос – это очень щекотливая и болезненная тема для Дагестана. Многие с ностальгией, в том числе и автор данной статьи, вспоминают те времена, когда никто не спрашивал, кто ты по национальности. Однако, безвременье наступившее в конце прошлого столетия в корне поменяло ситуацию в республике. Распад Советского союза породил за собой колоссальные изменения в нашем обществе, результатом которых в том числе стали и миграционные процессы в 1990-2000-х годов.

Миграционные движения коснулись практически всех дагестанских этносов, многие из которых вынуждены были вернуться на свою историческую родину. В период с 1989 по 2000 гг. эта цифра выросла до 75 тыс. человек. Основную часть миграционного прироста дагестанских народов в 1989-2002 гг. составили даргинцы и лезгины (соответственно 40 и 31%); значительная часть лезгин прибыла в Дагестан из Азербайджана и Казахстана, большая часть даргинцев - из субъектов Южного федерального округа РФ[1].

Но в рамках данной статьи мы хотели сконцентрировать наше внимание на миграционных процессах в среде одного из самых многочисленных по численности народонаселения Дагестана - русского этноса и его возвратной адаптации в традиционно русских регионах Юга России, в частности в Ростовской области, Ставрополье и Краснодарском крае.

Еще лет 40 назад русские были расселены почти во всех городах и поселках нашей республики, так же как и

города – Каспийск и Кизляр всегда считались местами традиционного проживания русского населения.

Не будем подробно обращаться к ретроспективному освещению появления русского этноса на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане. Отметим лишь то, что уже с XI века в полилог народов и культур Северного Кавказа включаются славяне. Процесс этот был длительный и происходил на различных исторических этапах развития народов Кавказа. В советское время численность русского населения на Северном Кавказе неимоверно возрастала. Вклад русских в превращение Северного Кавказа в один из индустриально-аграрных и культурно развитых регионов России неоспорим. Этот пример показателен на одном из молодых городов Дагестана – Каспийске, образованного в 1932 г. и до 1947 г. носившего название «Двигательстрой» и в строительстве которого активное участие принимали люди со всего Советского союза.

В Кизлярском районе, насчитывающем 89 населенных пунктов, русские уже не проживают в 22, в 50 селах их число незначительно, свыше половины населения русские составляют только в 17 населенных пунктах. В Тарумовском районе из 24 населенных пунктов в пяти русские не проживают, в 12 их число незначительно, только в семи населенных пунктах этого района русские составляют более половины населения.

«Резко обострили обстановку совпавшие по времени три обстоятельства: освобождение от ограничений религиозной деятельности (строительство здесь большого количества мечетей, открытие медресе русские рассматривают как исламизацию региона), активизация движения за возрождение казачества, обвальный рост преступности (формирование в ряде случаев криминальных групп по национальному признаку), случаи прямых угроз в адрес русских с целью вытеснения их с должностей и из престижных квартир. Так, в Кизляре только 29% из функционирующих пред-

приятий и организаций возглавляют русские руководители (при удельном весе русских, составляющих в общей численности населения 45%). В Кизлярском районе в сельскохозяйственных организациях осталось лишь 14% русских руководителей (при 23% русского населения)» [2, с. 59; с. 84-96].

Отток русского населения из республики – это очень длительный и болезненный процесс, наибольший расцвет которого наблюдался в сложные для Дагестана 1990-е годы. По официальным данным, только с 1991 по 2002 г. республику покинуло 45 тыс. русских или 27 %, и таким образом их численность сократилась до 120,9 тыс. человек или 4,7 % населения Дагестана [3]. Таким образом, наибольший выход русских (кроме Чечни) за период 1989-1999 гг. наблюдался из Республики Дагестан, откуда выехал каждый пятый русский житель.

Пик «русского исхода» из Дагестана пришелся на 90-е годы, когда из республики ежегодно уезжали до 7 тысяч человек. Но в отличие от Чечни, откуда в ту пору русские буквально убегали, бросая нажитое добро и квартиры, в Дагестане среди главных причин отъезда «национальный вопрос» не стоял на первом месте. Было общее ощущение опасности и неопределенности, связанное с войной, хотя стычки на национальной почве тоже были [4].

Темпы роста оттока русских усилились и после начала военных действий в соседней Чечне в 1994 г., взрывы жилых домов в г. Каспийске в ноябре 1996 г., а затем и в г. Буйнакске 4 сентября 1999 г., военных событий в августе 1999 г. на территории нашей республике. В СМИ, на митингах отдельными людьми муссировалась информация и высказывались мнения о целесообразности создания Исламской республики в Дагестане и отделение его от России. Из соседней Чеченской республики прибыло большое число этнических дагестанцев – беженцев, которые самовольно захватывали земли в Тарумовском и Кизлярском районах [5,

с. 44]. Все это самым негативным образом сказалось на миграционном настроении русского населения и их выезд из республики превращался в настоящее бегство.

Вдобавок, долгое время трудоспособное русское население в республиках отличалось высоким уровнем образования, в сравнении с титульными народами в профессиональном плане русские были представлены большим числом врачей, инженерно-технических работников, что обеспечивало конкурентоспособность на рынке труда. Существовавшая система всесоюзного распределения специалистов, обеспечивала систематический приток в республики новых квалифицированных кадров. Параллельно с этим во все возрастающих масштабах шла подготовка специалистов из титульных народов в учебных заведениях республик и многих русских краев и областей за счет открытия национальных отделений, организации целевого набора и т.п. Со временем качественные характеристики трудовых ресурсов русского и титульного населения стали меняться не в пользу первых. Среди русского населения республик замедлились темпы роста числа специалистов, имеющих высшее образование [6].

Таким образом, основными причинами миграции в среде русского этноса из Дагестана явилось не только ухудшение экономического положения в республике. В середине 90-х гг. Региональным центром этнополитических исследований при Дагестанском научном центре РАН был проведен социологический опрос среди представителей всех национальностей, где среди причин, обуславливающих отъезд русских из Дагестана 81 % опрошенных указали на небывалый взрыв преступности, а около 60 % - на прямые угрозы в адрес русских, посягательства на их жилье (т.н. «квартирный рэкет»), притеснение русских детей в школах [7, с. 12]. То есть в подавляющем большинстве случаев миграция носила вынужденный характер.

Территориальный ареал этнической миграции среди русского населения стала заметна в русских субрегионах Северного Кавказа – в Краснодарском и Ставропольском краях и Ростовской области. Основная миграционная нагрузка пришла именно на эти территории.

Так, в Ставропольском крае в формировании миграционных потоков большую роль приобрели стрессовые миграции. На Ставрополье наблюдается стабильный рост вынужденных мигрантов, прибывающих на территорию края. В настоящее время Ставрополье занимает первое место среди регионов России по числу находящихся на территории вынужденных мигрантов (на 1 января 2000 г. их зарегистрировано 74849 человек, или 31245 семей). По сравнению с 1992 г. (8883 человека или 2964 семьи) эта цифра выросла в 8,4 раза в 1998 г. официальный статус вынужденного переселенца в службах миграционного контроля края получили 6,3 тыс. человека, а за январь-сентябрь 1999 г. – 2452 человека, основную долю из них составляют прибывшие из Чечни – 80,5 % (1973 человека) [8].

В соответствии с разработанным Федеральной миграционной службой России перечнем территорий России, перспективных для расселения вынужденных переселенцев, Краснодарский край относится к территориям, не рекомендуемым для расселения мигрантов. Тем не менее, он занимает первое место на Юге России по численности зарегистрированных на его территории вынужденных переселенцев [9]. Общий миграционный прирост в крае за 1988 – 1991 г. составил 203 873 чел., но уже за период 1992 – 1994 гг. он увеличился еще на 261 858 чел. За 9 месяцев 1995 г. миграционный прирост составил еще 50 861 чел.

Так же, как и в Краснодарском крае, в Ростовской области значителен удельный вес в миграции беженцев и вынужденных переселенцев. За период с 1992 по 1995 гг. их численность достигла 32 411 человек [10].

В нынешнем году в рамках проекта РГНФ нами был собран полевой материал среди респондентов, русских по национальности, мигрировавших на вышеуказанные территории и в прошлом проживавших в Дагестане. Полученная нами информация свидетельствует и подтверждает те факты, описанные нами выше, что многие русские покинули пределы республики именно в 90-е гг., главным образом «из-за детей, из-за неуверенности в их будущем» [11]. И, несмотря на ностальгию по Дагестану, «возвращаться туда не торопятся из-за отсутствия спокойствия и нестабильности» [12]. Среди причин назывались и такие, как «скованность при проявлении своей религиозной принадлежности (ношение в открытую крестика и пр.)» [13], бытовые причины, когда «соседи говорили: «Мы в Дагестане живем, это наша земля, а вы русские езжайте в Россию» [14]. Некоторые респонденты отмечали для себя «низкий уровень возможностей в Дагестане, нежели в том же Ставропольском крае», а также «развитость на кавказских территориях клановой системы» [15].

Но нельзя не отметить, что вынужденное переселение и оседание русских в Краснодарском, Ставропольском краях тоже вызывает некую межнациональную напряженность. Многие среди респондентов отмечают расхожесть в ментальности людей, отмечая такие отрицательные качества как «грубость, язвительность» местного населения, называя их «притрушенными» [16]. В отношении мигрантов постоянно подчеркивается статус «приезжих», «относятся свысока, могут и напакостить» [17].

Конечно, на сегодняшний день нельзя не признать, что в республике ведется работа на правительственном уровне по остановке миграционных процессов среди русского населения, отмечая, что это чревато самыми негативными последствиями для Дагестана. Проводятся научные исследования, изучающие нынешнее самочувствие русских в республике. Но, по нашему мнению, совсем остановить «запущенный механизм» не получится.

Библиография:

1. Тазаев М. Миграционные процессы в Республике Дагестан на рубеже XX – XXI вв. // газета «Махачкалинские известия», № 34 от 29.08.2008 г.
2. Ильяшенко С.В. О миграционных процессах в Республике Дагестан // Вопросы статистики. № 3. 2003. С. 59; Ибрагимов М.-Р.А. Этнокультурные последствия миграционных процессов в Дагестане. Вторая половина XX – нач. XXI вв. // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. 2011. № 3.
3. Всероссийская перепись населения 2002 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Электронный ресурс: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 26.09.2014 г.)
4. Кириченко И. В Дагестане все меньше русских // Электронный ресурс: <http://newsland.com/> (дата обращения: 28.09.2014 г.)
5. Алиева В.Ф. Русское население Дагестана. Махачкала, 2001.
6. Белозеров В.С. Демографические процессы и динамика расселения русских в республиках Северного Кавказа // Электронный ресурс: <http://www.kavkaz-uzel.ru/> (дата обращения: 23.09.2014 г.)
7. Русское население Дагестана: социально-экономические, политические и этнические проблемы. Махачкала, 1996.
8. Миграция в Ставропольском крае // Электронный ресурс: <http://www.km.ru> (дата обращения: 01.10.2014 г.)
9. «Миграции и конфликты на Юге России» // Электронный ресурс: <http://voprosik.net/migracii-i-konflikty-na-yuge-rossii/> (дата обращения: 28.09.2014 г.)
10. Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология: Учеб. пособие для студентов ун-тов и пед. вузов. – Ростов-н/Д: Изд-во ООО «ЦВВР», 2000 // Электронный ресурс: <http://srinest.com/> (дата обращения: 28.09.2014 г.)
11. Полевой материал Халиловой А.С. (ПМ), 2014 г. Волгоград (жен.)
12. ПМ, 2014 г. Ростов. Работник представительства РД в РО (57 лет, жен.)
13. ПМ, 2014 г. г. Георгиевск, Ставропольский край. (1977 г.р., жен.)
14. ПМ, 2014 г. с. Сотниковское Благодарненского района Ставропольского края (60 лет, жен.)
15. ПМ, 2014 г. г. Ставрополь (жен, 39 лет.)
16. ПМ, 2014 г. г. Благодарный Ставропольского края (67 лет, жен.).
17. ПМ, 2014 г. Минераловодского района Ставропольского края (47 лет, жен.)

2.6. СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ НОГАЙЦЫ В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ: ВОПРОСЫ РАССЕЛЕНИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

Э.Ш.Идрисов

Северный Кавказ является территориально близко расположенным регионом от Астраханской области, по этой причине северокавказские народы широко представлены в ее этнодемографической структуре. По Всероссийской переписи 2010 года лидируют: чеченцы, аварцы, лезгины, даргинцы, есть достаточное количество кумыков, табасаранцев и лакцев. В отношении ногайского этноса хочется отметить следующий факт – нижневолжский регион является местом, где ногайское население сформировало свой массив, который отличается от северокавказских территориальных групп ногайцев, проживающих в Дагестане, Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии и Чечне.

Исследователи Л.Ш. Арсланов, В.М. Викторин выделяют такие группы астраханских ногайцев, как: юртовцы, карагаши, кундровцы и утары [1]. За время раздельного проживания, начиная с середины XVI века (период разделения тянулся до конца XVIII века), сложились социокультурные отличия между нижневолжской и северокавказской группами [2]. Но при этом, хочется отметить, что отношения в дореволюционный период не прерывались. Нами, на основании архивных данных, в ряде статей сделаны выводы о наличии экономических связей, а также в целом информационного обмена между ногайцами Северного Кавказа и Астраханского края [3]. По мнению исследовательницы А. Курмансеитовой, сделан вывод о том, что Астрахань в конце XIX – начале XX века была духовным центром для ногайцев Юга Российской империи [4].

Некоторый перерыв отношений наступает в советский период. В культурном плане, ногайцы Северного Кавказа, проживая в республиках, получают больше возможностей, развивать родной язык и сохранять идентичность. Все

группы астраханских ногайцев в советское время были приписаны к татарам, в отношении их сферы образования и культуры проводилась политика «татаризации» [2].

Новый виток взаимодействия наступает в перестроечный период. В Астраханской области началось движение за возрождение национального самосознания местных ногайцев. В 1990 г. возникает областное общество ногайской культуры «Бирлик», которое активно развивает отношения с научной и культурной интеллигенцией ногайцев Северного Кавказа. Возникла традиция проведения таких мероприятий как «Джанибековские чтения», в память о ногайском просветителе астраханского происхождения Абдул-Хамиде Джанибекове. Он в 1918 г. уехал из Астрахани на Северный Кавказ и сыграл большую роль в становлении литературных норм ногайского языка в советский период [5].

Кроме научного и культурного взаимодействия, с 1990-х годов, в ногайской среде, развиваются образовательные связи между регионами. Город Астрахань стала местом, куда активно стала приезжать ногайская молодежь для получения профессионального образования. Особой популярностью пользуются Астраханская государственная медицинская академия, Медицинский колледж, различные технические учебные заведения. В современном ногайском этнокультурном движении давно признано, что Астрахань, благодаря сети высших и среднеспециальных учебных заведений, является кузницей кадров для ногайской культуры, особенно Дагестана. Многие, кто сейчас стоит у руководства культурных учреждений Ногайского района этой республики, проходили обучение в Астраханской государственной консерватории, Астраханском колледже культуры или Астраханском музыкальном колледже.

С 1990-х годов началось также переселение ногайцев из Северного Кавказа в Астраханскую область и на постоянное место жительства. Первоначально это были в основном

выходцы из Республики Чечня, в связи с вооруженным конфликтом на данной территории. Но постепенно, увеличилось переселение из Дагестана (из всех районов, где живут ногайцы в этом субъекте, по количеству переселенцев в Астрахань лидирует Ногайский район, менее из Тарумовского и Кизлярского районов, еще менее из Бабаюртовского района), меньше из Ставропольского края и Карачаево-Черкесии. Здесь можно назвать несколько причин: – успешная профессиональная адаптация в регионе после окончания вуза или колледжа; – Астраханскую область выбирают как регион более стабильный для проживания, в отношении наличия работы или получения детьми профессионального образования; – Астрахань становится местом, куда переезжают северокавказские ногайцы, после работы на севере (в Уренгое и Сургуте).

Таким образом, в численном отношении, выходцы из Северного Кавказа постепенно образуют ощутимый контингент ногайского населения Астраханской области. Из 7589 человек ногайцев по последней переписи в регионе, северокавказских ногайцев будет примерно 1000 человек, и эта цифра продолжает расти. В трудовом отношении ногайцы-переселенцы работают в медицинских учреждениях, силовых структурах, есть также в системе общего образования и культуры. Среди свободных профессий больше всего в строительной сфере, перевозке пассажиров, менее в торговле.

Ногайцы из Северного Кавказа селятся в основном в городе и пригородных селах. Из городских территорий сложилась компактное проживание в Трусовском районе, из сел можно выделить – Солянку Наримановского района и Осыпной Бугор Приволжского района.

Ногайские переселенцы из Северного Кавказа формируют свою среду, состоящую из выходцев одной местности. Так, ногайцы Чечни, живущие в Астрахани, имеют свой фонд взаимопомощи, отмечают вместе религиозные празд-

ники. Все северокавказские ногайцы ездят домой во время отпусков и праздничных нерабочих дней. Устойчивой является традиция у ногайцев Ногайского района Дагестана и Шелковского района Чечни ездить домой в период майских праздников, чтобы посетить родовые кладбища и совершить коллективные моления на них. Покойных также стараются увозить на захоронение по месту рождения. Некоторые из переселенцев, имея постоянное место жительства в Астрахани, на заработанные деньги строят дома в родных селах на Северном Кавказе.

При проведении таких важных семейных мероприятий, как свадьба, северокавказские ногайцы в Астрахани также проявляют свои региональные особенности. Например, можно отметить такой характерный элемент свадебной культуры ногайцев Кавказа как танец родственников жениха с невестой, в ходе которого они одаривают её деньгами или украшениями. Символика обычая очень близка такому традиционному свадебному элементу кыпчакских народов, как «бет ашар» (открывание лица невесты родственникам жениха). Только в традиционном исполнении используется песенное сопровождение, которое у северокавказских ногайцев заменено на «лезгинку». Для проведения свадебных торжеств обязательно приглашаются ногайские ведущие и артисты из Дагестана и Чечни.

Устойчивы кухонные традиции ногайцев Северного Кавказа, которые они сохраняют на новом месте жительства. По праздникам обязательно готовится мучное блюдо катлама (запеченное слоеное тесто) и хинкал (куски мяса с раскатанным тестом, сваренные в бульоне, к нему обязательно подается соус из сметаны или простокваши с чесноком). Как и астраханские ногайцы, северокавказские ногайцы любят зеленый спрессованный чай с молоком. Кроме соли и масла, они также могут добавлять перец.

Ногайцы Северного Кавказа при открытии магазинов или кафе стараются давать им национальные названия.

Например, в поселке Кири-Кили в 90-е годы был магазин «Тулпар» (в честь сказочного крылатого коня), недавно ногайскими выходцами из Чечни в городе было открыто кафе «Аслар» (с ногайского языка – «еда», «кушанья», «яства»).

В середине 2000-х годов нами проводилось социологический опрос астраханских ногайцев карагашской группы. Среди вопросов анкеты были такие, которые затрагивали тему восприятия респондентами ногайцев Северного Кавказа. Опрос показал, что карагаши отличают себя от ногайцев Северного Кавказа, прежде всего по манере поведения и образу жизни, а потом уже по традициям, обычаям, языку и внешности. На вопрос об отношении карагашей к бракам с ногайцами Северного Кавказа, которые стали постепенно распространяться в современности, можно отметить такой факт, что в целом респонденты отнеслись к ним благожелательно. Но, приоритетным является вариант, когда астраханские парни будут брать в жены ногайских девушек из Северного Кавказа. К обратному варианту, опрошенные из карагашей, относятся более настороженно [6, с. 96].

Здесь можно отметить, что во внутрисемейных отношениях у северокавказских ногайцев распределение между супругами имеет более четкую форму. Прежде всего, бросается в глаза, более подчиненное положение женщины. У астраханских ногайцев эти отношения выглядят равноправными и менее урегулированными традиционными нормами. Так, у ногайцев Северного Кавказа до сих пор сохраняется обычай избегания между невесткой и свекром. Она может начать общаться со старшими родственниками жениха, только после официального разрешения. При общении должна проявлять сдержанность и скромность.

Ногайцы Северного Кавказа активно участвуют в деятельности ногайских этнокультурных объединений Астраханской области. На данный момент в городе действуют Ногайская местная национально-культурная автономия г. Астрахани «Ногай Эл» и Молодежный центр ногайской

культуры «Эдиге». В правлении этих организаций они занимают до 50% по численности. Совместно с астраханскими ногайцами северокавказские ногайцы проводят такие праздники как «Навруз» в парке «Аркадия», участвуют в организации концертных и молодежных мероприятий.

Именно в среде, окружающей общественные этнокультурные объединения, ярче всего проявляется тенденция общеногайского самосознания. Основаниями его является ощущение общности исторической судьбы, схожесть языка, многих элементов культуры. Необходимо также отметить, что Астраханская область, воспринимается ногайцами как часть территории, где раньше располагался центр Ногайской Орды. В национальном фольклоре всех территориальных групп ногайцев мира река Волга наделена эпитетом – «Мать» («Ана Эдил») и этот аспект является важным фактором проявляющемся в ногайском этническом самосознании [7].

Отдельно можно обрисовать ситуацию с ногайской молодежи. Отношения в молодежной среде между местными и приезжими ногайцами складываются по-разному [8]. В 90-е годы можно было говорить о неприятии астраханцами особенностей поведенческих стереотипов северокавказской молодежи. Сейчас наблюдается обратная тенденция. Молодежная ногайская культура в своей основе держится на привнесенных элементах из Северного Кавказа. Это касается, прежде всего, танцев. Модный сегодня кавказский танец «лезгинка» очень популярен у ногайской молодежи. Другое проявление – особый вид мужской стрижки под «битлов» и некоторые виды кавказских сленговых выражений тоже затронули молодых ногайцев.

Популярностью, вслед за северокавказскими ногайцами, в астраханской молодежной среде, пользуется маркировка автомобилей наклейкой «Кокь боьри» («Небесная волчица»). Также в свадебном кортеже молодые ногайцы

стремятся использовать флаги с символикой «Кобк боъри» или белый флаг с тамговым обозначением.

Еще один аспект, транслируемый ногойской молодежью сегодня, – это приверженность некоторых из них к религии. Увеличилось количество молодых людей, старающихся соблюдать религиозные предписания ислама. Причем приезжие это выражают больше. Внешне это касается, прежде всего, женской половины. Ношение платка и закрытых форм одежды распространено у ногойских студентов из Северного Кавказа. Здесь, конечно, важно понимать специфику исповедования религии в молодежной среде. Основная масса молодежи, в силу возрастных особенностей, часто воспринимает только внешние, обрядовые стороны религии, упуская многие тонкости основ веры.

Важным средством общения и выражения этнокультурных запросов является сегодня Интернет. Действует множество сайтов и групп в социальных сетях, где общается ногойская молодежь разных регионов. Можно встретить разные актуальные темы, обсуждаемые на Интернет-площадках. Одна из них касается этнокультурных ориентиров развития современного ногойского этноса. Есть как приверженцы принятия новых форм культуры, сложившихся под влиянием соседних народов (речь идет, прежде всего, о танце «лезгинка»), так и сторонники только традиционного пути развития, который условно можно назвать «культура домбры» [9].

Этнокультурные ногойские объединения, прежде всего Центр «Эдиге», делает много для развития дружественных отношений в молодежной среде между ногойцами разных регионов и другими народами Астраханской области. Проводятся различные просветительские, культурные и спортивные мероприятия в этом направлении. В своей работе организация ориентируется на возрождение этнокультурных основ ногойской культуры, сложившихся в традиционный период.

Популярностью пользуются такое мероприятие, как вечер встречи ногойской молодежи, которое трудно оценить однозначно. Организаторы стараются включить в программу этнокультурные компоненты, но доминирует танцевальная часть. К тому же вечера проводятся в ночных клубах, и таким образом, транслируется современная западная модель развлечений со всеми вытекающими последствиями, в ущерб приобщению молодежи к традиционной культуре. Данные явления можно рассматривать как прямое влияние урбанизации, которая ведет к высвобождению от этнических норм, что мы и наблюдаем у современной ногойской молодежи разных регионов в Астрахани [10].

В целом, хочется отметить, что, с одной стороны, северокавказским ногойцам легче социокультурно адаптироваться в Астраханской области, чем другим народами Северного Кавказа. Этому способствует, прежде всего, наличие нижневолжского ногойского массива населения, а также сформировавшаяся близкая тюркоязычная среда, состоящая из родственных народов ногойцам – казахов, татар и туркмен. При наличии социокультурной дистанции в первое время проживания, она довольно быстро нивелируется в последующем. Как факт проявления этого – наличие браков северокавказских ногойцев с местными не только ногойцами, но и татарами, и казахами. Но, с другой стороны, северокавказские ногойцы в социокультурном отношении не теряют связь с регионом, откуда появились в Астраханской области, являясь неким переходным этнокультурным образованием, в какой-то степени даже мостом, связывающим местное старожильческое население мусульманских народов с новыми северокавказскими переселенцами.

Библиография:

1. Арсланов Л.Ш., Викторин В.М. Кто такие астраханские ногойцы // Политическая агитация: журнал отдела пропаганды и агитации областного комитета КПСС Астраханской области. 1988. № 20. С. 11–15; Викторин В.М. Астраханские ногойцы // Ногойцы

сегодня (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 44). – М.: Институт этнографии и антропологии РАН, 1993. С. 20–31.

2. Викторин В.М. Идрисов Э.Ш. Астраханские ногайцы // Возрождение. Прошлое, настоящее и будущее народов Дагестана. Республиканский научно-популярный журнал. № 9. 2008. С. 23–25.

3. Идрисов Э.Ш. «Ногайский мир» в межтюркских связях XVIII-XIX веков (на примере ногайцев Нижнего Поволжья и Северного Кавказа) // Султан-Махмуд и его наследники в дагестанском историческом процессе (XVII-XVII вв): Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2011. С. 370-377.

4. Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги. Черкесск, 2009.

5. Идрисов Э.Ш. Этнокультурное движение ногайцев Астраханской области: проблемы и перспективы // Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. Вып. 2. Материалы «Джанибековских чтений». Астрахань, 2013. С. 32-41.

6. Идрисов Э.Ш., Казалиева К.Н. Этнокультурное воспроизводство астраханских ногайцев: состояние и перспективы // Современное положение и перспективы развития ногайского народа в XXI веке: Материалы Международной научно-практической конференции 2–4 ноября 2006 г. – СПб: Петрополис, 2007.

7. Трепавлов В.В. Волга в культурной традиции народов Восточной Европы // Этнографическое обозрение. 1997. №6. С. 103-108.

8. Измайлова Э.М. Современные проблемы ногайского молодежного движения в Астраханской области // Современное положение и перспективы развития ногайского народа в XXI веке: Материалы Международной научно-практической конференции 2–4 ноября 2006 г. СПб: Петрополис, 2007. – С. 99-103.

9. Идрисов Э.Ш. «Ногайский мир» на информационно-коммуникативных просторах Интернета // Историко-культурное и межэтническое единство Юга России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 8 октября 2011. Астрахань: Издатель Сорокин Р.В., 2011. С. 51-55.

10. Идрисов Э.Ш. Ногайцы в современной урбанистике города Астрахани // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 2 (39). С. 119-125.

2.7. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР «ДАГЕСТАН» В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Г.Д. Базиева

В настоящий период народы диаспоры, несмотря на сложные миграционные процессы и отсутствие территориальной и национальной целостности, стремятся сохранить этническую определенность и на «чужой» территории. «Проблема диаспоры как социокультурного, экономического и политического феномена значима во всей системе национальных и межэтнических отношений в связи с главными критериями этой специфической этнической группы: недоминирующее, негосподствующее положение; национальные, этнические, языковые и другие отличия от основной части населения; чувство солидарности в целях сохранения этих отличий»[1].

Этносоциологи, занимающиеся изучением феномена этничности в современных условиях отмечают, что традиционная этническая культура выполняет функции поддержки и укрепления этнической идентичности. «Сохранение исторического наследия культуры, культурных традиций – вот путь к сохранению целостности, в том числе и мировой культуры, основанной на духовных ценностях»[2], – отмечает врио Главы РД Р. Абдулатипов.

В настоящее время дагестанская диаспора в Кабардино-Балкарии насчитывает более 10 тысяч человек, на протяжении многих десятилетий дагестанцы проживают в дружбе и добрососедстве со всеми народами республики, являя собой пример интернационализма. В 1967 году в Кабардино-Балкарию были приглашены кубачинские ювелиры Г. Юзбашев и О. Шохаяев для оказания помощи в создании сувенирного цеха в г. Нальчике, а также подготовки высококвалифицированных специалистов – ювелиров. Известный в республике художник-прикладник И.-Х. Г. Сурхайханов (член Союза художников России с 1983 года) является председателем дагестанского национально-

культурного центра в Кабардино-Балкарии. Такие работы художника как «Генеалогическое древо рода Шогенцуковых» (горячая эмаль, 2000 г.), памятная медаль к столетию А. А. Шогенцукова (металл, 2000 г.), памятная медаль балкарцу Ахье Соттаеву (1788 – 1918), которая ежегодно вручается горновосходителям в мемориальном комплексе в п. Терскол, «интересны не только с точки зрения художественного восприятия, но и с точки зрения общественного звучания»[3]. Представители дагестанской диаспоры успешно работают в различных сферах народного хозяйства КБР.

Национально-культурные центры нетитульных этносов КБР начинают создаваться с конца 80-х гг. с целью изучения особенностей национальной культуры и традиций различных народов, проживающих в КБР, а также противостояния национально-экстремистским настроениям. НКЦ «Дагестан» в Кабардино-Балкарии был открыт в 1991 г., в достаточно сложный период обострения социально-политической и экономической ситуации в различных регионах РФ.

Основным отличием национально-культурных центров (далее НКЦ) от общественно-национальных объединений является сосредоточенность не на политических, а на культурных вопросах. В связи с этим определяются и основные задачи, стоящие перед НКЦ:

1. Сохранение и воспроизведение этнической, культурной и языковой самобытности;
2. Культурно-образовательная деятельность;
3. Развитие межкультурных связей с соотечественниками из других республик и стран;
4. Воспитание толерантного отношения к иным этноконфессиональным ценностям.

В рамках программы по *сохранению и воспроизведению этнической, культурной и языковой самобытности* НКЦ «Дагестан» совместно с фондом культуры и другими НКЦ КБР

проводит этнографические и тематические вечера, Дни памяти, традиционные национальные и религиозные праздники, празднует юбилеи известных деятелей РД и т.д. («Курбан-байрам, «Науруз-Байрам», «День Дагестанской культуры» и др.). Ежегодно 21 марта в Кабардино-Балкарском общественном фонде культуры отмечается праздник «Науруз-Байрам» при поддержке Министерства по информационным коммуникациям, работе с общественными объединениями и делам молодежи КБР и министерства культуры КБР.

В учреждениях культуры и образования КБР регулярно проводятся встречи учащихся, студентов и широкой общественности с активистами НКЦ в рамках проекта «Диалог культур», который реализуется Государственным комитетом КБР по делам общественных и религиозных организаций совместно с национальными культурными центрами с 2009 года. Проект «Диалог культур» направлен как на сохранение этнической идентичности, так и на развитие толерантных отношений в современном поликультурном пространстве через изучение культуры других народов РФ. Целью проекта является знакомство учащихся с культурой народов, проживающих в КБР и распространение идей толерантности и единства.

Культурно-образовательные программы НКЦ КБР включают в себя информационную и издательскую деятельность (открытие библиотек, укомплектованных литературой на русском и национальных языках, издание газет и т.д.), проведение научных конференций и культурно-просветительских мероприятий. 9 ноября 2010г. Министерством по делам молодежи и работе с общественными объединениями КБР в рамках проекта «Диалог культур» был организован «День дагестанской культуры» в Нальчикском филиале Белгородского университета потребительской кооперации. Целью мероприятия было знакомство студентов университета с историей, культурой и географией рас-

селения дагестанских народов). Большой интерес у студентов вызвали книжная выставка (произведения Расула Гамзатова, книги о национальных танцах дагестанских народов и истории Дербента) и документальный фильм о Дербенте (основные памятники и храмы Дербента, традиции и обычаи его жителей).

В 2014 г. в Государственной национальной библиотеке Кабардино-Балкарии прошёл вечер, посвященный 90-летию со дня рождения Расула Гамзатова. В нём приняли участие официальный представитель главы Дагестана в КБР Н. Шамсиев, председатель НКЦ «Дагестан» художник И. Сурхайханов, народный поэт КБР А. Созаев, поэт Ю. Болатов, директор музея-усадьбы К. Кулиева Ф. Кулиева, доктор филологических наук Н. Смирнова, студенты колледжа информационных технологий КБГУ и Северо-Кавказского государственного института искусств. В программу вечера входили доклады о творчестве великого дагестанского поэта, чтение стихов и исполнение песен на слова Р. Гамзатова. Ф. Кулиева рассказала студентам о тесной дружбе, связывавшей двух великих поэтов Северного Кавказа: К. Кулиева и Р. Гамзатова. В стихотворении «Памяти Кайсына Кулиева» Р. Гамзатов писал: «Скорби, Чегем... / И ты скорби, Кавказ, / Под траурною буркой южной ночи. / Балкария, закрой в последний раз / Сыновние безжизненные очи».

Этнокультурно-образовательные программы, реализуемые НКЦ КБР, направлены на решение многих проблем в воспитании личности: реализацию идей об единстве интересов личности, общества и государства, формирование исторического мышления и национального самосознания молодежи, так как в их основе лежит диалектическое единство культурно-исторических традиций каждого региона и каждой этнической культуры с мировой культурой.

Развитие межкультурных связей с соотечественниками из РД является важным направлением деятельности НКЦ

«Дагестан». Договор о дружбе и сотрудничестве между КБР и РД был подписан в 1993 году, что позволило упрочить социальные и культурные связи между народами, проживающими в Кабардино-Балкарии и Дагестане, наладить тесное экономическое сотрудничество. В 1994 г. (26 июля) была принята третья Конституция Республики Дагестан. В этот день в парковой зоне г. Нальчика по инициативе дагестанского национально-культурного центра при поддержке Фонда культуры Кабардино-Балкарии и Госкомитета республики по делам молодежи и общественных объединений проводятся праздничные мероприятия. Председатель общества русской истории и культуры «Вече» Анатолий Канунников во время проведения праздничных мероприятий в 2008 г. отметил: «Дагестан подарил миру немало талантливых врачей, ученых и спортсменов, видных деятелей культуры и искусства. Немало известных дагестанцев проживает и в нашей республике, и мы гордимся тем, что их талант расцвел на нашей земле, что их заслуги признаны здесь»[4].

В сентябре 2011 г. председатель дагестанского НКЦ И. Сурхайханов был приглашен на открытие Памятника единства – яркого символа единения и многовековой дружбы дагестанских народов, открытого 14 сентября в селе Кумух Лакского района накануне празднования Дня единства народов Дагестана. Памятник символизирует победу объединённых сил горцев над полчищами Надир-шаха в 1741 году. В центре мемориала фигура хана Муртазали Казикумухского, возглавляющего войско. Автором памятника является скульптор М. Алиев, для которого открытие мемориала стало самым знаковым событием 2011 г. «Тогда, 270 лет назад, все собрались в одну упряжку и разбили захватчика, который нес угрозу многим государствам. Это был большой, замечательный праздник в горах, а ведь мои земляки давно тоскуют по таким праздникам»[5].

В 2013 г. в Нальчик с двухдневным визитом прибыла делегация из Республики Дагестан во главе с министром по национальной политике А. Гасановым. Миссия делегатов, среди которых руководители министерств образования и науки, печати и информации, Комитета по туризму Республики Дагестан, заключалась в установлении и укреплении связей с профильными министерствами и ведомствами КБР. В рамках встречи состоялось подписание соглашения о сотрудничестве между Минспорттуризмом КБР и Комитетом по туризму Республики Дагестан. Данное соглашение содействует возобновлению туристических поездок жителей КБР к Каспийскому побережью, а представителей многонационального Дагестана – в Приэльбрусье. В Фонде культуры КБР состоялась встреча дагестанской делегации с руководителями национально - культурных центров. Дружеский диалог объединил представителей дагестанской и других диаспор, лидеров молодежных движений и студентов из Дагестана, обучающихся в вузах КБР. «Цель нашей поездки – познакомиться с коллегами министерств и ведомств соседних республик лицом к лицу для налаживания взаимного сотрудничества, поговорить о наших общих проблемах и возможных путях их решения, оценить работу Представительства Республики Дагестан в Республике Кабардино-Балкарии, встретиться с дагестанской диаспорой и обсудить волнующие их вопросы. Не будет преувеличением, если скажу, что наши республики – это «лаборатории национальных отношений», и наша общая задача – возродить опыт дружеских отношений, существовавший в советские времена»[6], – сказал в своем приветствии руководитель делегации, министр по национальной политике Республики Дагестан А. Гасанов.

Были внесены предложения о создании Дома дружбы в Дагестане и проведении совместных фестивалей, концертов, выставок. А. Гасанов отметил, что есть соответствующее поручение врио Главы РД Рамазана Абдулатипова, которое

находится на стадии исполнения. Ключевым моментом мероприятия стала торжественная церемония награждения приглашенных почетными грамотами Министерства по национальной политике РД и Комитета по туризму РД за выдающиеся достижения в различных сферах деятельности.

Формирование формулы «согласия» в современном обществе – основные задачи культурной политики РФ, предусматривающей процессы интеграции различных этнических культур в единое культурное пространство. Важное значение в достижении толерантности и согласия на территории РФ имеет выработка универсальных принципов, основанных на взаимопонимании и сотрудничестве в различных сферах жизнедеятельности общества: социально-экономической, политической, духовно-нравственной. «Чем более плюралистично общество, тем более важна и более настоятельна задача достижения согласия на основе некоторых универсальных принципов. В том случае, если народы стремятся к успешному сосуществованию, эти принципы должны быть признаны независимо от различий в этническом восприятии и ориентации» [7], – отмечает В. Губер.

Воспитание толерантного отношения к иным этноконфессиональным ценностям реализуется в рамках программ, ориентированных на разработку концепции толерантности и согласия, стратегий по ее реализации, учитывающей национальную специфику различных регионов РФ. Совместно с кабардино-балкарской лигой «Новое лицо» в фонде культуры проводятся мероприятия в рамках программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма среди молодежи». В Кабардино-Балкарском фонде культуры регулярно проходят мероприятия, посвященные проблемам толерантности (дискуссия «Толерантность – это мир») и интернационализма (встречи интернациональных семей), в которых принимают участие представители всех национально-культурных центров республики. В мае 2014 г. по инициативе республикан-

ской общественной организации «Единство» в Кабардино-Балкарском государственном аграрном университете прошёл «круглый стол» «Кабардино-Балкария – дом дружбы народов», участниками которого стали представители национально-культурных центров КБР.

В марте 2014 г. по инициативе Госкомитета по печати и массовым коммуникациям КБР в редакции газеты «Кабардино-Балкарская правда» состоялся «круглый стол» с участием руководителей общественных организаций республики. Открывая встречу, председатель Фонда культуры КБР, генеральный директор телекомпании «Нальчик», член правления Союза кинематографистов России В. Вороков отметил, что проблема формирования толерантных взаимоотношений в полиэтничном обществе вновь становится актуальной в связи с событиями на Украине.

На данной встрече И.Г. Сурхайханов, председатель культурного центра «Дагестан», отметил, что «Дагестан – самая большая Северо-Кавказская республика, самый южный субъект Российской Федерации. Он не столь давно вошёл в состав России, как, например Кабарда. Однако Дагестан очень чтит и уважает российский народ. В 2000 году впервые в южном регионе был открыт памятник русской учительнице, и это событие состоялось в Дагестане, как символ единения дагестанцев с русскими. Затем примеру его жителей последовали в других северокавказских республиках. Полный курс подготовки в Центре подготовки лётчиков-космонавтов имени Ю. А. Гагарина первым среди представителей северокавказских республик прошел житель Дагестана – Магомед Омарович Толбоев – лётчик-испытатель, Герой Российской Федерации. Это ли не свидетельство единства Кавказа с Россией? Мы, дагестанцы, живущие в Кабардино-Балкарии, говорим, думаем на русском языке, проходили обучение на этом языке[8].

Формирование коллективной идентичности невозможно без осознания полиэтничности современного рос-

сийского общества, без толерантного и уважительного отношения к любой культуре, этноконфессиональным традициям и обычаям народов РФ. Основные задачи национально-культурных центров по сохранению и воспроизведению этнической, культурной и языковой самобытности, развитию межкультурных связей с соотечественниками, воспитанию толерантного отношения к иным этноконфессиональным ценностям решаются НКЦ «Дагестан» успешно.

В республике регулярно оказывается помощь и содействие национально-культурным центрам в проведении ими культурных, праздничных и иных мероприятий, обеспечивается организационная и информационная поддержка, в том числе в подготовке телевизионных передач в рамках реализуемого ГТРК КБР проекта «Мир дому твоему», а также в организации и проведении национальных праздников, культурных мероприятий, презентаций и т.д.

Библиография:

1. Диаспора как социокультурный, экономический, политический феномен в полиэтническом макрорегионе. Ростов-на Дону, 2007. С. 4.
2. Абдулатипов Р.Г. Духовные основы интеграции международных образовательных систем // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 1. 2010. С. 11.
3. Маремкулова Л. Красота и доброта - основа жизни и творчества // Мир Кавказу. 2010. №3.
4. Терн М. Золотые часы в подарок// URL: [http: sk/ news](http://sk/news) (Дата обращения 10.08.2014)
5. Вестник. Северный Кавказ. №5-6. 2011 // URL: [http: www.severnykavkaz.ru/.../2011/#!/729](http://www.severnykavkaz.ru/.../2011/#!/729) (Дата обращения 12.08.2014).
6. Делегация из Дагестана во главе с Алексеем Гасановым посетила Кабардино-Балкарию с двухдневным визитом// URL: [http: www.minnaz.ru](http://www.minnaz.ru) (Дата обращения 21.08.2014).
7. Губер В. Культура мира // На пути к культуре мира и ненасилия: мат-лы междун. науки-искусств. конф. 8-9 декабря. 1997. М., 1998. С. 242.
8. Богачева И. Северный Кавказ - неотъемлемая часть России // КБП. 13 марта, 2014.

2.8. «ВЕЩНЫЙ МИР» ЧЕЧЕНЦЕВ В ИНОЭТНИЧНОМ ОКРУЖЕНИИ (на примере одежды и системы питания)

Б.Б.-А.Абдулвахабова

Политические процессы в Чеченской Республике конца XX – начала XXI в. стали причиной массового исхода ее жителей, как в сопредельные субъекты Российской Федерации, так и в страны ближнего и дальнего зарубежья [1, с.566-567].

Чеченцы оказались за пределами малой родины по разным причинам. Но основной исход чеченцев за пределы Чеченской Республики связан с военными действиями на территории Чечни, особенно в период двух войн за одно десятилетие (1994-2000 гг.). [2, с.3-7]. Чеченский этнос формировался в сложном регионе в языком, этническом и религиозном отношениях. Живя столетиями бок о бок с народами близкими или в корне отличающимися культурными традициями, чеченский народ сумел «взрастить» в собственной этической культуре терпимость, доброжелательное отношение к окружающим народам, стремление решать конфликтные ситуации мирным способом. Поэтому традиции толерантности всегда были присущи чеченскому народу с глубокой древности. Эти и многие другие факторы позволили им мирное сосуществование в окружающем мире, помогая избегать излишнего влияния, сохранить собственную самобытность.

Сегодня проблема интеграции мигрантов стала мировой проблемой. Так как перемещение целых этнических групп в иноэтничное окружение, по разным причинам: социально-экономическим, военным и т.д., стало привычным для многих стран и народов. Для чеченцев это особо актуальная тема. Начиная со второй половины XIX века и кончая последним десятилетием XX века, как уже отмечалось, некоторой части чеченцам пришлось покинуть историческую родину и оказаться в иноэтничной культуре. Оказав-

шись в иноэтничной среде, они оказываются интегрированными в унифицированную «европейскую» урбанистическую культуру.

Для чеченцев, находящихся в инонациональном окружении, которые испытывают, с одной стороны, влияние культурных традиций этнического большинства, а с другой стороны - общегородской урбанизированной культуры особенно актуально сохранение своей этнической идентичности.

«Процесс воспроизводства этнической идентичности заключается в качестве сохранения и поддержания национальной самобытности (национальной культуры, традиций, языка). Попадая в другую культурную среду, имеющую иные нормативно-регулятивные механизмы, мигранты вынуждены принимать условия этой среды, и проявление собственных этнических особенностей, а тем более их поддержание и закрепление, становится затруднительным»- пишет социолог Л.У.Курбанова [3, с.174].

Одним из основных маркеров этнической идентичности являются основные элементы жизнеобеспечивающих систем, такие как одежда и пища. Одежда и пища играют важную роль в сохранении этнической идентичности этнических меньшинств, хотя не всегда удается сохранять эти элементы на бытовом уровне. Очевидна тенденция для мигрантов в европейские страны доминантной роли западной массовой культуры. В этих культурных системах присутствуют не только прогрессивные, но негативные моменты, среди которых немало элементов, не соответствующих национально-традиционным установкам [4,с. 200].

Для тех чеченцев, которые живут сегодня за пределами Чечни, в субъектах Российской Федерации и за ее пределами характерны в одежде и системе питания две противоположные тенденции: восточная и европейская. В костюме, особенно девушек и молодых женщин появляются детали, различные элементы, «не имеющие отношения к исконным народным традициям» [5, с.201-202].

Одежда чеченцев имеет многовековую историю. Несмотря на то, что каждый этнос или этническая группа от-

личается некоторыми специфическими особенностями, множество общих элементов одежды чеченцев и других народов Северного Кавказа, свидетельствует об их общей исторической судьбе, взаимовлиянии различных культур, сложившихся в течение многих веков, общих чертах национальной одежды и украшений. Изменения в традиционную одежду и украшения начинают вносить лишь с начала XX века. Их трансформация наиболее четко наблюдалась в основном среди городского населения.

Современная одежда, особенно мужская, в основном представляет собой наряд европейского типа. Национальная форма одежды сохранилась в трансформированном виде среди мужской и женской части населения. А в городах мужчины полностью перешли на современный европейский стиль.

Если в европейских странах можно встретить женщин в джинсах, спортивных костюмах и даже в мини-юбках и т.д., то на постсоветском пространстве большее влияние оказывает восточная культура. К примеру, в женской одежде, помимо модных европейских тенденций, наблюдается сильное влияние в одежде исламских традиций. В моде хиджаб, который постепенно становится неотъемлемой частью молодежного «прикида». Удлинились юбки и платья (до щиколоток), прямые широкие силуэты, скрадывающие очертания фигуры, воротники-стойки, закрывающие шею, кое-где короткие (до колен) туники с узкими брюками. В целом современная одежда чеченцев в иноэтничной среде представляет собой сложную динамическую систему, отличающуюся большим разнообразием.

У каждого народа существует своя, исторически сложившаяся традиционная кухня. Это обусловлено укладом жизни, формами ведения этнического хозяйства, обычаями, традициями, вероисповеданием, географических и климатических условий и т.д.

Национальная пища чеченского народа, составляющая органическую часть его культуры, претерпела существенные изменения.

Традиционная пища была неотъемлемой частью этапов жизненного цикла чеченцев (от рождения до смерти), играя не только утилитарное, но и символическое значение. Известно, что способ удовлетворения потребности в пище является ярким показателем степени развития культуры этноса. В связи с этим национальная пища выполняет определенные поведенческие и обрядовые функции в системе социальных связей людей, отражая их взаимоотношения в обществе, нормы и формы поведения, а также отношения к различным событиям семейной и общественной жизни.

В современных условиях стандартизации и унификации многих явлений культуры и быта сфера пищевых запретов и приоритетов сохраняет максимальное количество этнически значимых черт. В традиционной системе питания продукты животноводства чеченцев значительное место занимали растительные продукты.

Значительное место в пище занимали продукты огородничества, бахчевые культуры, дикорастущие растения, определенное место занимали также и продукты охоты. Широко применялись в пище много трав, разные приправы, пряности.

Большое место в пище занимали напитки: чай натуральный, чай из трав, соки фруктовые. Характерной чертой чеченцев являлось воздержанность и умеренность в еде. Поспешная еда и чрезмерная разговорчивость за столом считалось признаком невоспитанности. В пище чеченцев много заимствований из национальной кухни других народов. Очень популярны манты, пельмени, плов, борщи и другие.

В настоящее время произошли существенные изменения в питании чеченцев: ассортимент блюд значительно пополнился за счет продуктов, покупаемых в магазинах, на базаре [6, с.5-8].

В целом традиционные национальные блюда и сегодня доминируют в чеченской кухне. Существует традиционный дневной и годовой режим питания. В состав совре-

менных блюд входят различные салаты, зелень. Помимо повседневного употребления, они являются и праздничными.

Но в целом, для чеченцев-переселенцев, живущих в контакте с другими этническими группами, в системе питания заметнее всего процессы взаимовлияния и взаимопроникновения культур. Но, где бы они не проживали, всегда существует «табу» на определенные мясные продукты.

Таким образом «вещный мир чеченцев» в иноэтничной среде характеризуется в определенной степени традиционными, и новыми, смешанными явлениями, характерными для многих современных культур.

Библиография:

1. Осмаев А.Д. Чеченская диаспора в Европе// Чеченцы. М.,2012.
2. Абдулвахабова Б.Б.-А., Гайсултанова А.А. Проблемы духовно-нравственного воспитания чеченской молодежи в постконфликтный период//Россия и Кавказ: история и современность глазами молодежи. Карачаевск, 2010.
3. Курбанова Л.У. Проблемы и процессы гендерной самоидентификации чеченцев. Теоретическое и эмпирическое исследование. Краснодар, 2012.
4. Иванова С.Ю. Специфика межкультурного диалога на Северном Кавказе: история и современность//Народы Кавказа в пространстве Российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону,2011.
5. Доде З.В. Современные инновации в костюме северокавказского населения в свете народных традиций// Народы Кавказа в пространстве Российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону,2011.
6. Абдулвахабова Б.Б. Пицца чеченцев: традиции и новации//Современные процессы в российской социологии, экономике, исторической науке. Кизляр, 2009.

ГЛАВА III. ДАГЕСТАНЦЫ В ЗАКАВКАЗЬЕ, СТРАНАХ АЗИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: НАПРАВЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ

3.1. ДАГЕСТАНСКАЯ ДИАСПОРА В ТУРЦИИ: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК

М. М. Магомедханов

В данной статье под дагестанской диаспорой понимается часть дагестанских народов, проживающая вне страны своего происхождения, образующая сплочённые и устойчивые этнические группы в стране проживания, и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей идентичности и общности. Дагестанская диаспора возникла в результате вынужденной или добровольной эмиграции групп населения. Исследователи выделяют несколько этапов эмиграции, приведшей к образованию диаспоры: 1859-1872, 1877-1883, 1893-1917, 1917-1922, 1947-1955. Каждый из этапов имел свои причинно-следственные особенности.

По свидетельствам исторических источников наиболее ранней формой эмиграции дагестанцев в Турцию в X-XI вв. было стремление к удовлетворению духовных запросов и получению знаний. В результате некоторые из них оставались жить в крупнейших центрах арабо-мусульманской культуры – Багдаде, Дамаске, Каире, Мекке, ну и конечно Стамбуле. По словам И.Ю. Крачковского, «дагестанцы и за пределами своей Родины, куда их закидывала судьба, оказывались общепризнанными авторитетами для представителей всего мусульманского мира»[1].

Со второй половины XIX в. после окончания Кавказской войны переселение дагестанцев в Османскую империю стало приобретать массовый характер. Это явление, известное как мухаджирство, было обусловлено рядом политических, социальных, религиозных факторов. Эмиграция дагестанцев в Турцию продолжалась вплоть до 1920-х. Накануне и после установления Советской власти в Дагестане в Турции оказались многие дагестанцы – царские офицеры, почти все члены правительства Горской республики и т.д.

Османская империя имела этнически разнородный состав населения. На ее огромной территории турки-османы («османлы турк») составляли этническое большинство лишь в трех, четырех провинциях Анатолии. В некоторых восточных провинциях Малой Азии собственно турки составляли примерно треть населения; другие две трети были представлены курдами, армянами, лазами и другими этническими группами. В арабских странах Османской империи турки являлись этническим меньшинством, хотя и правящим. В европейской части империи доля турок в составе населения не достигала и десятой части. К тому же, сами турки не представляли собой этнокультурного единства: собственно турки («османлы тюрк»), гаджялы, гозлуки, герлоевцы, кызылбаши, юрюки (кочевники), караманлы (греки по происхождению) и т.д.

Современная карта расселения северокавказцев в странах Ближнего Востока и Передней Азии, исторически входивших в состав Османской империи, в целом идентична поселенческой структуре, сформированной османскими властями со второй половины XIX – до начала XX вв.

По сообщениям наших информаторов, потомки северокавказских мухаджиров проживают в 49-ти из 68 вилайетов Турции[2]. Населенных пунктов, основанных мухаджирскими, насчитывается до девяти сот, в том числе дагестанских – более ста.

Дагестанцы, как и все выходцы из Северного Кавказа, пополняли главным образом сельское население Османской империи. Хотя они и старались селиться отдельно от турок, курдов, арабов и т.д., многие поселения были этнически смешанным. В городах же могли обосноваться в основном те из мухаджиров, которые были в состоянии приобрести недвижимость или обладали знаниями и способностями, позволявшими рассчитывать на службу в государственных учреждениях или духовных заведениях.

Определить численность современной северокавказской диаспоры за рубежом трудно, так как статистика населения по этническим группам ни в Османской империи, ни в Турецкой Республике не велась. Другая причина кроется в процессах ассимиляции потомков северокавказских мухаджиров и, как следствие, в двойственности, неопределенности их этнического самосознания. В этой связи, сведения различных источников о численности северокавказцев за рубежом носят приблизительный, оценочный характер.

В этой связи заслуживают особого внимания основанная на материалах османских архивов сведения турецкого исследователя черкесского происхождения Б. Хабичоглу о переселенцах из Кавказа, прибывших в Османскую империю с 1858 по 1907 гг.: черкесов (в т.ч. кабардинцев) - 700.000 чел.; абхазов и абазин - 50.000; ногайцев - 30.000; чеченцев - 45.000; дагестанцев - 20.000 человек[4].

Общая численность выходцев из Северного Кавказа и Дагестана в пределах Османской империи может быть определена в пределах 1,5 млн. человек. Что касается современной численности северокавказской диаспоры за рубежом, то на данном этапе исследования можно полагать, что она составляет примерно 1,5-2 млн. человек, в том числе дагестанцев до 100.000 человек.

Турция по сравнению с другими странами мусульманского Востока постоянно реформировалась. Оказав-

шись в "эпицентре" нескольких цивилизаций — европейской, славянской, арабо-мусульманской, кавказской, общетюркской — турки, составлявшие к тому же менее трети населения Османской империи в течение длительного времени осваивали и адаптировали достижения других народов, в том числе в сфере экономики, техники, политической культуры.

Кардинальные изменения в жизни турецкого общества связаны с кемалистской революцией и реформами Ататюрка. Центром кемалистской революции, ее опорой были города Эрзерум, Сивас, Токат, т.е. провинции, в которых северокавказцы и, конечно, дагестанцы составляли значительную часть населения.

Как признают турецкие историки, опорой младотурков в национально-освободительной войне ("Истиклал Саваш") 1918-1923 гг. являлись именно они. Известно, что решающие события в этой войне разворачивались в Сивасе — провинции с преимущественно северокавказским населением. Напомним также, что традиционно многие северокавказцы, и в том числе дагестанцы, занимают в высокие посты в турецкой армии.

По Московскому Договору о дружбе и братстве между Советской Россией и Турцией от 16 марта 1921 Турецкой республике были переданы округа Карс, Ардаган, Артвин, которые с 1878 входили в состав Российской империи. В этих округах проживала относительно крупная дагестанская община из числа переселившихся туда до 1878 и многочисленных отходников, которые, пользуясь установленными Карским договором от 13 октября 1920 г. о дружбе между Турцией и закавказскими республиками льготами, облегчавшими переход границы, отправлялись туда на заработки. В 1924 граница между Турцией и СССР была закрыта и все дагестанцы, в т.ч. мужчины-отходники, которые оказались в изоляции от оставшихся в Дагестане семей,полнили число мухаджиров. Во второй половине 1940-х в

Турции оказались и бывшие военнопленные-невозвращенцы, которые по различным причинам отказались возвращаться в СССР.

В Турецкой республике авторитет вооруженных сил традиционно очень высок. Северокавказцы составляют значительную часть офицерского и высшего командного состава турецкой армии. Напомним, что военные в Турции трижды (27 мая 1960 г. ; 12 марта 1971 г. ; 12 сентября 1980 г.) приходили к власти.

Вопросы межэтнических отношений регламентируется Конституцией (новая Конституция принятая 7 ноября 1982 г.). Так по ст. 66 «каждый, кто связан узами гражданства с турецким государством – турок»: «Ребенок от отца – турка или матери – турчанки – турок». По ст. 24 «обучение и преподавание религии и морали осуществляется под надзором государства». Ст. 120 гласит: «Никакой иной язык, кроме турецкого, не может преподаваться турецким гражданам в общеобразовательных учебных заведениях в качестве родного языка»[6]. В Конституции содержится и ряд статей, признающих этнический сепаратизм вне закона.

В последние годы большое внимание уделяется религиозному воспитанию. Наряду с множеством религиозных школ, в 26-ти ВУЗах страны действуют богословские факультеты. Кроме того, Турция является одной из ведущих стран по части подготовки духовных лиц для мусульман Средней Азии, Поволжья, Кавказа. Отметим также, что в Турции функционирует ряд северокавказских культурно-образовательных фондов, таких как фонд Шамиля (в Стамбуле), "Дагестан" (в Анкаре), "Кавказ" (в Ялова, городе-побратиме Махачкалы), "Кузей Каф-касийа" (в Стамбуле и филиалы в городах Бурса, Измир, Кайсери, Гёк-сун) и др[7]. Эти фонды работают над установлением культурных, спортивных, деловых и личных связей с соотечественниками, живущими на исторической Родине. В Республике Дагестан аналогичные задачи упрочения связей с диаспорой ставит

Дагестанская ассоциация по связям с соотечественниками за рубежом (Ассоциация «Ватан»). О ситуации в Дагестане турецкие дагестанцы имеют представление не только из побочных источников, но и из опыта пребывания на исторической Родине по ностальгическим мотивам, с целью поиска родственников, налаживания деловых связей и т.д.

Формирование дагестанской диаспоры сопровождалось сменой привычного уклада жизни, адаптацией к политико-правовой системе, экономическим и социальным реалиям страны проживания, активной инкорпорацией дагестанцев в военную, политическую, интеллектуальную, религиозную элиты. В большом перечне выдающихся деятелей дагестанской диаспоры в Турции – генералы Газимухаммад Шамиль, Мухаммад Мухлис-паша Дагистанлы, Мухаммад Фазил-паша Дагистанлы, шейхи Джамалутдин ал-Газигумуки, Мухаммад Дагистани ал-Мадани (ал-Кикунни), Шерафеддин Дагистани (ал-Кикунни), обществ. деятели Ахмед Саид-бей Дагистани, Омер Хулуси Дагистани, гос. деятели, писатели, поэты, ученые и многие другие[8].

Последние десятилетия под влиянием урбанизации население стало мигрировать из экономически малоперспективных селений в города. По этой и другим причинам ряд северокавказских и дагестанских сел обезлюдели. Так, в провинции Кайсери из около 70-ти северокавказских селений к настоящему времени осталось менее 50-ти. Та же ситуация в провинциях Карс, Токат, Муш и др.

Отчуждение от исторической Родины предопределило этнокультурную динамику дагестанской диаспоры, характеризующуюся ассимиляцией с национальным большинством стран проживания. В этих условиях основным способом актуализации диаспорой своей этнической идентичности остается социальное самоутверждение, достижение престижных позиций в сфере материального производства, образования, науки, государственной и военной службы.

Вплоть до конца 1980-х годов связи дагестанцев с соотечественниками в Турции были крайне редким явлением. В последние четверть века связи эти, особенно в сфере экономики и культуры, развиваются в русле динамики российско-турецких отношений и мировых геополитических процессов. Это очень важно, так как сегодня определяющими социально-культурный облик нашей диаспоры в Турции свойствами и показателями являются не этнографические особенности, а ориентация на зажиточную и комфортную жизнь. В Турции исторически сложилась тенденция притупления национального самосознания, и социальное самочувствие представителей любого народа здесь определяется гражданской, а не этнической принадлежностью.

Библиография:

1. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 6. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
2. Магомедханов М.М. Дагестанцы в Турции. Махачкала, 1997.
3. Еремеев Д. Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М.: МГУ, 1992.
4. Хабичоглу Б. Кавказская Анатолия. Стамбул, 1993
5. Мусаева М.К., Магомеддадаев А.М., Курбанов М.Ю. Дагестанская диаспора в Турции (Историко-этнографические очерки). Махачкала, 1999/
6. Andrews P.A. Ethnic Groups in the Republic of Turkey. Wiesbaden: Reichert, 1989.
7. Магомеддадаев А.М. Эмиграция дагестанцев в Османскую империю. Кн. 2. Махачкала, 2001.
8. Муртазалиев А.М. Писатели дагестанского зарубежья: Библиографический справочник. Махачкала, 2006.
9. Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность. Махачкала 2001.

3.2. ДАГЕСТАНЦЫ В ГЕРМАНИИ: ИНТЕГРАЦИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

З.М.Халилова

Активное развитие интеграционных процессов во всех сферах человеческой деятельности, существенное ускорение темпов развития науки, социальной жизни и образования актуализировали изучение вопросов ее возникновения в повседневной жизни, а также осмысление теоретических предпосылок интеграции в образовании и науке и определение ее сущности. Отметим, что, по мнению ученых, «...интеграция способствует: 1) повышению результативности и эффективности исследований; 2) повышению качества образования и подготовки научно-технических кадров, эффективности использования бюджетных средств, активизации взаимосвязи с бизнесом и процессов коммерциализации результатов прикладных научных исследований и разработок; 3) притоку молодежи в сферу исследований и разработок и др.»[1]. В контексте же данной работы интеграция будет рассматриваться как освещение специфического способ взаимодействия в международном формате в строго определенных областях – образовании и науке.

Следует отметить, что интеграция в образовании и науке в России имеет богатую историю, насчитывающую более 400 лет, а в Дагестане отсчитываемую от конца прошлого столетия. В настоящий же период эта деятельность осуществляется в рамках «Концепции модернизации российского образования», впервые на государственном уровне обозначившей важность развития международной деятельности в области подготовки кадров. Сегодня, свыше двух тысяч российских граждан: студенты, аспиранты, преподаватели и научные работники – ежегодно проходят обучение в более чем 30 странах мира на основе международных договоров Российской Федерации, а также прямых партнерских связей российских и зарубежных учебных заведений по следующим формам: полный курс обучения, стажировка (в т.ч. языковая), научная работа, повышение

квалификации[2]. В условиях нарастающей академической мобильности сотрудничество с европейскими партнерами становится неотъемлемой частью российской образовательной системы. Не исключением в этой цепи стала и Федеративная республика Германия.

Возвращаясь непосредственно к теме сообщения, подчеркнем, что Дагестан задействован фактически во всех отраслях этого сотрудничества. Так, в 2000-м году впервые студенты второго курса факультета иностранных языков Дагестанского государственного университета по программе академического обмена студентами были направлены для полного обучения в Германию на 1 год. В течение этого года студентки из Махачкалы жили в принимающих семьях Германии и обучались в вузах страны. Отметим, что все они успешно интегрировались в немецкое общество и сегодня продолжают свою, зачастую научную деятельность на территории этой страны, а некоторые, расширяя границы социализации, заключили международные браки.

В дальнейшем DAAD (немецкая служба академических обменов) расширила свою деятельность по привлечению дагестанского студенчества для обучения и научной деятельности в Германии. В последнее десятилетие ДГУ направляет своих студентов на стажировку в Германию по целому ряду программ. Так, выпускники университета, а также бакалавры получили возможность продолжить обучение (на 1 год) по направлению Европеистика (European Studies, M.A.). В первом семестре обучение проходит в Институте им. Клауса Менерта при Калининградском государственном техническом университете (г. Калининград), а во втором в Вуппертальском университете (г. Вупперталь, Германия). Причем финансирование обучения проводится за счет средств двух немецких фондов: Роберта Боша и фонда им. Марги и Курта Мелльгаард.

Помимо этого DAAD позволило ряду аспирантов и преподавателей вузов республики в рамках деятельности российско-германских программ «Михаил Ломоносов» и «Иммануил Кант, финансируемым на паритетной основе

совместно с Министерством образования и науки Российской Федерации принять участие в выполнении научных проектов в области естественных и технических наук (М. Ломоносов) и гуманитарных, социальных, юридических и экономических наук (И. Кант) в научных центрах Германии.

Также, по приглашению Немецкой службы академических обменов (DAAD) трижды в год группы студентов от 10 до 15 человек выезжают на одну-две недели в Германию с ознакомительными поездками для проведения встреч с немецкими студентами и учеными, установления контактов с вузами, организациями и учреждениями, представляющими интерес с профессиональной точки зрения, а также получения страноведческих знаний[3].

Так как единственным условием для участия в программах DAAD является знание немецкого языка, другими германскими проектами дагестанцам была предоставлена возможность в получении языковой практики в крупнейших центрах Германии. Ими стали: Институт им. Гете более 50-летний работающий в этом направлении, постоянно совершенствующий методики преподавания, квалификацию преподавателей, а также проводящий регулярную комплексную оценку деятельности отделений и общей программы курсов, и колледж «Schiller Language School» – основанный с целью обучения и повышения квалификации студентов из разных стран в знании немецкого языка для поступления в высшие учебные заведения Германии и их жизни в немецком обществе[4]. Особые привилегии в этом направлении с 2010 года предоставляются преподавателям вузов республики по немецкому языку Потсдамским университетом Германии. Университет предлагает программу 3-х недельного повышения квалификации и улучшения языковых знаний на безвозмездной основе[5].

В последние годы не только студенты ДГУ, но и учащиеся других вузов также активно стажировались в Германии. Так, в 2013 году 14 студентов Дагестанского государственного института народного хозяйства были направлены

на 8 месяцев на стажировку в различные фермерские хозяйства Германии.[6]

В текущем году ДГИНХ по договору о сотрудничестве в рамках программы международного студенческого обмена в Кемницкий технический университет Германии на семестровую стажировку с полным покрытием всех расходов со стороны вуза и стипендиальным обеспечением за счёт ДГИНХ было отправлено еще трое студентов[7]. К сведению, г. Кемниц являющийся промышленной столицей Саксонии, довольно большой по немецким меркам город на 350 тысяч жителей, располагающий к жизни, труду, учебе, культуре и отдыху. Кроме того, в выходные дни студенты могут путешествовать по всей Германии, а также в близлежащие европейские страны!

В том же году, при содействии Духовного управления мусульман Москвы на стажировку в Германию для участия в Европейской студенческой конференции European Students' Conference (ESC), Charite and Berlin выехали дагестанские студенты-медики, победители конкурса, проводимого в рамках проекта "Дагмед". По словам самих ребят: «... участие в конференциях такого рода, является большим успехом, так как предлагаемые туда работы проходят жесткий отбор»[8]. Особенностью стажировок для студентов в Германии является тот факт, что по завершению стажировки либо на следующий год студенты могут поехать туда на сезонную работу сроком на 2-3 месяца.

С не меньшим успехом проходит и интеграция дагестанцев в немецкое сообщество в научной сфере. Так, уже более 10 лет ученые Института языка, литературы и искусства ведут совместные научные проекты на базе Института эволюционной антропологии им. Макса Планка в г. Лейпциг. За последние 5 лет, в научных лабораториях Института была осуществлена подготовка кандидатской и докторской диссертаций соискателей ИЯЛИ ДНЦ РАН. Учеными этих институтов опубликованы крупные научные труды – «Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа: сопоставление основной лексики» (более 50 п.л.) и первый

том «Грамматики бежтинского языка: Фонетика, морфология и словообразование», а также двуязычные сборники фольклорного материала малочисленных бесписьменных народов Дагестана – хваршин и цезов. Не менее частым явлением бывает участие дагестанских ученых в научных мероприятиях, проводимых в Германии, в частности в Международной научной конференции по языкам Кавказа. Лейпциг: Институт эволюционной антропологии, 2007 и других[9].

Вполне успешно контактируют с германскими учеными и представители других отраслей гуманитарной и естественной наук. К примеру, ученые историки и археологи из Дагестана являются довольно частыми посетителями отделения Федерального архива Германии в Берлине и Кобленце. Некоторые дагестанские ученые, выполняющие научные проекты в Германии в то же время являются и лекторами, например, в Йенском университете им. Ф. Шиллера.

Научные связи распространены и на область медицины. Так, Османом Махачевым, руководителем немецкой медицинской компании MCR GmbH (Medical Center Ruslan), совместно с доктором медицинских наук Мартином Энгельхардтом не только предоставляют эксклюзивные услуги по организации лечения в Германии для граждан Российской Федерации и СНГ, но и ведут научную и практическую деятельность в Университетской клинике города Оснабрюка[10].

Безусловно, это не весь спектр интегративных связей Дагестана и Германии в сфере науки и образования, но все вышеперечисленное весьма ярко иллюстрирует этот процесс, в принципе, не нуждаясь в дополнительном комментировании.

Библиография:

1. Егорова Ю.А. Проблема интеграции науки и образования// Современные наукоемкие технологии. – 2008. – № 1.стр.74-75.
2. Международное сотрудничество в сфере образования и экспорт образовательных услуг [электронный ресурс]// Высшее обра-

зование в России /URL: <http://www.russia.edu.ru/information/analit/vis/1301,5> (дата обращения 25.09.2014)

3. Новости DAAD [электронный ресурс]// Информационный портал дагестанской молодежи./ URL: http://www.dagmol.ru/pub/novosti/daad_priglasjaet_studentov_v_germaniju_27_09_2013 (дата обращения 25.09.2014)

4. Изучайте немецкий язык в Германии [электронный ресурс]// официальный сайт Дагестанского государственного университета/ URL: <http://www.dgu.ru/internationalprograms/453-2011-09-23-05-32-43.html> (дата обращения 25.09.2014).

5. Fortbildung russischer Deutschlehrer [электронный ресурс]// официальный сайт Университета в г. Потсдаме, Германия/ URL: <http://www.uni-potsdam.de/aaa/kurse/fobi> (дата обращения 25.09.2014).

6. ДагГАУ - наши студенты в Германии [электронный ресурс]// сайт Академика.ру/ URL: <http://mahachkala.academica.ru/university/15158-Dagestanskaja-gosudarstvennaja-selskohozjajstvennaja-akademija/video/?ID=758636> (дата обращения 25.09.2014).

7. Международные стажировки студентов ДГИНХ // газета «Черновик». Махачкала, №22 от 6 июня 2014.

8. Дагестанские студенты-медики вернулись со стажировки в Германии [электронный ресурс]// Новостной сайт РИА-Дагестан/ URL:http://www.riadagestan.ru/news/education/dagestanskije_studenty_mediki_vernulis_so_stazhirovki_v_germanii/ (дата обращения 25.09.2014).

9. Europäische Personennamensystem. Ein Handbuch von Abasisch bis Zentralladinisch Erscheinungsjahr. Band.2. Hamburg:Baar, 2007.; Loanwords in the World's languages. A comparative handbook. Berlin, 2009; 7th International Scientific Conference «European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches». Stuttgart, 2013.

10. Лечение за границей. Дагестан и дагестанцы в мире [электронный ресурс]// Новостной сайт Без формата.ру/ URL: <http://mahachkala.bezformata.ru/listnews/lechenie-za-granitcej-dagestan-i-dagestantci/7790809/> (дата обращения 25.09.2014).

3.3. ДАГЕСТАНСКАЯ ДИАСПОРА КАЗАХСТАНА В РАКУРСЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Ж.У. Кыдыралина

С момента обретения независимости Казахстан проводит взвешенную государственную политику в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Диалог культур, их взаимовлияние и взаимопроникновение – реалии и вчерашнего, и сегодняшнего дня казахстанцев. Дружба народа Казахстана уходит корнями в историю. Казахстан стал родным домом для 140 этносов и 17 конфессий.

В условиях полиэтнической среды формируется особое состояние сосуществования и взаимодействия разнообразных этнических культур. В казахстанском обществе с многообразием этнических традиций и культур происходит сложный внутренний взаимообмен духовности.

Все годы суверенного развития Казахстан как правовое, светское, демократическое и социальное государство создает условия для реального плюрализма. В Казахстане формируется модель демократии, которая опирается на либеральные и традиционные ценности. К их числу относятся высокое чувство коллективизма и взаимопомощи, верность общественному долгу, почитание традиций, стремление к компромиссу, толерантность.

Много общего сформировалось в мироощущении, ментальности проживающих здесь этнических групп. В общем казахстанском доме каждая народность имеет свое достойное место, и без нее народ Казахстана не полон. Общая численность населения Казахстана, по официальным данным на 1 июля 2014 года, составляет 17 млн. 285 тыс. человек [1].

В процентном соотношении этническая структура населения Казахстана в 2012 году выглядела следующим образом: 64,55 % составляют казахи, 22,35 % - русские, 2,96 % - узбеки, 1,88 % - украинцы, 1,42 % - уйгуры, 1,22 % - татары,

1,08% - немцы, 4, 53 % - другие этносы. Самыми многочисленными этносами в Казахстане являются 7 этносов, составляющими в общей сложности более 95,5 % населения [2, с.27].

По данным этнокультурных центров дагестанцев Казахстана, сегодня в нашей республике проживают более 12 тысяч дагестанцев. По некоторым данным, на всем постсоветском пространстве именно в Казахстане самое большое количество представителей дагестанской диаспоры. Следует отметить, что дагестанцы не относились к числу этносов, которых постигла участь сталинских депортаций народов. В Казахстане проживают представители десятков дагестанских народностей – это лезгины, аварцы, даргинцы, лакцы, кубачинцы, кумыки, нагайцы, табасаранцы, чамалинцы, андийцы, годоберинцы, таты, агульцы. Каждая из них имеет свой язык, обряды, традиции [3].

На территорию Казахстана дагестанцы попали по разным причинам. Появление дагестанцев здесь относится к XIX в. Самая первая группа состояла из сосланных в царской России в Сибирь бунтовщиков после поражения народного восстания в 1877 году. Первые дагестанцы из этой группы обосновались в северных регионах Казахстана: Петропавловской, Кустанайской и Кокчетавской областях. Другую группу уже добровольных переселенцев составляли так называемые «отходники», уезжавшие на периферию России в поисках работы, и так и оставшиеся на новых местах, в том числе и в казахских землях [3].

Но в советский период, как все народы бывшего СССР, дагестанцев затронули кампании по раскулачиванию и коллективизации, в результате которых в 1930-1934 годах в Сибири и Казахстане оказались выселенные и раскулаченные. Бывшие зажиточные, а затем раскулаченные лезгины, обосновали в Алматинской области совхоз имени Томаровского [3].

Дагестанцы, как и весь советский народ, героически сражались на фронте и самоотверженно трудились в тылу в годы Великой Отечественной войны. Во время войны в Алма-Ату из Дагестана был эвакуирован крупный военный завод. Вместе с ним приехало 11 тысяч специалистов и рабочих[3]. Немало было дагестанцев и в составе трудовой армии. В казахстанском Прикаспии в числе бойцов трудовых колонн, мобилизованных военкоматами, состояли и дагестанцы. По состоянию на 1 июля 1944 г., среди бойцов 3-го СУ ГУАС НКВД, осуществлявшего в 1943-1945 гг. строительство в Гурьеве союзного № 441 нефтеперегонного завода по проекту американской фирмы «Баджер», было 9 аварцев, 24 даргинца, 12 кумыков, 33 лезгинца, 2 нагайца [4, с. 79, 80; с. 26, 27]. Многие из трудармейцев после завершения строительства завода так и остались в местах трудового использования и устройства.

Дагестанцы были и среди эшелонов «первоцелинников», осваивавших целинные и залежные земли в Казахстане, и активистов комсомольской стройки, прокладывавших дорогу Акторгай-Дружба. Как и все народы единой в прошлом страны, дагестанцы приняли участие в народнохозяйственной жизни общей Родины и национальной республики и в последующие годы. Группа инженерно-технических работников и специалистов-дагестанцев прибыла в Западный Казахстан в 1980-х годах, когда там были найдены новые колоссальные месторождения нефти. В числе первопроходцев, кто осваивал эти залежи, были дагестанские нефтяники [3].

Таким образом, общее историческое прошлое и культурная традиция заложили глубокие основы межэтнической толерантности казахстанцев. Сохраняемое в независимом Казахстане межэтническое согласие – это результат духовного родства этносов на протяжении многих лет совместного проживания и процессов созидания. Именно духовно-нравственные качества, особый менталитет всех без

исключения этносов, населяющих современный Казахстан, сохраняющаяся преемственность традиций взаимопонимания и взаимного сотрудничества позволяют нам поддерживать гражданское согласие и стабильность.

Сегодня этнокультурные объединения этнических диаспор Казахстана являются не только активными участниками проводимых общенациональных кампаний, но и организаторами многих мероприятий, способствующих популяризации национальной культуры, укреплению стабильности и межэтнического согласия.

Так, и дагестанскими культурными центрами Казахстана проводится огромная работа по возрождению культуры, языка и традиций. Ежегодно, в праздничные дни дагестанские этнокультурные объединения республики организуют выставки народно-прикладного искусства. Этнокультурные объединения дагестанской диаспоры Казахстана действуют в крупных областных центрах республики: Алматы, Атырау, Актау, Караганде. Ежегодно 1 мая, на празднике Дня единства народа Казахстана, этнокультурные объединения дагестанцев представляют гостям необыкновенные блюда национальной кухни, красочность народных костюмов и азартную зажигательность дагестанской лезгинки.

Запоминающимся историко-культурным событием в жизни дагестанской диаспоры суверенного Казахстана стало празднование двухсотлетия со дня рождения народного героя, руководителя народно-освободительного движения горцев Кавказа Шамиля в октябре 1997 года. Летом того же года в Дагестане было широко отмечено 100-летие со дня рождения Мухтара Ауэзова. Тогда Республику Дагестан посетила делегация из Казахстана во главе с сыном писателя Муратом Ауэзовым [3].

Языковая политика является важнейшим элементом во взаимоотношениях этносов, проживающих на территории Казахстана. Государство многое делает для развития на-

циональных языков этнических диаспор Казахстана, а также популяризации государственного казахского языка и его модернизации. 62% жителей Казахстана, согласно итогам общенациональной переписи населения, проведенной в 2009 году, свободно владеют государственным языком. В 2010/2011 учебном году в дневных общеобразовательных школах республики с казахским языком обучения обучалось 1 573,7 учащихся, с русским – 843,4 тысячи, с узбекским – 78,9 тыс., с уйгурским – 14,4 тыс., на других языках – 0,7 тыс. учащихся [5, с. 20].

В то же время широкое владение казахами и другими этносами русским языком – историческое преимущество всех казахстанцев. В настоящее время русский язык в Казахстане изучается повсеместно, он является обязательным предметом в государственных и негосударственных учебных заведениях. Сохранение сферы функционирования русского языка отвечает стремлению Казахстана к интеграционным процессам, сохранению единого культурного и образовательного пространства со странами СНГ и является мощным конкурентным преимуществом Казахстана в условиях глобализации.

Дагестанцы внесли заметный вклад в экономику, развитие образования, культуры и спорта Казахстана. Среди дагестанской диаспоры немало известных людей. Более 10 дагестанцев являются чемпионами Казахстана, СССР и Европы по вольной борьбе, самбо и дзюдо. Большую работу по развитию спорта проводит заслуженный тренер СССР, чемпион республики, заслуженный тренер Алексей Атаев. Им подготовлено более 25 чемпионов республики и победителей различных международных соревнований. С 1937 года в Семипалатинской области в селе Георгиевка жил и похоронен классик лакской литературы Али Каяев [3].

Председателем дагестанского культурного центра в Казахстане является Увайсов Мусаннип Зияутдинович, уроженец села Хуты Лакского района Дагестана. Он – ува-

жаемый в республике старейшина (аксакал), заслуженный учитель Казахстана. М. Увайсов - автор книги об истории дагестанцев Казахстана [6].

В Казахстане функционирует уникальный общественный институт, консультативно-совещательный орган, имеющий конституционный статус - Ассамблея народа Казахстана, представляющая своеобразную евразийскую модель диалога культур. О ее роли так отметил в своем интервью 1 мая 2010 года агентству Казинформ председатель Дагестанского культурного центра, член Совета Ассамблеи народа Казахстана Мусаннип Увайсов: «Ассамблея народа Казахстана решает не только вопросы сохранения межэтнического и межконфессионального согласия, но и представлена в Парламенте страны. «Не менее важно, что это площадка, на которую выносятся все предложения и проблемы, где открыто обсуждаются и затем принимаются конкретные решения. Мы не только танцуем и поем, мы принимаем реальное участие в жизни нашей страны» [7].

В следующем, 2015 г., исполнится 15 лет со времени создания Ассамблеи народа Казахстана. В Казахстане разработан Общенациональный план мероприятий по празднованию данного юбилея, а также 20-летия Конституции страны, также отмечаемого в будущем году. 2015 год объявлен Годом Ассамблеи народа Казахстана. Все этнокультурные объединения республики, в том числе и дагестанские культурные центры, примут активное участие в мероприятиях. Дагестанцы Казахстана со всеми гражданами полиэтничной страны участвуют в созидательных процессах по достижению крупномасштабных целей государственной стратегии, развитию человеческого капитала как фундамента цивилизационного рывка общества вперед.

Библиография:

1. Основные социально-экономические показатели развития Казахстана. Агентство Республики Казахстан по статистике. Астана, 1 июля 2014 г. // <http://www.stat.gov.kz/>.

2. Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2012.
3. Мой Дагестан // <http://moidagestan.ru/blogs/23240/13894>.
4. Кыдыралина Ж.У. Депортированные в Казахстан народы: история и современность. Алматы: Ғылым, 1999. 188 с.; Кыдыралина Ж.У. «Условия незавидные, а работа очень тяжелая». Трудовая армия на строительстве нефтеперерабатывающего завода в Гурьеве. 1943-1945 гг. // Исторический архив. 2010. № 4. С. 15-34.
5. Казахстан за годы Независимости. 1991-2010 гг. Статистический сборник. Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2011.
6. Увайсов М.З. Дагестанцы в Казахстане. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 2012. 152 с.
7. Увайсов М.: «Мы принимаем реальное участие в жизни нашей страны» // <http://inform.kz/rus/article/22642150>.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

3.4.МОДЕЛЬ АДАПТАЦИИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ В ИЗРАИЛЕ

И.Г. Семенов

С распадом СССР большая часть горских евреев эмигрировала в Израиль. Процесс адаптации в новое общество был нелегким: от 2 до 3 лет эмигранты пребывали в стрессовом состоянии, причем молодежь, как правило, быстрее вращалась в местную культуру. Наибольшие трудности у большинства горских евреев были связаны с изучением иврита и местного законодательства, а также с поиском жилья и работы. В начальный период проживания в Израиле значительное число горско-еврейских семей распалось из-за психологических и материальных трудностей.

подавляющее большинство горско-еврейских семей в Израиле первоначально – из экономии – проживало вместе со старшими членами семьи (родителями, бабушками и дедушками), но общий настрой состоял в том, что в перспективе каждая молодая семья должна жить в отдельной квартире – съемной или купленной (или коттедже), желательно недалеко от старших. При этом каждая горско-еврейская семья ориентируется на приобретение собственных квартир, причем особо престижным считается приобретение коттеджа. Как правило, представители старшего поколения семьи помогают младшему в покупке жилья.

Представители старшего поколения горско-еврейских семей в Израиле ориентируют младшие на предпочтительность заключения браков внутри горско-еврейской группы. Тем не менее, почти половина браков заключается с представителями других еврейских групп.

Горско-еврейский язык в Израиле постепенно вытесняется из бытового общения ивритом и русским. Русский становится вторым по значимости языком для горских евреев Израиля (после иврита). Горско-еврейские газеты, а также интернет-журналы в Израиле издаются только на

русском. Реклама, ориентированная на горских евреев, также русскоязычна. Горско-еврейские газеты в Израиле издаются за счет спонсорской поддержки и бесплатно рассылаются читателям, в том числе и за рубеж – в Россию, Азербайджан, США, Канаду и Германию. Русский язык у горских евреев Израиля сохраняет свою престижность. То же, кстати, и у европейских евреев из стран бывшего СССР. Для того, чтобы сделать русский для детей более «родным» появилось довольно много частных дошкольных учреждений (очень дорогих), в которых разрешено общаться только на русском, а заядлых нарушителей исключают. При этом родители стараются ограничить общение детей с выходцами из других стран, а также и с теми «советскими» детьми, речь которых изобилует заимствованиями из иврита.

Что касается службы в Армии обороны Израиля, то ее горские евреи Израиля считают престижной. Уклоняющихся от службы практически нет, правда, девушек, как правило, стараются избавить от армейской службы, для чего в Израиле есть как законные, так и не совсем законные способы. Офицеров горско-еврейского происхождения в Армии обороны Израиля сравнительно немного, но в последние два десятилетия, благодаря программе, рассчитанной специально на горских евреев, их число постепенно возрастает.

По степени владения ивритом горские евреи Израиля, по их собственным оценкам, значительно уступают европейским евреям, иммигрировавшим в Израиль из СССР.

Уровень образованности горских евреев Израиля существенно выше общеизраильского – престижность высшего образования сохраняется у горских евреев еще с советского периода. Впрочем, в этом отношении они заметно уступают горским евреям России и США. По уровню экономической активности горские евреи Израиля выгодно отличаются от общеизраильского, но уступают горским евреям России и США. Более того, наиболее крупные израиль-

ские предприниматели горско-еврейского происхождения нередко переносят свой бизнес либо в США, либо в Россию. По уровню экономической активности горские евреи Израиля значительно уступают европейским евреям, иммигрировавшим в Израиль из СССР, правда, в последние годы эта ситуация начинает меняться.

В Израиле горских евреев называют *kavkazi* «кавказский; кавказец». Обычно этот термин произносится с ударением на предпоследний слог, но сами горские евреи произносят его с ударением на последний слог – в соответствии с нормами своего языка. Довольно часто горские евреи Израиля в бытовом общении и сами применяют к себе это название. Употребляется даже производная от этого этникона горско-еврейская форма – *kavkazini* «кавказский; кавказец». О том, насколько термин *kavkazi* успел укорениться в сознании израильских горских евреев свидетельствует также название издающейся в Израиле горско-еврейской газеты – «Кавказская газета». Можно также отметить, что ряд горско-еврейских семей мигрировал из Израиля в США, Германию и Канаду, вследствие чего этникон *kavkazi* стал употребителен и среди живущих там горских евреев.

В условиях израильского общества кавказская составляющая этнического самосознания горских евреев все еще сохраняет свою актуальность, что проявляется, в частности, в принятии этникона *kavkazi* в качестве одного из самоназваний. Таким образом, в Израиле традиционное самоназвание горских евреев *juhur/ jihur* начинает конкурировать с русским *горский еврей* и с израильским *kavkazi*.

Напомню также, что традиционное самоназвание горских евреев *juhur/ jihur* отражает тюркско-иранское *juhud/ jihud* «еврей». Последнее же, в свою очередь, восходит к древнееврейскому *ÿehud/ ehud* «представитель колена Иуды» [1, с. 27], ставшем впоследствии названием всех евреев вообще. Особенность горско-еврейской формы связана с дос-

таточно обычной для горско-еврейского языка ротацией поствокального **d > r*.

Традиционные кавказские этнические названия горских евреев также имеют в своей основе тюркско-иранское *jihud/jihud*, адаптированное к их языкам. Это лезгинск. *ччу-вудар*, табасаранск. *жугьуд*, азербайдж. и кумыкск. *жугьуд*, даргинск. *жуфуд* и т.д. Кавказцы неизменно проводят различия между горскими евреями и евреями-ашкеназами: четко отличая горских евреев от евреев-ашкеназов, кавказцы вводят в отношении ашкеназов уточнение – *русские евреи*, тогда как в отношении горских евреев вводится принципиально иное уточнение, отражающее их «кавказскость» – *наши евреи* [2, с. 236–242].

Русское название «горские евреи» появилось во время Кавказской войны, и было обусловлено тем, что в тот период в официальной терминологии русской военной администрации все кавказские народы именовались, независимо от реальной зоны своего проживания, «горскими» [3, с. 193., 4, с. 182]. В этом смысле сочетание «горские евреи» является оправданным в культурном и историческом плане, так как достаточно емко и точно описывает языковую, культурную и ментальную особенность горских евреев по отношению к другим субэтническим группам евреев. Кроме того, оно логично укладывается в типологический ряд русских названий других групп евреев – «грузинские евреи», «европейские евреи», «среднеазиатские («бухарские») евреи» и т.д.

Библиография:

1. Семенов И.Г. О происхождении горских евреев. М., 1997.
2. Семенов И.Г. Современные этнические самоназвания горских евреев (новации последних десятилетий) // Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя и взгляд извне: Сб. ст. / Под общей ред. А.-Н.З. Дибирова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013.
3. Семенов И.Г. Горские евреи. Некоторые аспекты этнической идентификации // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. 2003. № 3 (27). (*Semenov I. The Mountain Jews in the Caucasus: Certain Aspects of Ethnic Identifica-*

tions // Central Asia and the Caucasus. Journal of social and political studies. 2003. № 3 (27). P. 166–167).

4. Анисимов И.Ш. Кавказские еврей-горцы // Сб. материалов, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. III. М., 1888. С.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

3.5. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА И АЗЕРБАЙДЖАНА: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

С.И.Алиева

Освещение многовековых и разносторонних связей народов Дагестана с народами Кавказа – одна из актуальных задач исторической науки. Особенную активность она приобрела с обострением межнациональных отношений на Кавказе после распада Советского Союза. Новый этап исторических преобразований определяется взаимоотношениями между народами, их разносторонними и многовековыми связями.

Осмысливание исторических этапов этих взаимоотношений может и должно способствовать правильному выбору стратегии сосуществования народов, их сближению и интеграции в рамках идеи демократических ценностей. В этой связи освещение взаимоотношений между народами многонационального Кавказа имеет большое значение в научном и практическом отношении.

Так уж сложилось исторически, что Азербайджан и Дагестан издавна объединяют связи в области культуры, торговли, науки, экономики и в других сферах. Это было обусловлено близким географическим положением, широкой протяженностью границ, имеющимися сухопутными, а также морскими путями сообщения. Кроме того, Дагестан и Азербайджан связывали близость традиций, менталитета, общность религии. Такое родство двух регионов и обусловило обширность взаимоотношений народов Дагестана и Азербайджана во все времена. Они были особенно близки в периоды Кавказской Албании, Российской империи, советский период, когда оба этих региона входили в состав одного государства[1].

Детальное изучение структуры торговых отношений, отходничества, взаимоотношений в области материальной и духовной культуры конца XIX-начала XX века, являющегося ключевым во взаимоотношениях Дагестана и Азер-

байджана, позволило примерно установить динамику торговли, количество и перечень товаров, их цены и направления потоков движения, и грузооборот в разные годы. Комплексное исследование взаимоотношений, касающихся материальной, духовной, научной, политической, экономической, миграционной областей позволило:

- на основе анализа имеющихся источников литературы дать анализ общественно-политического и социально-экономического развития Дагестана и Азербайджана в изучаемый период;

- показать социально-экономические сдвиги, которые произошли в Дагестане и Азербайджане под влиянием вхождения в состав России и переход на капиталистический путь развития;

- раскрыть роль и значение торговых путей и торговых центров Дагестана и Азербайджана в развитие торговли между ними;

- осветить торговые связи между Дагестаном и Азербайджаном во второй половине XIX - начале XX века;

- выявить в работе факты взаимовлияния Дагестана и Азербайджана друг на друга в области духовной и материальной культуры;

- отразить роль русской культуры на обогащение духовной и материальной культуры обоих рассматриваемых регионов.

Для истории Дагестана и Азербайджана это был мирный период внешнеполитического развития, связанный с прекращением войн и вступлением в состав России, а также сменой общественно-экономической формации, связанной с переходом с феодально-крепостнического строя на буржуазно-капиталистический. Дагестано-азербайджанские взаимоотношения вступили на новый этап в связи с вхождением в состав России. Вхождение в состав России привело к значительным политическим, культурным и экономическим изменениям в жизни Кавказа.

С политической точки зрения изменения произошли в следующем. Были ликвидированы многочисленные феодальные образования в Азербайджане и Дагестане, и обе области вошли в состав России. Прекратились многочисленные феодальные междоусобные войны и иностранные военные завоевательные походы, которые мешали взаимоотношениям Дагестана и Азербайджана. С торгово-экономической точки зрения это привело к улучшению условий торговли. Были уничтожены внутренние таможи и улучшена транспортная система.

В этот период меняется и политический строй. Дагестан и Азербайджан в 60-70-е годы переходят с феодального пути развития на капиталистический путь. Изменения происходят одновременно в Азербайджане и Дагестане в области налогообложения, законодательного и уголовного права и в социальной структуре общества. Они унифицируются. В Азербайджане и Дагестане ранее существовало большое количество разнообразных налогов, законов, обычаев. Но с вхождением в состав России и ликвидацией ханств, отменой крепостного права были введены общеимперские законы для всех окраин страны, хотя, конечно, социально-политические и экономические законы в Дагестане и Азербайджане отличались от социально-политических и экономических законов Центральной России. Кавказ с Азербайджаном и Дагестаном неофициально считались колониальными окраинами. Царское управление в Дагестане и Азербайджане имело свои особенности, но оно стало аналогичным в обеих областях.

Произошли изменения в структуре экономики и торговли между Дагестаном и Азербайджаном. Ранее Дагестан и Азербайджан вели обширную торговлю во всех отраслях товарного производства. Во второй половине XIX века объём торговли сокращается. Торговля перестаёт быть внутрикавказской и перерастает в общероссийскую торговлю. К концу века в связи с увеличением населения и значитель-

ным ростом экономического развития объём торговли по Российской империи значительно возрастает. В этот период Дагестан и Азербайджан имели небольшой объём торговли друг с другом, но очень высокий — с Центральной Россией и Поволжьем.

Эти области раньше в течение многих веков вели широкую торговлю между собой зерном, овощами, продукцией животноводства, ремесленными изделиями, предметами быта и домашнего обихода. Но развитие капитализма в России привело к концентрации капитала и производства. И более сильные капиталистические предприятия из Центральной России стали вытеснять ремесленное производство в Дагестане и Азербайджане. Российское зерно, овощи, предметы быта и обихода проникли на рынок Западного побережья Каспийского моря и стали конкурировать с местными производителями. Это случалось и ранее, но в этот период процесс завоевания кавказского рынка центрально-российским производителем стал особенно интенсивным. Во второй половине XIX века Дагестан и Азербайджан получали из Центральной России продукцию машиностроения, ткани, метизы, лес, орудия труда, пшеницу. Взамен из Азербайджана и Дагестана Россия получала фрукты, марену, шелк, шафран, вина, рыбу, консервы, хлопок, нефть и т.д. Иными словами, в основном, сырьё для работы российской промышленности и продукцию сельского хозяйства.

Развитию торговли способствовало и значительное улучшение транспортной системы. В конце века проводится железная дорога Баку-Беслан и далее в Центральную Россию. Дорога проходила через Дагестан.

К концу XIX века на Каспийском море стали преобладать паровые суда, обеспечивающие большую грузоподъёмность и скорость доставки. Это усилило роль судоходства на Каспийском море.

Намного улучшились и сухопутные дороги. Появились асфальтированные, шоссейные дороги.

Вхождение Дагестана и Азербайджана в состав России усилило взаимное проникновение капиталов. Азербайджанский промышленник Тагиев приобрел в Петровске фабрику «Каспийская мануфактура». Возникла буквально «с нуля» и банковская деятельность. В Баку функционировал филиал Ростовского промышленного банка, который обслуживал и Дагестан. Азербайджанцы покупали недвижимость в Дагестане и наоборот. Раньше подобное явление было редкостью. Немаловажное значение имела и отгонная животноводческая система. Горцы южного Дагестана перегоняли свой скот на зимовку в степные районы северо-западного Азербайджана. Как и в прежние времена, это обстоятельство продолжало играть важную роль во взаимоотношениях обеих областей.

Важнейшим фактором взаимоотношений Дагестана и Азербайджана являлось отходничество. Оно существовало и раньше, но в рассматриваемый период структура отходничества претерпела значительные изменения.

Ранее основной массой отходников являлись сельскохозяйственные рабочие и ремесленники. Во второй половине XIX века число ремесленников и сельскохозяйственных рабочих сократилось. Быстрый рост населения, нехватка земли и расслоение общества привели к тому, что в дагестанских и азербайджанских селах появилась безработица. Снизилась нужда в сельскохозяйственных рабочих из других регионов. Но зато резко выросло число промышленных отходников. Большое количество отходников-дагестанцев работало на промышленных предприятиях Баку, который к концу XIX века превратился в один из крупнейших промышленных центров России.

Дагестанские отходники в Баку познакомились с азербайджанским языком и культурой. Многие оставались на постоянное место жительства.

В конце XIX века Дагестан превратился в важнейший транзитный регион российско-азербайджанской торговли.

Транзитное значение Дагестана особенно проявлялось зимой. В это время река Волга покрывалась льдом, и почти все товары отправлялись в Азербайджан через Дагестан сухопутным путем. В Дагестане возникли крупные склады, обслуживающие транзитную торговлю. Широкую известность получил дербентский нефтяной склад, обслуживающий поставку бакинских нефтепродуктов. Зимой северная часть Каспийского моря замерзала, и поэтому в это время объем торговли между Дагестаном и Азербайджаном значительно возрастал.

В 60-70-х годах XIX в. в Дагестане и Азербайджане были ликвидированы все феодальные владения и вольные общества. В связи с этим политические отношения между двумя областями исчезли. К власти пришли русские генералы, назначаемые царской администрацией. Все политические взаимоотношения в этот период сводятся к деловой переписке царских чиновников. Следует отметить, что с вступлением в состав России местные феодалы сохранили за собой только право внутреннего самоуправления. Право вести внешнюю политику без согласования с царскими властями им запрещалось.

В культурных взаимоотношениях также произошли значительные изменения. С присоединением Кавказа к России произошло приобщение Дагестана и Азербайджана к более передовой и развитой русской культуре и науке. В дагестанские и азербайджанские города приезжали русские рабочие, купцы, чиновники, военнотружущие. Происходило распространение русского языка среди дагестанцев и азербайджанцев. В обеих областях открывались светские школы с примерно одинаковой образовательной программой.

В области материальной культуры взаимоотношения были не столь обширными, как в других областях. Конечно, культура народов Дагестана и Азербайджана в процессе многовекового проживания рядом имела много общего.

Это выражалось в строительстве домов, мечетей, резьбе по камню, дереву, одежде, производстве орудий труда, домашней утвари и т.д. Но эти общие сходства в материальной культуре имели место и ранее. Например, еще в средние века дагестанцы и азербайджанцы приобщились к мусульманской арабоязычной письменности, архитектуре строительства мечетей и т.д.

Во второй половине XIX века на Кавказе наблюдается научно-техническое доминирование России практически во всех областях, мало-мальски связанных с промышленностью и производством.

В Азербайджане и Дагестане строятся дома русского типа, используются русские печи, повсеместно вводятся в обиход европейская одежда, русские орудия труда, машины, станки, транспорт и т.д. В это время дагестанская и азербайджанская материальная культура испытывает застой. Через более развитый Азербайджан в Дагестан попадают русские предметы быта и орудия труда. Производство некоторых современных видов продукции было налажено в Дагестане и в Азербайджане в исследуемый период.

В научно-литературных отношениях между Дагестаном и Азербайджаном началось некоторое оживление. Научные связи были неразвиты, потому что в Дагестане и Азербайджане наука была слабо развита. Особенно это относится к естественным наукам. Но литература и фольклор получили в это время большое распространение. Азербайджанские и дагестанские историки, философы, поэты, писатели имели сильные связи друг с другом. В их творчестве затрагиваются общие для Дагестана и Азербайджана темы, наиболее проблемные.

Подводя итоги, можно выявить следующую тенденцию. В пореформенный период народы Дагестана и Азербайджана отошли от своей многовековой замкнутости и все больше и больше втягивались во всероссийскую орбиту. В

этой стадии азербайджано-дагестанские отношения вышли на новый уровень.

Охватываемый период – 1860-1910 годы – азербайджано-дагестанских отношений является переходной ступенью капиталистического развития обоих регионов на качественно новый эволюционный путь для развития более тесных взаимосвязей Дагестана и Азербайджана в предреволюционный и советский период общественного развития России. В советский период отношения между двумя республиками вышли на качественно новый уровень.

Рассматривая современный период взаимоотношений Дагестана и Азербайджана, можно отметить, что их по-прежнему связывают соседские, дружественные отношения. Но в последние 10-15 лет эти отношения приобрели другую окраску. Это связано с тем, что в 1991 году развалилось мощное государство – СССР, и на его месте образовался конгломерат пятнадцати независимых государств под названием СНГ. Развал государства больно ударил по экономической, политической и культурной жизни всех народов бывшего СССР. Оборвались транспортные, промышленные, культурные, научные, энергетические связи единого организма страны.

Эта участь не обошла Дагестан и Азербайджан. Дагестан остался в составе крупной и довольно мощной Российской Федерации. Азербайджан же стал независимой республикой. Такое разделение Дагестана и Азербайджана повлекло за собой определенные проблемы, связанные с взаимоотношениями двух республик на разных уровнях. Осуществление связей происходит посредством деятельности постоянного представительства Республики Дагестан в Республике Азербайджан. Помимо представления республики в соседнем государстве, организации двусторонних экономических, политических и культурных мероприятий постпредство обязано заниматься проблемами этнических дагестанцев, живущих в Азербайджане, поднять их на вы-

сокий уровень и содействовать их решению совместно с руководством двух республик[2].

Глава Дагестана несколько раз говорил о важности сотрудничества с Азербайджаном, дагестанская делегация ездила в Баку с дружественным визитом. Азербайджан активно участвует в подготовке 2000-летнего юбилея Дербента. Азербайджан и сегодня является основным торгово-экономический партнер Республики Дагестан, объемы торговли с которым ежегодно составляют не менее 30% внешнеторгового оборота республики. По данным дагестанской таможни, внешнеторговый оборот между Дагестаном и Азербайджаном ежегодно составляет примерно 370102,8 тыс. долл. США. Кроме того, Азербайджан – постоянный участник Дагестанского экономического форума. На территории РД реализуются инвестиционные проекты, ориентированные на азербайджанские рынки сбыта, в которых предусматривается азербайджанское участие.

Это и многое другое говорит о том, что несмотря на имеющиеся трудности в отношениях между Дагестаном и Азербайджаном, для их правильного решения необходимо учитывать историческое наследие, проводить параллели во взаимоотношениях из древности в настоящее время.

Библиография:

1. Гасанов М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России. Махачкала.2004. С.78-95/
2. Раджабов Р. Кто и как представляет Дагестан в Азербайджане? // Новое дело. 27.июня 2014.

instituteofhistory.ru

3.6. КАВКАЗСКИЕ ДИАСПОРЫ В ИЗРАИЛЕ

Ханна Косейкова.

Наиболее старая кавказская диаспора в современном Израиле представлена черкесами. Они являются потомками кавказских мухаджиров, расселявшихся турецкими властями по всей территории Османского государства. В Израиле черкесы живут в двух поселках, основанных в первой половине XIX в.

Черкесам разрешено служить в Армии обороны Израиля, работать в полиции. В школах они изучают родной язык и литературу. После открытия границ СССР учебники по этим предметам стали заказываться в Нальчике. Израильские черкесы отличаются очень высоким по местным меркам уровнем образования.

Во второй половине XIX в. в Иерусалим и г. Цфат мигрируют первые группы горских евреев из Еврейской слободы г. Кубы (ныне в составе Азербайджанской Республики), а также из Дагестанской области. Значительно более крупные миграции горских евреев в Израиль относятся ко второй половине – началу XXI в.

В настоящее время большая часть горских евреев проживает в израильских городах Хадера, Беэр-Шева и др.

Кавказская диаспора в современном Израиле представлена также европейскими евреями. Напомним также, что постоянное европейско-еврейское население на Кавказе появляется в первой половине XIX в. Их массовые миграции из кавказского региона в Палестину относятся ко второй половине – началу XXI в.

3.7. АБХАЗО-ДАГЕСТАНСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА.

Г.А. Сангулия

Взаимоотношения древних этносов прасеверокавказской семьи, абхазского и дагестанского, расположенных по линии Запад-Восток уходят в далекую праисторическую эпоху становления и развития аборигенной кавказской культуры периодов неолитической революции и раннеземледельческой культуры и даже ранее. Занимая издревле активные пучки в общей сети коммуникативной системы, данные группы составляли особые звенья многоплеменных сообществ, которые по принципу лингвистической непрерывности, впоследствии даже будучи уже разделенными, сохранили субстратные типологические особенности. Наиболее сильная позиция, которую занимают такие рудиментарные явления праисторической эпохи в культурах дагестанского (из нахо-дагестанской группы) и абхазского (абхазо-адыгской группы) регионов, имеют надежные археологические и исторические подтверждения. В частности такой важнейший погребальный обряд как «вторичные погребения», имеющие на сегодня надежную базу эмпирических (вещественных и литературных) данных, характерные как для Абхазии и Дагестана, по данным региональных исследований обладают самой высокой частотой встречаемости и глубокой хронологической удаленностью своего зарождения – с конца мезолитического времени. С этого времени зафиксированы и зачатки культуры первых земледельцев (Чох -Дагестан, Хупын-ипшахуа –Абхазия) и первые ясные контакты между нашими регионами. Широкие языковые лексические соответствия раннеземледельческого характера (названия зерновых, орудий труда, древнейшая лексика производств) не могут зародиться и наследоваться без общей исторической жизни на одной земле (этнической территории). Это наоборот предполагает по-

стоянные активные контакты без посредства иного элемента проходившей впоследствии возможно по Абхазской подгорной дороге через древний Сурис (Сурамский перевал), с районом которого мегалитическая культура Абхазии имеет ясные вещественные соответствия (Брили). Известно, что те самые «вторичные погребения» имеют в эту эпоху свои пиковые этапы бытования. В собственно абхазских памятниках древнейшие соответствия общекультурного характера подчеркивает и поселенческий материал (пещерные поселения и погребения, устройство полов с глиняной обмазкой, очаги и вообще предметы бытовой культуры), который и впоследствии развивается как важный культурный фонд подлежащий закреплению и дальнейшему развитию. Оно и понятно, культ предков, смерть и ее переживание обозначенная ныне как самостоятельная категория культуры, занимали ключевую позицию в актах межпоколенной трансмиссии существенной информации через систему родства племен, характер расселения которых уже отмечал зону ответственности и разделения интересов древних обществ. В этом отношении для абхазо-дагестанских типовых черт этничности характерна такая особенность как «многоплеменность» знаменитой «Горы языков» как величали Дагестан восточные авторы, и Абхазии с центром в Диоскурии (Сухум), куда стекались близкие и дальние местные племена в гиперболическом количестве 70-130-300, для общения с которыми работал целый штат переводчиков (Плиний). Этот давний исторический процесс привел, например, древних албанов-дагестанцев по словам знаменитого Страбона от 26 царей к единоцарствию, а по его же словам, у гениохов-абхазов сохранялись еще 4 царя. Эти традиции этнической и лингвистической дифференциации, не смотря на высокую степень консолидации этносов, по сей день сохранились как живой исторический реликт древнего наследия.

Древнее родство и наследие, этнопсихологические сходства, взаимные симпатии, высокая степень оценки культурных явлений каждой из сторон указывает на легкий путь контактов и взаимное обогащение культур. В этом отношении важно указать на список материальных элементов культуры подлежащих активному обмену: предметы ювелирного искусства, вооружение и бытовые предметы. Известно, что в Абхазии непосредственно жили и работали и сами дагестанские ювелиры, не только в столичном г. Сухуме но и в районном г. Очамчире.

Особым спросом пользовались работы дагестанских оружейников. Например, знаменитым и предпочтением в выборе пользовалось дагестанское ружье под названием «араджыб», который отличался длинным (чем обычные ружья) прикладом. Известны и кинжалы дагестанских мастеров под названием «алакуый (лакское)», миниатюрные, но очень изящные и богато орнаментированные.

Примечательное место занимают изящно орнаментированные дагестанские одноручные кувшины с тонкой и высокой шейкой, которые используются до сих пор в некоторых местах не только для воды, но и для вина, а также для посвяtitельных поминальных напитков.

Прекрасный пример тесного сотрудничества и давнего участия дагестанские мастера проявляют в строительстве. На современных площадках возрождающейся Абхазии наряду с местными работниками трудятся и дагестанские мастера. Бригады делятся опытом, своими секретами, тесно общаются, бывают в одной компании и ходят в гости к своим абхазским друзьям домой, еще больше узнают друг друга и спланиваются.

Занимаются дагестанцы в Абхазии распространением и ремонтом компьютерной техники, особенно современными мобильными телефонами. Здесь также можно заметить наличие тесных связей и доверительных отношений. Оценивается срочное и квалифицированное обслуживание

клиентов, к которым дагестанцы относятся с большим уважением.

Можно заметить выходцев из Дагестана на рынках Абхазии, где они торгуют различными товарами, правда, исключая продукты питания.

В целом занятия и контакты носят больше сезонный характер в форме отходничества или же они идут по вахтенному принципу (на стройках).

Не смотря на небольшое количество участников, данная сторона развития дагестанского участия в культурной и трудовой жизни Абхазии всегда имела и имеет в настоящее время положительный характер. Достаточно сказать, что такая группа только активно и поддерживает абхазо-дагестанские взаимоотношения.

Примечательной является и давняя дружба дагестанских и абхазских ученых, в особенности археологов и лингвистов: вместе они разрабатывают проблемы кавказоведения и ведут ареальные исследования, переписываются и активно поддерживают решение различных научных проблем. Нельзя не заметить и творческие встречи дагестанских и абхазских студентов, их интересные выступления на семинарах и конференциях. Одна из них проходила параллельно со знаменитыми «Крупновскими чтениями» в Махачкале.

Таким образом, абхазо-дагестанские взаимоотношения, хотя не имеют большие количественные характеристики, но носят весьма положительный и созидательный характер. Ее участники осознают свое древнее родство, всячески подчеркивают и демонстрируют общее этнокультурное наследие, которым они очень дорожат. Такая страна как Абхазия имеет надежных друзей и братьев в лице дагестанцев, гордится им и весьма дорожит всем достигнутым вместе с ними.

3.8. ДАГЕСТАНОЯЗЫЧНЫЕ НАРОДЫ ВОСТОЧНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ.

З.А.Халаев

Восточное Закавказье, на котором с древнейших времен дагестаноязычное население, после распада Советского Союза является, составной частью двух независимых государств – Азербайджана и Грузии. В физико-географическом плане, эти земли, начинаются примерно от кварельско-лагодехской зоны современной восточной Грузии, и тянутся в юго-восточном направлении современного Азербайджана через Белоканский, Закатальский, Кахский, Шекинский районы, – охватывая, наиболее благодатные и плодородные территории на левобережье рек Алазань, а также – р. Куры, в ее среднем течении. В этнокультуре горских народов Дагестана, особенно у аварцев, известна как Цор, которое связывают с аварским словом цер – «лед». Еще свое время П. К. Услар, описывая земли к югу от Главного Кавказского хребта отмечал, что равнина к югу от Главного Кавказского хребта, у горцев имеет название Цор. [1.с.20]

Вероятно поэтому дагестаноязычных народов, в частности, аварцев проживающих в современного Азербайджана и Грузии именуют как «цоральгул магIарулал», («закавказские аварцы, т.е горцы Загорья»). Больше половины населения, проживающего в этой зоне в основном с древних времен, составляют народы нахско-дагестанской семьи, о чем и свидетельствуют исследования современных исследователей ближнего зарубежья. По словам азербайджанского исследователя Г.А. Джавадова, «часть местных нацменьшинств современной Шеки-Закатальской зоны являются автохтонными, а другие появились в Азербайджане в результате демографических (миграционных) процессов или политики колониальных империй, как, например, горские евреи и тд.» [2.]

На протяжении нескольких столетий на территории Восточного Закавказья существовал союз Джаро-Белоканских обществ. Будучи влиятельным на Кавказе военно-политическим образованием, он сыграл значительную роль в истории Кавказа в XVIII – первой половине XIX в. Географически эти общества находились на южном склоне Главного Кавказского Хребта. Анализируя этнополитические и культурно - религиозные процессы в Восточном Закавказье, в XVI-XVIII вв., приходим к выводу что, указанные процессы проходили там, за Главным Кавказским Хребтом - под влиянием различных факторов, особенно политических, достаточно своеобразно, с заметным отличием, по ряду параметров от того, что мы видим на примере Дагестана. О древней истории народов этой зоны источники дают скудные сведения, но если сопоставить информацию разновременных арабских, турецких, грузинских, персидских источников, то мы обнаруживаем преемственность, которая позволяет нам воспроизвести панораму местности в виде исторического экскурса.

Еще до проникновения ислама этот регион длительный период испытывал политическое, экономическое, идеологическое воздействие со стороны соседних развитых стран, в том числе Византии и Сасанидского Ирана. Эти державы в целях, подчинения не только албанских народов, но и северных племен использовали главным образом, религию. Уже в V-VI веках н. э. в Эретии получает распространение христианство. В условиях проникновения религиозных идей Эретии не только оказалась в сфере христианской культуры, но и являлась очагом её распространения в Нагорном Дагестане. Хотя само христианство тогда не имела единого толка, так как длительные догматические споры привели к расколу церкви. В первой половине VII века Сасанидская империя, в составе которой находились земли Кавказской Албании, исчезла под натиском войск Арабского Халифата, и все народы и земли, входившие в

империю Сасанидов, стали частью нового государства. Арабские походы сопровождались распространением новой религиозной культуры. [3].

Начало VIII в. характеризуется как время непрерывных арабо-хазарских войн, ежегодных походов арабских войск в северные земли, в том числе и в Дагестан, по одному из путей – Лекетской дороге, которая, проходила через рассматриваемый регион. Во время правления халифа Абдалмалика (685-714 гг.) военные действия на Кавказе вновь приобретают новые импульсы. Пользуясь ослаблением позиций Византийской империи, Халифат стремился завоевать Восточный Кавказ. На этот период приходится самое большое число арабских походов. В указанное время в Эрети также наблюдается религиозная пестрота. Наряду с мусульманством здесь, наблюдается и проникновение идеи христианской религии. Армянские миссионеры распространяли одно из его течений – монофизитство, а грузинские – диофизитство. В этих условиях Арабский халифат сделал албанскую церковь монофизитской, и албанская церковь полностью потеряла свою независимость.

В начале IX века наступает пора сравнительно мирной жизни, несмотря на быстрое распространение ислама, последний все же не смог укрепить свои позиции в регионе. В последующие века влияние халифата окончательно ослабло. Ислам теряет здесь свои позиции. Спустя несколько веков после появления ислама в указанном регионе его народы подверглись христианизации со стороны религиозных миссионеров. Ислам временно стал терять свои позиции. Часть населения этой зоны под воздействием грузинской церкви ассимилировались картами и кахами. Живущие же ближе к горным склонам горцы сохранили свои этнические особенности. Усиление грузинской государственности, рост политического влияния последнего на соседние земли, оживление религиозных контактов – все эти факты реализовали политику грузинских царей и духовен-

ства, которое стремилось распространить христианство в подвластных им владениях. Наблюдается процесс ассимиляции местных горских народов грузинскими царями. В отдельных частях Алазанской долины начинается активная миссионерская деятельность грузинского духовенства. В идеологической области, в распространении христианства, Грузия проводила систематическую планомерную работу. [4]

В начале XII века земли Алазанской долины, в том числе и Эрети, окончательно вошли в состав грузинской Кахети. Закономерным следствием процесса распространения и углубления христианства в среде местного населения представляется церковное строительство, которое разворачивается в регионе с IX века. Усиление грузинской государственности, создание единого централизованного грузинского государства, рост политического и культурного влияния на соседние земли — все эти факты содействовали реализации политики грузинских царей и духовенства по активной христианизации населения. Предпринимались новые попытки насадить христианство не только в Алазанской долине, но и на всем Кавказе. Политические обстоятельства содействовали успеху распространения христианства, в том числе оборонительная политика Давида Строителя и царицы Тамар, которые высоко подняли идеологический и политический престиж Грузии, влияние которой доходило до Дербента. В XIII-XIV вв. Закавказье, как и Дагестан, стало ареной битв монголо-татарских войск. Здесь столкнулись позиции двух крупнейших монгольских держав - государств Хулагидов и Золотой Орды. Если до второй половины XIII века в лице монголов была представлена сила, преследовавшая ислам, то начиная со второй половины указанного столетия картина меняется. Политика золотоордынских ханов отныне определяется поддержкой мусульманства не только на всей территории Дагестана, но и Закавказья. Но и в период бытования хри-

стианства с одной стороны, и походов монгольских войск с другой, в отдельных частях изучаемого региона существовали мелкие очаги мусульманства. Об этом свидетельствует надпись на стене Джонкоз - кала (с. Джар, Закатальский район РА.) середины XIII века. Складывается редкая по своей сути ситуация одновременного сосуществования ислама и христианства в Алазанской долине.

С начала XIV века христианство начинает терять значение государственной религии в Алазанской долине а в ходе нашествия Тимура в 1395-96гг. и распада грузинского государства, начавшегося с 60-х годов XIV века, христианство уступает позиции исламу. Тимур придавал большое значение религиозному фактору и искусно использовал морально-этический авторитет мусульманской религии в борьбе против своих противников. Поддерживая мусульман, одаривая их, он побуждал сторонников ислама к войне против «неверных». В это время в предгорной части Закатало-Белокан возвышается старинный аварский населенный пункт «Клад роси» - «Верхнее село»- Голода, упоминание о котором имеется в средневековых дагестанских исторических хрониках. В авароязычных письменных документах также говорится об основании села Голода и о происхождении этого названия. Согласно источнику «первоначально страна наша называлась «союз Голода», (Гъолода эль) по той причине, что селение наше находилось на склоне (гъвел) горы».. Голода представляла собой внутренне сплоченную организацию, состоящей из тухумов. XVI век, характеризуется усилением влияния мусульманского государства сефевидов не только в Закавказье, но и в Дагестане. К указанному периоду все дагестанские общества были исламизированы. Алазанская долина и проживающие в нем народы, в том числе и дагестаноязычные, оказались в окружении мусульманского мира. К середине XVI столетия в государстве Сефевидов ощущается очередное военное возрождение. Частые походы сефевидских войск

на Грузию ослабили влияние феодально-раздробленной страны. В результате этого грузинский этноконфессиональный элемент теряет контроль над землями Алазанской долины.[5. с.14.]

В самом конце XVI века власть в державе Сефевидов переходит в руки Шах Аббаса, который стремился укрепить пошатнувшуюся мощь его державы. Однако его войны с Османской империей превратили страны Закавказья в настоящую арену битв и сражений. Кахетинское царство в этих условиях оказалось очень ослабленным, прямым следствием чего и было усиление борьбы горцев из Голода с помощью соседей против кахетинских князей. В антикахетинских акциях со стороны горцев выступали и закрепощенные грузинские крестьяне. При определенной поддержке иранских наместников и мусульман из соседнего Дагестана в первой половине XVII века, в регионе активизируются антигрузинские настроения, имея целью окончательного изгнания грузин из зоны. Без чего невозможно было окончательное утверждение ислама в регионе. Голодинские тухумы во второй половине XVII столетия, среди которых уже имелись видные мусульманские просветители, начали устанавливать контроль над землями предгорной части и совершать походы в соседние земли. Переход самих грузинских правителей на сторону горцев способствовал укреплению позиций горско - мусульманского элемента в регионе. В это время наблюдается и процесс внедрения исламских (шариатских) законов наместниками шахского двора, которые стали постепенно вытеснять христианскую культуру в рассматриваемом регионе. В самом конце XVII столетия в связи с ослаблением влияний сефевидов грузинские цари совершают поход против горских народов данной зоны, о чем говорят и археографические материалы.

Заметное усиление влияния аварских обществ таких как Джар, Катех, Тала, Белокан в период царствования

иранского наместника Беджан-хана, стали стимулом новой борьбы с грузинскими князьями. Постепенное падение власти грузинских царей и утверждение горско-мусульманских общин в Алазанской долине, что и привело к созданию вольных обществ последними. В начале XVII века эти общины создали несколько вольных обществ — Джарское, Тальское, Цахурское, Белоканское и др. и их конгломерат в русской историографии получил название Джаро-Белоканские общества.

XVIII век - сложный период в истории Джаро-Белокан. Этот век характеризуется утверждением ислама и шариатских законов, восстаниями, а также периодом экономического и политического расцвета данного политического образования. В условиях борьбы трех великих держав того времени-Турции, Ирана и России эта административная единица оказалась в центре горячих политических событий. В условиях политической нестабильности и экономического хаоса горцы часто под религиозном флагом поднимали восстания. Совершали походы на соседние земли, о чем упоминается в местных исторических хрониках. При отсутствии централизованной власти в Закавказье формируются новые феодальные владения, появление которых характеризуется острой борьбой за расширение своих границ и сферы влияния.

Со времени включения нынешнего Азербайджана в состав Российской Империи и вплоть до 1991 года эта территория никогда не была разделена государственной границей. Возникновение таковой, среди всех дагестанских народов, сильнее всего ударило по лезгинам. Этот народ проживает в северо-восточных районах Азербайджана, непосредственно примыкающих к той части Дагестана, которая также населена лезгинами. Под властью Российской империи и СССР существовал практически единый ареал расселения лезгин, лишь условно разделенный границей

РСФСР и Азербайджанской ССР (а ранее - границей Дагестанской и Бакинской губерний) по реке Самур. [6].

Распад СССР имел весьма ощутимые, драматические последствия для северных районов Азербайджана, населенных дагестанскими народами. Для аварцев и цахуров, проживающих в северо-западной части Азербайджана, возникновение государственной границы само по себе не имело столь фатальных последствий. Их зона расселения хотя и примыкает к Дагестану, но отделена от него высоким в той местности Большим Кавказским хребтом, поэтому говорить о существовании какой-то единой этнической общности, которую бы разделила госграница, в данном случае не приходится. В начале 1990-х важным фактором на обострение межэтнических противоречий в северном Азербайджане, было рост национального самосознания коренных народов самого Дагестана. Даже аварцы, отделенные в Азербайджане от своих сородичей Большим Кавказским хребтом, осознавали свое единство с теми, кто участвовал в создании национально ориентированных аварских организаций в Дагестане.

Аварцы, проживающие в северо-западных районах Азербайджана, не создали в начале 90-х какой-либо национальной организации и в целом оставались "вне политики", по сравнению с лезгинами. Азербайджанские аварцы по географическим причинам не имеют столь тесных связей со своей дагестанской "метрополией", как лезгины. Добавлялся и некоторый языковой барьер - диалект аварского, на котором говорят в Закатальском и Белоканском районах, довольно сильно отличается от литературного аварского языка. Наконец, если лезгины было разделены азербайджано-российской границей практически "напополам", то аварцы, оказавшиеся в независимом Азербайджане, составляли все же малый процент от аварского этноса.

После приобретения Азербайджанской республикой своей независимости в 1991 году наступил новый этап го-

сударственности. Однако, карабахский конфликт, экономическая ситуация, отсутствие демократического развития, быстрое смещение морально-нравственных акцентов и ориентиров – требовали ответа и объяснения. С середины 90-х годов все более возрастающее влияние на жизнь Азербайджана начал оказывать Запад, в первую очередь США. Западное направление стало доминировать в мышлении азербайджанцев. И именно с ним они теперь ассоциировали решение имевшихся проблем. Однако к концу 90-х годов выяснилось, экономическая жизнь также не давала поводов для оптимизма. Вдобавок возникли новые проблемы – безработица, массовая миграция населения за пределы страны в поисках лучшей доли. И опять перед обществом встала проблема поиска своей идентичности, теперь духовной. Вполне закономерным было то, что люди потянулись к исламу в надежде найти свою духовную идентичность и ответы на не решаемые проблемы. Правда, это не очень касалось старшего поколения азербайджанцев, которым за 50 лет. Воспитанные на советской идеологии, они больше были заняты решением конкретных бытовых проблем. Зато среднее и, особенно, младшее поколения остро нуждалась в моральных и духовных ориентирах.

Как же, в общих чертах, выглядит сегодня положение рядовых дагестанцев, проживающих в северном Азербайджане? Прежде всего, надо отметить, что в основной своей массе дагестанцы в Азербайджане представляют собой сельское население. Современный Закатало-Белооканский регион по мнению, дагестанского лингвиста, Дибирова И.А., является один из “пестрых” в этническом плане регионов на Кавказе. Аварцы проживают в 25 селах Белооканского и 21 селе Закатальского района, что составляет 96,1% всех аварцев, проживающих в Азербайджане [7. с.23]. По его словам «в настоящее время, по уточненным данным, по месту проживания число носителей закатальского диалекта аварского языка доходит до 80 тысяч» [7, 4]. Он же приво-

дит и перечень сел по районам, где проживают носители этого диалекта: Закатальский район сс. Гугам, Чукак, Динчи, А. Чардух, Джар, Кебельоба, Цилибан, Маков, Абаали, Войтала, Йолайрыдж, Ойтала, Пашан, Мацех, Беретбина, Кабиздара, Джиджигана, Узунтала, Кандак, Ю. Тала, Ю. Чардахлар; Белоканский район Кайса, Абжит, Катех, Беретбина, Мазымкара, Цалбан, Мешашамбул, Газбеллюк, Бичигарбина, Кодошбина, Камыштала, Маллачибина, Халатала, Герюджюк, Шамбул, Кильсябугов, Чедеровтала, Шариф, Магамалар, Рочахмед, Пуштатала, Чеддер, Газбина, Кабахчели всего 46 селений. В целом же в Закатальском и Белоканском районах проживает 96,1% от всего авароязычного населения Азербайджана. Кроме того, аварцы компактно проживают и в Кахском районе Азербайджана. [7. с.23].

Другой дагестанский исследователь Б. М. Гусейнова пишет, что «В Белоканском районе Азербайджана поселений аварских немало. В основном они средние по количеству жителей (по несколько сотен душ), но есть и огромные (по несколько тысяч душ), из числа которых можно упомянуть, к примеру, Магамалар (3100 душ), Катех (всего 5400 душ, большинство из которых аварцы) и поселок Кабахчел (более 20 тыс. душ). В Закатальском районе Республики Азербайджан аварские селения средние по размеру, большие и есть даже огромные. Упомянем здесь, в качестве примера, Джар (2100 чел.), Верхнее Тала (5600 душ, из которых 40-45% до сих пор говорят на аварском языке), Гёгям (1600 душ), Верхний Чардахлар (1500 душ), Даначы (5300 душ) и Мацех (1200 душ) и т.д.» [8. с. 3-4].

Аварская речь рассматриваемого региона в целом характеризуется как закатальский диалект аварского языка, достаточно близкий к другим южным диалектам. Этот диалект, как и другие дагестанские языки на территории Азербайджана, подвергается значительному влиянию азербайджанского языка. [7.с.23].

По разным источникам, этнокультурная деятельность аварского сообщества координируется следующими образованиями: Аварский культурный центр (руководитель Тинаев Магомед, г.Баку); Центр им. имама Шамиля (Исаев Магомед Омар оглы, г.Баку), Аварское общество (Мамедов Шамиль Джабраилович, с. Джар Закатальского района).

В области образования в постсоветское время наметился определенный прогресс - впервые в школах северного Азербайджана стали преподаваться, как предметы, дагестанские языки, чего практически никогда не было во времена СССР. Однако национальные активисты жалуются на трудности подготовки учителей, нехватку учебников, доставляемых исключительно из Дагестана, подозрительное отношение властей к центрам дагестанской культуры, особенно в районах. Продолжена реализация программы по улучшению изучения азербайджанского языка в Дагестане и лезгинского, аварского и цахурского языков в Азербайджанской Республике. Однако сотрудничество на региональном уровне не только с Дагестаном, но и с другими регионами в промышленности, строительстве и других областях по-прежнему не достигло должного уровня. В 2003 году приказом Министерства образования были утверждены учебные программы для 1-4 классов средней школы по талышскому, татскому, курдскому, лезгинскому, цахурскому, аварскому, хиналугскому и удинскому языкам. Согласно инструкции Министерства просвещения, программа лезгинского, аварского и цахурского языков включает следующее количество часов родного языка:

Предварительный класс - 2 часа в неделю;

1-ый класс - образование только на государственном языке;

2-ой класс - 2 часа в неделю;

3-ий класс - 1 час в неделю;

4-ый класс - 1 час в неделю.

«В целях разрешения проблемы подготовки учителей по национальным языкам по инициативе Правительства Республики Дагестан в 1996 г. в г. Баку открыт филиал Дагестанского Государственного Университета. В филиале функционируют филологический, юридический и финансово-экономический факультеты. С 1998-1999 учебного года началась подготовка специалистов по аварскому и лезгинскому языкам и литературам.[9. с.49.] В настоящее время филиал имеет отдельный учебный корпус, библиотеку. Учебный процесс организован на основе учебных планов программы Министерства образования Российской Федерации. Общее число студентов составляет 530 человек, из них - 356 на дневном и 174 на заочном отделениях. Однако все еще не разрешенной остается проблема регистрации филиала Дагестанского Государственного Университета в Министерстве образования и Министерстве юстиции Азербайджанской Республики. [6. с. 36]. Современный Азербайджан и Дагестан издавна объединяют связи в области культуры, торговли, науки, экономики и в других сферах. Это было обусловлено близким географическим положением, широкой протяженностью границ, имеющимися сухопутными, а также морскими путями сообщения. Такое родство двух регионов и обусловило обширность взаимоотношений народов Дагестана и Азербайджана во все времена. Они были особенно близки в периоды Кавказской Албании, Российской империи, советский период, когда оба этих региона входили в состав одного государства.

Библиография:

1. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. III. Аварский язык. (Пословицы, рассказы и песни, Сборник аварских слов). Тифлис, 1889.; Петрушевский И. П. Джаро-белооканские вольные общества в первой половине XIX в. 1-е изд. Тифлис, 1934; 2-е изд. Махачкала, 1993.
2. Джавадов Г.А. Малочисленные народы и национальные меньшинства в Азербайджане, Баку, 2000 г.
3. Айтберов Т. М. Закавказские аварцы: этнос, государственность, законы (VIII начало XVIII в.). Ч. I. Махачкала, 2000.

4. Айтберов Т. М. Закавказские аварцы // Народы Дагестана. 2002. № 1.
5. Хроника войн Джара. Примечание к ней Е. А. Пахомова. Баку, 1931.
6. Юнусов А. Этнический состав Азербайджана (по данным переписи 1999 г.). Баку, 2001.
7. Дибиров И. А. Лексические и морфологические особенности дагестанских языков Алазанской долины. Махачкала, 2001.
8. Гусейнова Б. М. Расселение дагестаноязычных и других народов в Восточном Закавказье в XVIII – середине XIX вв. Махачкала, 2004.
9. Алексеев М., Казенин К., Сулейманов М. Дагестанские народы Азербайджана. Политика, история, культура. М.2006.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Послесловие к этой монографии – это не столько подведение окончательных итогов и резюмирование сделанных выводов, сколько способ показать возможные направления для гармонизации отношений между народами на пути складывания новых этнокультурных ландшафтов под воздействием окружающей действительности.

Все, как один, авторы монографии подчеркивают, что основной причиной трансформации этнических и культурных сообществ во всех странах мира, регионах России, и особенно Северного Кавказа является активизация миграционных процессов, стихийно развивающихся в последние десятилетия, и порождающих целую массу проблем разного уровня. Не последнее место в них занимает передвижение народов Дагестана в стремлении к обретению лучшей жизни для себя и своих домочадцев.

В самой республике в различных кругах достаточно часто говорят, что нарастание переселенческого движения, по сути, стало результатом «недальновидной, а порой и предвзятой политике дагестанской бюрократии, стремившейся создать социалистическую нацию»[1. с.25, 242, 282], модернизации государственного устройства[2. с.162.], безработицы[3.с.655], и соответственно носит объективный характер.

В то время как в оценке роли выходцев из Дагестана, эксперты принимающих регионов, «ненавязчиво» предупреждают, что «достижение 10 %-го порога численности мигрантов от общего количества населения того или иного населенного пункта вызывает всплеск фобий среди местных жителей»[4], транслируя при этом зарубежный опыт в российскую действительность.

Рассматривая доводы и той и другой стороны, мы должны учитывать, что, по сути, «... традиционный запретительный подход к регулированию внутрирегионального

миграционного потока субъектами Российской Федерации существенно затруднен, поскольку экономические мигранты из трудоизбыточных, горных районов Кавказа являются гражданами России, и это ставит на повестку дня разработку новой стратегии управления миграционными потоками»[5. с.399].

Говоря о социально-культурной составляющей процесса формирования этнических ландшафтов в самом Дагестане и регионах-реципиентах, наверно, правомерно будет подчеркнуть тот факт, что «кавказская особенность» поведения дагестанских мигрантов сложилась под воздействием целого ряда объективных причин. Как отмечают специалисты, в основе их дивергентного поведения лежит не стремление подчеркнуть свою особость, а тот факт, что «народы Северного Кавказа получили большинство достижений модернизированного технологического общества в готовом виде, но из-за стремительности процесса перехода сохранили архаичные нормы поведения и традиции»[6.с.164]. Однако, именно поведенческий аспект является активатором процесса отторжения со стороны местного населения в большинстве изученных субъектов, а нагнетание ксенофобских настроений со стороны СМИ только обостряет социальное неприятие.

Более всего отражает реальное состояние дел с миграциями мнения специалистов сводящееся к следующему: «никакой «запланированной миграционной экспансии» со стороны кавказских народов не происходит. Никакой реальной угрозы «чернения», «дагестанизации» / «даргинизации» / «чеченизации» / «арменизации» / «месхетизации» и прочих «...заций» рассматриваемых субъектов ни сегодня, ни на ближайшую перспективу не существует. И нет никакой опасности, что через несколько десятков лет «русские станут национальным меньшинством на своих исконных землях...». Не иначе как ученым вымыслом является и некий «порог конфликтности», то есть та мера чис-

ленности мигрантов, превышение которой якобы порождает всплеск мигрантофобии и обострение этнических противоречий [7. с.186]. Применительно к дагестанцам это мнение легко подтверждается данными Всероссийских переписей, свидетельствующих о том, что процентное соотношение русского и дагестанских народов в принимающих регионах за последние пятьдесят лет абсолютно не изменилось.

В целом предложенные здесь примеры и образы взаимодействия дагестанцев с представителями различных стран и субъектов Российской Федерации свидетельствуют о том, что «мир, ксенофобию или вражду обуславливает не количество «чужих» как таковое в «своем» населенном пункте, но позиция сторон по отношению друг к другу»[5.с. 401.]. И в этой связи единственным выходом из сложившейся ситуации выглядит культурная и социальная интеграция, рассчитывать на которую в ближайшей перспективе не приходится.

Почти во всех раскрытых в монографии случаях, за цепью событийного конструкта негласно присутствует некий дискурс, носящий сугубо конфликтный потенциал о социальном значении «старожильческого» населения и «пришлых», мигрантов. Зачастую, местные жители хотят видеть в дагестанце-мигранте гостя, со всем и вытекающими из этого последствиями. В то время как дагестанец, перемещаясь по территории РФ, воспринимает себя – «россиянином», человеком, обладающим неотъемлемым правом на работу и перемещение по своей стране. По большому же счету, участники этого взаимодействия ожидают друг от друга элементарного уважения и принятия.

Пожалуй, остается добавить лишь то, что без взаимной открытости, стремления к обеим сторонам «старожилы и мигранты» к взаимопониманию и сотрудничеству, по сути, не возможно создание новых, глубоко инкорпорированных

этнокультурных ландшафтов ни в Дагестане, ни в России, ни за ее пределами.

Библиография:

1. Османов А. И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20—70-е годы XX в.). Махачкала, 2000.
2. Яхьяев М.Я. Миграционные процессы в Северокавказском регионе: проблемы и тенденции. // Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя. М. 2013.
3. Паничкин А.В. Структура и тенденции развития межрегиональных связей. // Двадцать лет реформ: итоги и перспективы. М.-Махачкала, 2011.
4. Савва М.В. Миграция в Южном федеральном округе // Бюллетень Владикавказского института управления. 2005. № 15.
5. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л.
6. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В. Региональная конфликтология. Концепты и российская практика. М.2008.
7. Российский Кавказ: Российский Кавказ. Книга для политиков. М., 2007.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Абдулагатов Заид Магомедович – к.филос.н., заведующий отделом социологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (далее ИИАЭ ДНЦ РАН) (Махачкала, РД).
2. Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна – к.и.н., доцент, зав. кафедрой Чеченского государственного университета (Грозный, ЧР).
3. Алиева Севиндж Исрафил-гызы – д.и.н., в.н.с. Института истории Национальной академии наук Азербайджана (Баку, РА).
4. Базиева Гульфия Джамаловна – к.филос.н., с.н.с. Института гуманитарных исследований правительства Кабардино-балкарской республики и Кабардино-балкарского научного центра РАН (Нальчик, КБР).
5. Ибрагимов Магомед-Расул Абдуллаевич – к.и.н., доц, в.н.с. отдела этнографии ИИАЭ ДНЦ РАН (Махачкала, РД).
6. Идрисов Эльдар Шамигуллович – к. полит.н., заместитель директора по научной работе Астраханского филиала Российской академии государственной службы при Президенте РФ (Астрахань).
7. Казенин Константин Игоревич – к.филол.н., старший научный сотрудник Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара (Москва).
8. Капустина Екатерина Леонидовна – к.и.н., м.н.с. отдела этнографии народов Кавказа Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург).
9. Косейкова Хана – докторант Пражского университета (Прага, Чехия).
10. Кыдыралина Жанна Уркинбаевна – д.и.н., доцент, первый заместитель директора Института истории государства Республики Казахстан (Астана, РК).

11. Лысенко Юлия Михайловна – к.и.н., н.с. отдела новой и новейшей истории Дагестана ИИАЭ ДНЦ РАН (Махачкала, РД).
12. Намруева Людмила Васильевна – к. соц.н, доц., руководитель отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста, РК).
13. Сангулия Г.А. – к.и.н., руководитель Государственного управления охраны историко- культурного наследия Республики Абхазия, (г. Сухум, РА)
14. Семенов Игорь Годович – д.и.н., с.н.с. отдела древней и средневековой истории Дагестана ИИАЭ ДНЦ РАН (Махачкала, РД).
15. Соколов Денис Владимирович – к.э.н., генеральный директор Кавказского центра проектных решений (Москва).
16. Халаев Захид Алиевич - к.и.н., м.н.с. отдела древней и средневековой истории Дагестана ИИАЭ ДНЦ РАН (Махачкала, РД).
17. Халидова Ольга Борисовна – к.и.н., м.н.с. отдела новой и новейшей истории Дагестана ИИАЭ ДНЦ РАН (Махачкала, РД).
18. Халилова Амина Сергеевна – к.и.н., м.н.с. отдела новой и новейшей истории Дагестана ИИАЭ ДНЦ РАН. (Махачкала, РД).
19. Халилова Заира Маджидовна – доктор философии, научный сотрудник департамента лингвистики и лексикологии Института эволюционной антропологии им. М. Планка (Лейпциг, Германия).
20. Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – д.соц.н., с.н.с. отдела социологии ИИАЭ ДНЦ РАН (Махачкала РД).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (Халилова А.С.)	3
Глава I. Этнокультурные ландшафты в постсоветском Дагестане: проблемы и особенности формирования	6
1.1. Миграционные процессы в Дагестане в контексте формирования современного этнокультурного ландшафта	6
1.2. Миграция дагестанцев внутри региона: некоторые демографические загадки	30
1.3. Трудовая миграция дагестанцев в постсоветский период: основные цели и направления	41
1.4. Северокавказский фронтир: Гагатль в образах современной миграции (публикуется в сокращении из журнала «Фронтир» 2013г.)	52
1.5. Проблема формирования межэтнического согласия в Республике Дагестан: состояние и тенденции (по результатам социологических исследований)	74
Глава II. Дагестанцы в зеркале миграций: освоение пространств современной Российской Федерации	96
2.1. Выходцы из Дагестана в Западной Сибири: к вопросу о формировании транслокальных сообществ.	96
2.2. Миграция русских Кизлярщины в регионы юга России: причины, механизм, особенности.	115
2.3. Российский Север в судьбах ногайцев: постановка проблемы	127
2.4. Дагестанские этнические группы в сельских поселениях республики Калмыкия: основные демографические характеристики.	138
2.5. «Дагестанские русские» в регионах юга России в 1980-2010 гг.: особенности адаптации в материнском этносе.	147
2.6. Дагестанские ногайцы в Астраханской области: вопросы расселения и социокультурной адаптации.	154
2.7. Национально-культурный центр «Дагестан» в Кабардино-Балкарии.	163

2.8. «Вещный мир» чеченцев в иноэтничном окружении (на примере одежды и системы питания).....	172
Глава III. Дагестанцы в Закавказье, странах Средней Азии и Западной Европы: направления интеграции..	177
3.1. Дагестанская диаспора в Турции: этапы формирова- ния и современный этнокультурный облик.	177
3.2. Дагестанцы в Германии: интеграция в сфере образо- вания и науки.....	184
3.3. Дагестанская диаспора Казахстана в ракурсе меж- культурных взаимодействий.	190
3.4. Модель адаптации горских евреев в Израиле.....	197
3.5. Взаимодействие народов Дагестана и Азербайджана: от истоков к современности.	202
3.6. Кавказские диаспоры в Израиле.....	211
3.7. Абхазо-дагестанские этнокультурные взаимоотношения: историческая ретроспектива.....	212
3.8. Дагестаноязычные народы Восточного Закавказья: прошлое и современность.	216
Послесловие. (Халилова А.С.)	229
Сведения об авторах.	233
Оглавление	235

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Научное издание

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
ДАГЕСТАНСКОГО КОМПОНЕНТА**

(к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН)

Коллективная монография

Набор и корректура *А. М. Чопанова*
Литературная редакция *Ю.М. Лысенко*
Подготовка оригинал-макета *О.А. Сулейманов*
Дизайн обложки *Ю.М. Муртузалиев*

Подписано в печать 10.10.2014 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Печать ризографная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 15. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии АЛЕФ, ИП Овчинников М.А.
367000, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50
Тел.: +7-903-477-55-64, +7-988-2000-164
E-mail: alefgraf@mail.ru